

61: 02-7 / 78-5

**МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

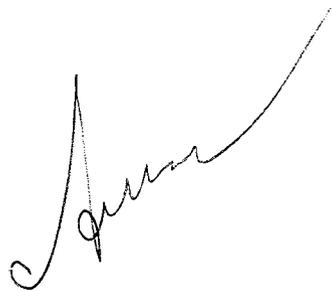
На правах рукописи

АЛЕКСАНДРОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

**ГЕРМАНСКОЕ НАЕМНИЧЕСТВО В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

07.00.03. - всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Дворецкая И.А.

Москва - 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА I Возникновение и эволюция военного наемничества в средневековой Германии.	20
§ 1 Наемничество к концу XV в. Основные критерии классификации.	20
§ 2 Максимилиан I Габсбург и переворот в военном деле. Становление нового этнического военного сообщества.	36
§ 3 Милиционная система и наемничество: причины и сущность трансформации.	54
ГЛАВА II Немецкое наемничество конца XV – середины XVII в.: основные черты и этапы внутритипового развития.	78
§ 1 Система и типовые особенности. Политический аспект наемничества.	78
§ 2 Финансово-экономический аспект наемничества.	91
§ 3 Военные предприниматели и рядовые наемники в военном сообществе.	106
§ 4 Социальный аспект наемничества.	125
ГЛАВА III Корпорация наемников в средневековом социуме: корпоративное и общественное сознание.	141
§ 1 Немецкий военный. Грани ментальности.	141
§ 2 Наемники и наемничество в общественном восприятии.	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
ПРИМЕЧАНИЯ	218
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	247
ПРИЛОЖЕНИЯ	257

ВВЕДЕНИЕ

Роль войны, как одного из основных видов деятельности человека, в истории сложно переоценить. Сам облик войны, ее формы и характер напрямую зависят от общества, ее породившего, но и война со своей стороны выступает в качестве постоянно действующего фактора исторического развития, оказывая порой решающее воздействие на все сферы жизни общества: политическую, экономическую и социальную. Война является самым надежным потребителем наиболее совершенных достижений человеческого разума и, употребляя их во зло, принося смерть, голод, мор и разрушение, в то же время стимулирует прогресс, задавая его направление и темпы.

Одним из основных компонентов структуры любого общества является его военная организация, конденсирующая в себе все наиболее характерные черты социума в целом и служащая одним из важнейших критериев его оценки. Истории известны две основные формы военной организации: милиционная, построенная на военной службе лиц, обязанных ее нести, и наемничество, предоставляющее эту возможность всем желающим. Сменяя друг друга и, зачастую, переплетаясь между собой в самых сложных сочетаниях, они сопровождают человечество на протяжении всего его существования, трансформируясь в зависимости от конкретных исторических обстоятельств, но, тем не менее, не изменяясь по сути.

Однако если милиционная форма военной организации является изначальной, известной еще со времен военной демократии, то наемничество - военная служба за вознаграждение - требует особых условий для своего возникновения и укоренения, условий, которые смогли сложиться только с появлением первых государственных образований:

во-первых, необходимо само наличие войны или, по крайней мере, ее реальной угрозы, в отсутствие которой наемничество, удел профессиональных воинов, теряет всякий смысл;

во-вторых, государственная власть должна испытывать необходимость в услугах наемников ввиду нехватки, недостаточной боеспособности или надежности

вооруженных сил, организованных традиционно на принципе осуществления военной службы либо силами всего общества в целом, либо силами определенной социальной группы, сословная принадлежность членов которой совпадает с их профессиональной принадлежностью;

в-третьих, требуется наличие людей, имеющих потребность и возможность воевать по найму.

Конкретные причины, порождающие эти предпосылки, могут быть самыми разнообразными, однако, неоспоримо одно - наемничество всегда является одним из самых ярких симптомов кризиса как в странах, порождающих наемников, так и в странах, их потребляющих. Состояние вооруженных сил как одной из самых чувствительных структур общества, особенно в эпоху, когда война являлась основным средством политики, наиболее отчетливо отражает состояние всего социума. По степени проникновения наемничества в традиционную военную организацию, процветание которой служит свидетельством относительной стабильности, можно судить о глубине, а иногда и о характере кризисной ситуации. Когда внутренние противоречия еще не слишком глубоки, наемничество проявляется лишь эпизодически, а то и вовсе отсутствует. Когда же они вырастают до критических величин, в период кардинального общественно-политического сдвига, во время коренных преобразований и переоценки устоявшихся ценностей, наемничество становится господствующей формой военной организации, хотя и практически никогда не остается единственной, в какой-то степени соседствуя с традиционной, обычно более устойчивой.

Первая предпосылка дает потенциальную возможность для развития наемничества, вторая - создает необходимый спрос, третья - обеспечивает предложение, а все вместе они создают условия для появления весьма специфического рынка - рынка наемников. Однако для его функционирования необходимо и еще одно обязательное условие - наличие в обороте наиболее универсального и удобного средства расчета - денег, причем в довольно значительном количестве, что предполагает соответственный уровень развития товарно-денежных отношений и, естественно, сильно локализует, тем самым, во времени периоды, когда существование наемничества принципиально возможно.

Изучение наемничества, как особой, экстраординарной формы военной организации в конкретную эпоху, особенно актуально, поскольку позволяет по-новому взглянуть на самые острые, переломные и болезненные моменты истории человечества через призму специфических черт, приобретенных наемничеством под влиянием конкретно-исторических обстоятельств данного периода, выяснить особенности данного общества и государства, тенденции их развития, установить взаимозависимость многих факторов экономического, социального, политического характера. Немаловажное значение, в особенности в последнее десятилетие, приобрело и исследование ментальности человека войны, которая, будучи вписана в конкретную историческую и социальную реальность в немалой степени характеризует и ментальность человека данного времени вообще, его отношение к военным а, соответственно, и к войне.

Изучение военной истории периода позднего Средневековья имеет особенное значение, поскольку в это сложное, переходное время, характеризующееся в социально-экономическом плане разложением феодального уклада и зарождением в его недрах капиталистического, а в политическом отношении - становлением абсолютизма, процессы, протекавшие в области военной организации стран Западной Европы оказали весьма существенное воздействие на формирование общества и государства современного типа. На этом историческом этапе изменения в военном деле превращаются в один из важнейших факторов трансформации во всех сферах жизни общества, имеющей общеисторическое значение для всей Западной Европы.

Господство наемничества, пожалуй в большей степени, нежели прочие кардинальные перемены в военной сфере, носившие революционный характер, оказало влияние на формирование таких важнейших государственных структур, как правильная налоговая система и разветвленный бюрократический аппарат. В недрах наемных войск XVI - первой половины XVII вв. сформировались начала, сделавшие возможным создание главной опоры абсолютизма - постоянной армии. Значительным было воздействие массового наемничества и на социальную сферу, где оно, наряду с колонизацией новых земель и т. п. стало одним из основных

элементов снятия социальной напряженности, неминуемой в период радикальных преобразований.

В этой связи немецкое наемничество представляет собой объект исследования первостепенного значения. В период позднего Средневековья оно достигает небывалого уровня развития, практически полностью захватывая монопольные права на общеевропейском рынке наемников, в то время как еще в XV столетии по темпам роста немецкое наемничество, постепенно вытеснявшее традиционную ленную организацию войска, нисколько не превышало средневропейского уровня. Немецкие военные служили как собственным властям, так и властям почти всех государств Западной и некоторых государств Восточной Европы на протяжении ста пятидесяти лет, нередко оказываясь под враждебными знаменами и хладнокровно истребляя друг друга.

За стремительным взлетом и многолетним процветанием немецкого наемничества стояли существенные изменения общества и государства, причем не только в самой Германии, но и в целом в Европе. Поэтому исследование такого значимого и широкомасштабного исторического явления как немецкое военное наемничество во всем многообразии его черт и проявлений, во всех его сложнейших взаимосвязях с социумом, его породившим, является основной целью данной работы, особенно актуальной в настоящее время, когда ведется столько споров о построении наиболее эффективной, в условиях современного общества, модели военной организации.

Исходя из этой цели поставлены следующие задачи:

- 1) выявить причины возникновения немецкого наемничества и его преобладания в военной сфере на протяжении всего периода позднего Средневековья;
- 2) проследить общий ход эволюции немецкого наемничества в данный период, выявить его основные тенденции и определить его место в общем процессе развития военного дела;
- 3) определить специфику германского варианта наемничества, дать его классификацию;
- 4) изучить социальную базу наемничества, установить характер сообщества наемников, его статус и место в немецком обществе к. XV – сер. XVIIвв.;

5) проследить основные сферы воздействия наемничества на общество и государство позднего Средневековья;

6) выделить наиболее характерные черты менталитета немецкого военного, проследить основные тенденции в общественном восприятии наемников и наемничества.

В исследовании используются методы сравнительного источниковедения, комплексного и критического анализа источников. Выводы строятся на основе метода историзма и эволюционного подхода к изучению исторических явлений и событий, принципа системности. Немаловажное значение для данной работы имеют теоретические обобщения, накопленные в результате исследований в области социально-политической, экономической и военной истории Германии.

Следует отметить также, что данная работа посвящена разработке темы, практически не изученной в отечественной исторической науке, хотя авторами общих и специальных трудов ее значимость всегда признавалась. Особенностью же зарубежных исследований, является значительная дистанцированность военной истории Германии к.XV-сер.XVII вв. от решения общеисторических проблем. Как правило проблемы военной истории рассматриваются вне связи с проблемами политической, социальной и экономической истории, что, безусловно, крайне негативно сказывается на определении сущности самого наемничества. В данной работе предпринята попытка преодолеть этот недостаток, вписав военную историю и историю военной организации в общеисторический контекст, рассмотрев в таком аспекте немецкое наемничество конца XV - середины XVII вв.

Хронологические рамки исследования охватывают в основном период с 80-х годов XV столетия - времени возникновения войск ландскнехтов в Верхней Германии - до середины XVII века - времени перехода к системе постоянных наемных армий, так как именно на этом этапе складывается и эволюционирует изучаемый тип наемничества, однако, решение некоторых из поставленных нами вопросов, обуславливает обращение как к более ранней истории западноевропейского Средневековья, так и к истории Нового времени. Эволюционный подход диктует в ряде случаев необходимость выхода за установленные хронологические рамки. Это дает ключ к пониманию такой важной проблемы как определение

места наемничества конца XV - середины XVII вв. в общем процессе развития военного дела, равно как и в процессе развития европейского наемничества. В то же время, дополнительный материал, относящийся как к более раннему, так и, особенно, к более позднему периоду привлекается в минимально возможном объеме, необходимом для разрешения данной проблемы, поскольку вести работу в этом направлении в изоляции практически невозможно.

Источники.

Основными и наиболее значимыми для данной работы источниками являются труды военно-научного характера, а именно – военные трактаты. Немецкие военные XVI - XVII вв., будучи людьми практического склада ума, более интересовались действительными плодами своих побед, нежели преходящей военной славой, и, посему, как правило, пренебрегали мемуарным жанром, в отличие, например, от военных французских, также широко известных своей склонностью к писательству. Ремесло предводителя вольных наемников, поднимавшего (или готового поднять) флаги любого, желающего воспользоваться его опытом и сметкой, также как и присутствие в рядах германских военачальников довольно значительного процента выходцев из третьего сословия, славившегося, особенно в Германии, своим прагматизмом, не стимулировало ни желания, пышно расцветив свои подвиги, добиться признания аристократических кругов или имперских властей (наоборот, иные «подвиги» лучше было вообще, по возможности, скрыть), ни детского стремления удовлетворить таким образом собственное честолюбие. Достигнув известного положения, в перерывах между кампаниями или после перехода к более спокойной деятельности (вербовка и снабжение войск, командование гарнизонами имперских или вольных городов и т. п.) немецкие военные предпочитали посвящать свой досуг написанию трактатов, непосредственно касавшихся теории и практики войны, благо, нередко довольно высокий, уровень образования, отличавший их (среди немецких военачальников того времени встречались даже обладатели ученых степеней), позволял это делать.

Трактаты написаны в строгом соответствии с принятой для трудов подобного рода формой. Примеры из личной практики авторов отсутствуют, редки ссылки на реальные прецеденты (как правило, без указания имен и мест), хотя встречаются, и порой весьма эмоциональные, оценки текущей ситуации в военном деле в целом. Куда более пространны рассуждения и конкретные методические рекомендации, связанные с вопросами набора, организации, оплаты, обеспечения и содержания в удовлетворительном порядке войска, военной юстиции, наилучшего способа ведения боевых действий, военно-технического снаряжения и много другого.

Основными целями, преследовавшимися при написании всех этих весьма объемистых и содержательных трудов, были обучение начинающих командиров, а также предоставление справочного материала для практикующих военных, о чем свидетельствует сама форма подачи материала. Так, в частности, наиболее важные советы иногда предлагались в форме рифмованных виршей, удобных для заучивания наизусть. Встречаются и такие распространенные в те времена элементы не только публицистических, но и вполне научных работ, как диалоги. Чаще всего это диалог между двумя военными – старым и молодым, опытным и начинающим, отцом и сыном. Авторы по-отечески наставляют читателя, опираясь на свой многолетний опыт и заслуженный авторитет. Детально рассматривается весь спектр проблем, которые будет необходимо решать молодым военным, в частности, особенно в трактатах XVI столетия, проблемы подбора кадров, как на командные, так и на все прочие должности, предлагается тактика поведения во взаимоотношениях с нанимателем и подчиненными, построенная на писаных и неписаных законах, обычаях и традициях и т. д. Тщательно разбирается финансовая сторона дела. Чрезвычайно ценным элементом военных трактатов являются приведенные в них стандартные формы или копии подлинных документов, в совокупности юридически оформлявших систему немецкого наемничества данного периода. Обширный блок источников военно-научного характера XVI и первой половины XVII столетий, представляет собой огромную историческую ценность, поскольку его изучение дает всестороннее представление об организации военно-

го дела, позволяет охарактеризовать процесс внутритипового развития немецкого наемничества, в той или иной степени затрагивая все поставленные нами задачи.

Первыми работами подобного рода в Германии принято считать подробную записку, поданную в 1500 г. неизвестным бюргером городскому совету Вормса (фрагменты опубликованы в книге Георга Лиебе «Солдат в немецком прошлом»¹), а также уже вполне полноценный военно-научный трактат под названием «Верный совет и размышления старого, испытанного и опытного воина», датируемый 1522г. и приписываемый самому известному немецкому полководцу XVI в., легендарному «отцу ландскнехтов» Георгу фон Фрундсбергу (1483-1528) (опубликован в книге М.Йенса «История военных наук, преимущественно, в Германии»²).

К разряду военно-научных источников принадлежат и две книги Рейнхардта Старшего, графа цу Сольмс, также известного имперского военачальника, писателя и публициста: «Краткое описание и расчет, как построение производить и в управление и порядок приводить...»³ (1556 г.), посвященная, в первую очередь, вопросам полевой бухгалтерии, и монументальный труд энциклопедического масштаба в восьми книгах, вышедших с 1559 г. по 1561 г., - так называемое «Военное правление»⁴.

Наиболее плодовитым и популярным военным теоретиком, чьи поистине всеобъемлющие произведения многократно переиздавались в XVI в., был Леонхарт Фронспергер, гражданин Ульма и императорский провизионер. В настоящей работе были привлечены три его трактата: «Пять книг о военном правлении и порядке; как каждому военному человеку должно состоять в своей должности и службе...»⁵(1555 г.), «Об императорском военном праве, преступлениях и проступках, порядке и правлении, должностях, тех и других, высоких и низких, распределении мест и должностей в коннице и пехоте, у орудий и боевых припасов в походе и боевом порядке, в поле, горах, долинах, на воде и земле, в осаде или обороне, идти ли на или от врага; какие способы, нравы, традиции и обычаи при и под правлением благосклоннейшего, могущественнейшего, непобедимейшего и знаменитого военным опытом римского императора Карла V приняты и употребительны...»⁶(1571 г.) и «О вагенбурге и полевом лагере, как должно замыкаться и

внутри укрепляться против нападения, и город или крепость с успехом осаждать, окапываться и делать подкопы; также каким образом город, замок или другое укрепление против врага с пользой отстраивать, защищать и, при нужде, снабжать...»⁷(1573 г.).

Кроме этого использовано и несколько работ выдающегося военного, главнокомандующего императора Максимилиана II и автора пусть не осуществленного, но весьма прогрессивного по тем временам проекта реформы имперского военного устройства, Лазаруса фон Швенди: «О мошенничестве на смотре...» (1545г.), «Добро обдуманый военный совет по всему военному делу...» (1568г.), «Vasguwillus» (1547г.), «Доброе размышление о том, как выстроить военное дело» (1569г.), «Суждение и размышление о состоянии Священной империи» (1570г.), «Суждение о войне» (1577г.), в трех последних из которых он, собственно, и пропагандирует свой проект, одним из основных пунктов которого, наряду с возрождением милиционной военной системы, было введение наемничества в разумные рамки, превращение его в настоящий государственный институт. Первая и третья работы посвящены разбору чрезвычайно распространенных в немецких наемных войсках злоупотреблений, а также методов борьбы с ними. Вторая - представляет собой военный трактат стандартного характера, охватывающий широкий спектр разнообразных вопросов, касающихся организации и управления войском. Все эти сочинения были собраны воедино и опубликованы известным немецким военным историком Е. Фрауенхольцем под общим заголовком: «Лазарус фон Швенди, первый глашатай всеобщей воинской повинности»⁸.

К числу военных трактатов начала XVII в. принадлежат работа Вильгельма Дилиха «Военная книга о старом и новом войске и военной дисциплине»⁹(1607г.), ориентировавшегося на устоявшиеся за столетие принципы организации военного дела, а также две книги еще одного несостоявшегося реформатора - Йоханна Якоба Валльхаузена - «Военное искусство пехоты»¹⁰(1615г.) и «Военное искусство конницы»¹¹(1617г.), переведенные на французский и русский языки (русский перевод был издан в 1645 г. под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»¹² и считается первым отечественным военным уставом). Суть предложений Валльхаузена сводилась к введению постоянного наемного войска

по образцу Нидерландов вместо отрядов наемников, набравшихся на короткий срок, что не было осуществлено при его жизни, но все же стало реальностью в середине XVII в., ознаменовав тем самым качественный скачок в развитии наемничества. Говоря о работах последнего, необходимо также отметить то обстоятельство, что, не смотря на передовые взгляды в области военного дела, а, возможно, именно благодаря им, труды Й. Я. Валльхаузена отличает склонность к некоторому прожектерству, достигавшему порой фантастических масштабов, особенно в области разработки новых тактических моделей. Данное обстоятельство отмечалось и рядом видных военных историков, в частности, Г. Дельбрюком¹³. Неоспоримая ценность его трудов, как исторического источника, однако, в том, что они содержат развернутую критику в значительной степени устаревшей и выродившейся к началу XVII столетия организации военного дела, особенно, разнообразных злоупотреблений командного звена, не часто, в силу корпоративной солидарности, затрагивавшихся прочими авторами. Валльгаузен не дает авторитетных практических советов, по борьбе с текущими проблемами в рамках сложившейся системы, как это делали до него. Он указывает на порочность системы как таковой и, следуя за Лазарусом фон Швенди, видит единственный выход в ее полной реорганизации. Следует отметить и еще одну особенность, отличавшую труды как самого Валльхаузена, так и иные труды, созданные в XVII в., от большинства трактатов XVI столетия – перенос основного акцента с организационных и т. п. вопросов на проблемы стратегии и тактики ведения войн, равно как и большую теоретизированность рассуждений, то есть изменение назначения и ориентации работы, направленной теперь не столько на обучение начинающих командиров азам ремесла профессионального солдата, сколько на переподготовку уже опытных военных и на утверждение необходимости, в первую очередь для власть имущих, проведения радикальных преобразований в военной сфере.

Весь блок военных трактатов написан предельно реалистично, за исключением, может быть, теоретической части работ Й. Я. Валльхаузена. Авторы, давая практикующим командирам, порой, на взгляд современного читателя, крайне циничные советы относительно управления войском, ничуть не скрывают трудно-

стей, ожидающих последних на выбранном ими пути. Достоверность данной группы источников не вызывает сомнений.

Интересным источником той же категории являются две работы, бывшие, в сущности, первыми пособиями по обучению солдат приемам обращения с оружием, ранее не производившегося: первая из них принадлежит перу вышеупомянутого Валльхаузена - «Искусное владение пикой»¹⁴ (1612г.), вторая - Иззельбурга - «Искусное владение оружием или мушкеты и пики»¹⁵. Ценность этих пособий заключалась в самом факте их появления на свет, поскольку последнее являлось ярким свидетельством изменений в позднесредневековой армии, приближавшемся к стандартам постоянной армии Нового времени.

Для исследования немецкого наемничества, в частности, военной юстиции, привлекаются и юридические источники - специальные сборники документов военного права: «Голландское военное право и статейная грамота...» (1632г.), составленный и прокомментированный Петро Паппо фон Тратцбергом¹⁶ и отражающий ситуацию в условиях переходного периода в развитии военной юстиции, а также «Corpus Juris militaris novissimum или новое военное право» (1724г.), составленный И. К. Люнигом¹⁷, включающие в себя официальные военные кодексы. Также привлекается и общеимперский свод уголовного права, так называемая «Каролина»¹⁸, и такой специфический трактат, как «Молот ведьм» Я. Шпренгера и Г. Инститориса¹⁹.

Документальный материал, как уже отмечалось, частично был представлен авторами военных трактатов (уставные и статейные грамоты, патенты на вербовку), частично же (контракты, заключавшиеся с наемниками в XV в., боевые распоряжения крестьянских отрядов периода Великой крестьянской войны, патенты, жалобы на действия наемных войск и т.п.), в сборниках, в большей или меньшей степени затрагивающих проблемы немецкого наемничества: «Немецкий город XIV – XV вв.»²⁰, «Документы немецкой Крестьянской войны»²¹, «Источники к истории Крестьянской войны в Верхней Швабии»²², «Monumenta Habsburgica. Собрание документов и писем»²³, а также «Письма и документы к истории Тридцатилетней войны в период преобладающего влияния Виттельсбахов»²⁴. Автор-

ский перевод ряда правовых и документальных источников предложен в разделе «Приложения».

В работе использован широкий спектр нарративных источников, в том числе таких сложных и интересных, как мемуары, вышедшие из-под пера Филиппа де Коммина²⁵ и бургомистра Штральзунда Бартоломеуса Застрова²⁶, а также единственное сочинение подобного рода, написанное немецким военным в XVI в., - воспоминания одного из известнейших предводителей наемников - Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха²⁷. Не менее интересен и дневник швабского ландскнехта Буркхарда Штикеля²⁸, в своих странствиях исходившего половину Европы, а также жизнеописание Георга фон Фрундсберга и его сына Каспара²⁹, написанное после их смерти полевым секретарем первого Адамом Райсснером, многократно переиздававшееся и особенно популярное в XVI - XVII вв. Эти источники особенно ценны тем, что не только предоставляют значительный фактический материал, но и тем, что, являясь в некотором смысле автопортретами своих авторов, позволяют взглянуть на него их глазами, понять и оценить их личный взгляд на жизнь и на свое место в ней.

Для изучения ментальности, специфики мировосприятия немецкого военного чрезвычайно важное значение имеет также исследование военного фольклора, песен ландскнехтов, собранных и опубликованных Р. Лилиенкроном в книге «Исторические народные песни немцев 13 - 16 столетий»³⁰ и А. Майнхардтом в сборнике «Луженая глотка. Песни ландскнехтов»³¹, а также песня «Битва при Бикокке» поэта-ландскнехта Освальда Фрагенштайнера, опубликованная В. Штайнбеком³².

Для изучения динамики общественного мнения по отношению к наемникам и наемничеству были привлечены труды видных немецких историков и публицистов XVI в.: Себастьяна Франка - «Хроника...», «Военная книжечка мира»³³ и Йоханна Фуггера «Зерцало чести Австрийского Дома»³⁴, а также некоторые, главным образом, публицистические работы виднейшего гуманиста XIX в. Эразма Роттердамского³⁵ («Разговоры запросто» и «Похвала глупости»), врача и философа Парацельса³⁶ («Война как грех...»), великого реформатора Мартина Лютера³⁷ («Могут ли военные люди также блаженным сословием быть?» и «О светской

власти»). Важным источником являются и произведения немецкой литературы различного жанра - шванки крупнейших майстерзингеров XVI в. Ганса Сакса³⁸ и Йорга Викрама³⁹, стихи поэтов XVII в. и пр.⁴⁰, а также и настоящая энциклопедия военной жизни времен Тридцатилетней войны - роман Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена «Симплициссимус»⁴¹.

В работе был использован и материал изобразительного искусства, главным образом, обширные собрания «летучих листков» XVI - XVII вв., гравюр на дереве и меди, своеобразных предшественников жанра карикатуры, который можно с полным правом назвать зеркалом жизни германского общества исследуемого периода, изданные в виде альбомов «Немецкая жизнь прошлого в картинах»⁴², «Военный люд Римского Императорского Величества в век ландскнехтов»⁴³, а также обильно представленных в культурологических работах Г.Либе и И.Веззели⁴⁴.

Историография.

Не смотря на то, что позднесредневековое наемничество признано одним из важнейших явлений соответствующего исторического периода, оно до сих пор остается относительно малоизученным. Авторы общих работ и в России, и за рубежом ограничиваются упоминанием о наемничестве, включая его в общую схему социально-экономического и политического развития Европы в целом и Германии в частности. По сей день не преодолена грань между исследованиями социально-экономического, политического, военно-политического характера и исследованиями в области военной истории. Немецкое наемничество, как особый компонент исторического процесса, не стало предметом специального исследования, хотя и была установлена его связь с последствиями кризиса феодальных отношений в социальной сфере⁴⁵. Получил всеобщее признание и тот факт, что проведение активной внешней политики, а, следовательно, и увеличение финансирования армии оказали определяющее влияние на проведение финансовых реформ, что стало началом реформ во всех остальных областях государственной деятельности⁴⁶. Следует отметить, что масштабные наработки в области политической и, особенно, социально-экономической истории обеспечили возможность

детального изучения поставленной в диссертации проблемы, позволив, в частности, выявить причины возникновения и многолетнего процветания германского наемничества.

В трудах отечественных и зарубежных, главным образом, немецких историков XIX – нач. XX вв., посвященных истории военного искусства и военной истории, как правило, нет органической связи исследуемого предмета как с общеисторическими проблемами, так и с проблемами истории военной организации. Изучается, в сущности, не само наемничество, а военное искусство в период господства наемных армий. В этом смысле дореволюционная отечественная историография шла в ногу с историографией немецкой, однако, к сожалению, в большинстве своем работы отечественных военных историков имели компилятивный характер. Для трудов, написанных в первой половине XIX в., свойственен механистический подход, история представляется в виде перечня конкретных взаимосвязанных фактов. Таковы работы Брандта, Зедделера, Богдановича⁴⁷. Они носят чисто описательный характер без каких бы то ни было элементов анализа.

Более интересны исследования второй половины XIX - начала XX вв. Военные историки этого периода уже обращают внимание на некоторые проблемы происхождения позднесредневекового наемничества, основных этапов его эволюции, а также пытаются иногда определить, в какой степени наемничество как форма военной организации, повлияло на развитие военного дела. Обращается внимание и на кардинальные перемены в военном деле, однако, исключительно в области тактики, вооружения, техники и т.п. Наиболее интересными являются работы Рюстова, Г. Майнерта и Г. Дельбрюка⁴⁸. Помимо них стоит упомянуть работы М. Йенса, А. Пузыревского, Михневича, Агапеева и А. Свечина⁴⁹.

Несколько особняком здесь стоит исследование британского ученого Ч. Омана, посвященное истории войн XVI в. (1494 - 1609 гг.)⁵⁰, при всей своей необыкновенной фундаментальности не привнесшее, тем не менее, существенных изменений в общую традицию.

Более современные труды, посвященные исследованию европейской и немецкой военной истории, Е. Фрауенхольца, Я. Ульриха, Т. Фухса и К. Х. Херманна⁵¹ до некоторой степени связывают изменения в военном деле с общими измене-

ниями в обществе и государстве, однако, ограничиваются, главным образом, констатацией этого факта без всяких пояснений, наемничеству же, как таковому, внимания уделяется довольно мало. Например, работа Херманна замечательна, прежде всего, тем, что, сумев представить в своей книге краткий дайджест всей информации по немецкой истории (общего характера), автор, тем не менее, даже не пытается выяснить взаимосвязь элементов построенной им мозаики.

Впервые попытка определить сущность немецкого наемничества в рамках общей работы была предпринята исследователями, опирающимися на марксистскую методологию. Ими стали немецкий марксист к. XIX-н. XX вв. Франц Меринг и советский историк генерал Е.А.Разин⁵². Ф. Меринг справедливо отмечал, что наемничество породило разложение феодального общества, выбившее целые классы из того социального порядка, в котором они жили в течение столетий. При этом он, перенося социально-экономические понятия на военную организацию, утверждал, что наемничество имело капиталистический характер при цеховых внешних формах⁵³. Разин, критикуя его, писал, что Меринг путает товарно-денежные отношения с капитализмом и утверждал, что наемничество имело и цеховую форму, и цеховое содержание⁵⁴. Характерно, что, например, сам Ф.Энгельс, также разрабатывавший военно-исторические проблемы⁵⁵, никогда не допускал подобных переносов. Безусловно, определения Ф. Меринга и Е. А. Разина нельзя признать вполне корректными, но в данном случае значительно большее значение имела сама постановка проблемы, впервые выделенной четко и определенно.

Значительный вклад в изучение военного дела XVI - XVII вв. был сделан британскими учеными М.Робертсом и Г.Паркером⁵⁶. В своих исследованиях, осуществленных на базе изучения истории вооруженных сил Испании, Швеции и Нидерландов, они обобщили и углубили теорию взаимосвязанности кардинальных изменений в военном деле с комплексом изменений, произошедших в обществе, и затрагивавших не только основные сферы его жизни: политическую и экономическую, но и демографические процессы, развитие прикладной науки и образования. Для обозначения коренного переворота в военном деле ими был введен термин «военная революция».

В то же время следует отметить, что их исследования не были должным образом оценены в Германии, их просто игнорировали, продолжая вести исследования в области военной истории в прежней, крайне «изоляционной» манере.

В трудах зарубежных и российских историков разрабатывались и отдельные аспекты в истории вооруженных сил периода господства наемных армий. Таковы, например, работы Б.Бауманна и Рихтгофена, посвященные истории военного хозяйства и обеспечения войск⁵⁷. Особенную ценность представляет работа последнего, задолго до Робертса и Паркера установившего наличие тесного взаимовлияния между армией и обществом в период позднего средневековья, рассмотрев в отдельной главе экономический аспект наемничества.

Истории военного права и юстиции посвящены работы В.Эрбена, разделы, посвященные юстиции немецких наемников имеются и в трудах К.Фрициуса и российского ученого П.О.Бобровского, особенную ценность исследования которого хотелось бы особо отметить⁵⁸.

Количество работ как по военной истории вообще, так и по истории немецкого наемничества конца XV - середины XVII вв., было довольно значительным вплоть до окончания Второй мировой войны, когда, в период всеобщей демилитаризации западной исторической науки, научные разработки в области военной истории были фактически прекращены. Новый всплеск интереса к военной тематике произошел только в середине 70-х годов. Заметный отпечаток на работы немецких ученых, посвященных собственно истории наемничества, а точнее отдельных видов наемных войск, главным образом – ландскнехтов, наложил культурологический подход его первых исследователей - Ф.Блау, Г. Лиебе и Й. Веззели⁵⁹, прежде всего отразившийся на установлении хронологических рамок исследования. Для этих историков период господства вольного наемничества заканчивался, по сути, в тот момент, когда немецкие пехотинцы-ландскнехты, утрачивали свою первоначально громкую славу и переставали быть объектом восхищения и преклонения немецкого общества, в первую очередь бюргерства, следовательно, и переставали активно влиять на развитие культуры, то есть приблизительно в середине XVI столетия. Выход из массового употребления имени «ландскнехты», начавшийся в это время, представлялся как завершение целой эпохи в немецкой

военной истории, поскольку в победах последних вышеупомянутые ученые видели не столько успех новых начал в организации военного дела, сколько последний всплеск энергии умиравшего рыцарства. Современные ученые ФРГ, как, например, автор последней монографии по истории ландскнехтов - Р.Бауманн⁶⁰, как и прежде жестко ставя знак равенства между явлением и именем, все же внесли некоторые коррективы, так же однозначно признав ландскнехтов наемниками, как их предшественники признавали их «последними рыцарями», и ограничив срок существования вольного наемничества началом XVII столетия. Потеря военным ремеслом былого престижа, вкупе с появлением отдельных элементов, получивших дальнейшее развитие в постоянных наемных армиях второй половины XVII - XVIII вв., расценивается как достаточное основание для признания вольного наемничества более несуществующим. Узко культурологический подход к истории наемничества принудил игнорировать реальное существование наемных войск, нисколько не изменившихся в своей сути вплоть до 50-х гг. XVII в.

Неистребимым оказался и романтический взгляд на наемничество, заложенный еще в XIX в. и, казалось бы, преодоленный в годы Третьего рейха. Так, П.Х.Кунтце, автор масштабной работы, посвященной истории немецкого наемничества с момента появления первых сведений о древних германцах⁶¹, будучи убежденным сторонником нацистских идей, полагал, что наемники, которые должны были бы применить свою энергию для распространения могущества Германии вне ее исторических границ, а также для укрепления ее государственности, являлись порочными отступниками, напрасно проливавшими драгоценную арийскую кровь за чужие интересы. Нынешние же немецкие историки, как только возможно, стараются смягчить мрачные тона, стремясь избегать любых упоминаний о поистине звериной жестокости ландскнехтов, ужасавшей их современников, в том числе и соотечественников, страдавших от свирепости военных так же, как и жители других стран Европы.

Вследствие распространения в последние десятилетия антропологического подхода, взлелеянного школой «Анналов», на военную историю все чаще начинают смотреть как на историю военных, историю одной из социальных групп⁶². Не избежали этого влияния и современные военные историки Германии

Х.М.Мёллер и Р.Бауманн⁶³, важным элементом исследований которых явилась попытка реконструкции самопредставления наемника, его ментальности лишенная, впрочем, глубины, свойственной французским ученым, прежде всего А.Корвизье, рассматривающему историю военных в тесной взаимосвязи с историей социальной⁶⁴. Сказалась старая традиция «изоляции» военно-исторических исследований.

В историографии ГДР существовал более верный подход к решению проблемы в целом, нашедший свое отражение в соответствующих статьях изданий энциклопедического характера⁶⁵, однако, сама по себе история наемничества подробно не разрабатывалась.

Возвращаясь к рассмотрению довоенной немецкой историографии и историографии ФРГ, следует отметить, что будучи пронизана позитивизмом, она оказалась чрезвычайно ценной ввиду привлечения значительного количества архивных материалов, в силу объективных причин недоступных автору. Немаловажную помощь в этом плане оказали труды М.Нелля и Г.Курцманна, статья М.Лаукса, посвященные исследованию раннего наемничества в немецких землях, работа Х.Плетихи, рассматривавшего проблему участия ландскнехтов в тайных крестьянских союзах на рубеже XV и XVI вв.⁶⁶

Значительный интерес также представляют монументальные биографии крупнейших немецких военачальников и государственных мужей исследуемого периода: Максимилиана I, написанная Х.Виесфлекером, Георга фон Фрундсберга, написанные Ф.В.Бартольдом и Р.Бауманном, графа Якоба Ганнибала I фон Хохенэмс, написанная Л.Вельти и графа Рейнхардта цу Сольмс, написанная Ф.Ульхорном⁶⁷.

ГЛАВА I

Возникновение и эволюция института военного наемничества в средневековой Германии.

§ 1

Наемничество к концу XV в.

Основные критерии классификации.

Степень соответствия военной организации потребностям общества и государства на конкретном историческом этапе определяется степенью выполнения нескольких основных требований: во-первых, военная организация должна, по возможности, отвечать интересам государственной власти; во-вторых, она должна соответствовать типу и масштабам войн данного периода; в-третьих, она должна быть снабжена надежной и численно достаточной кадровой базой, причем, воины должны быть способны и готовы выполнять поставленные перед ними задачи; в-четвертых, военная организация должна быть построена в соответствии с современными тактическими и военно-техническими требованиями.

В Средние века самым серьезным препятствием к ведению широкомасштабных наступательных войн оказалась привязанность воинов к земле, обеспечивавшей их существование. Так, войско варваров, основанное на всеобщей воинской обязанности, завоевав желанные земли и осев на них, довольно скоро превратилось в народное ополчение, ополчение мелких земельных собственников. Та же судьба постигла и пришедшее ему на смену феодальное войско. Чем больше терялся оттенок условности феодальных владений, обеспечивавший преданность и честность вассалов в выполнении их обязательств перед сеньорами, чем отчетливее выделялись, регламентировались и, естественно, ограничивались эти обязательства, тем явственнее становилось перерождение феодального войска в ополчение теперь уже крупных земельных собственников. Ополчение же при любом укладе принципиально ориентировано на локальную оборонительную войну и для сколько-нибудь активных наступательных действий, как показала многовековая практика, чаще всего не пригодно.

Ленная система, таким образом, как система, прежде всего, военная, изначально несла в себе зерна саморазрушения. Рост централизаторских и экспансионистских устремлений монархов накладывался на обратный процесс роста местного сепаратизма и партикуляризма. Чем дальше, тем больше необходимость ведения войн, становившихся все более частыми и продолжительными, за пределами сеньории в течение совершенно неопределенного времени раздражала вассалов, под любым предлогом старавшихся уклониться от требований сюзерена, причем не только экстраординарных, но и вполне обоснованных и подкрепленных юридически. Ленное войско становилось все более ненадежным и трудно применимым орудием. Более того, серьезно страдала кадровая база, ввиду заметно усилившейся тенденции к разорению мелкого рыцарства. Сами по себе земельные отношения перестали обеспечивать необходимый контингент воинов, к тому же с XIII в. многие вассалы начинают отказываться от принятия рыцарского звания, дабы таким путем избежать тягот войны⁶⁸.

Феодал в обычном понимании, то есть держатель лена, не был воином-профессионалом в полной мере, поскольку, даже если война и воспринималась им как источник дохода, то этот источник все же не был ни единственным, ни даже основным. Поэтому, закономерно, что воинскими упражнениями нередко пренебрегали, предпочитая им занятия насущными хозяйственными проблемами, причем в куда большей степени, нежели принято считать. Крайняя неподготовленность, вопиющий непрофессионализм, отсутствие единоначалия и даже подобия дисциплины феодального воинства, в случае, если оно сталкивалось не с подобным же формированием, а с любым другим противником, хоть скольконибудь организованным (турками, фламандским и швейцарским ополчениями и т.п.) обычно приводили к поражению.

Одним из самых ярких и в то же время типичных для Средневековья примеров рыцарского сражения является эпизод франко-бургундской войны - битва при Монлери (1465). Филипп де Коммин, будучи сам её участником, писал о бургундском феодальном ополчении: «Примерно из 1200 этих кавалеристов, не более 50, как я полагаю, умели держать копье наперевес и от силы 400 были в кирасах, а слуги все были невооруженными, поскольку долгие годы не знали войны»⁶⁹. Ка-

кой-либо план сражения отсутствовал, а господствующим стремлением и бургундцев, и французов, в беспорядке метавшихся по полю, было желание как можно быстрее сбежать. Бургундцы, к ночи считавшие себя побежденными, увидев утром, что королевские войска отступили по тем же соображениям, объявили себя победителями, а недавние дезертиры кичились своими «подвигами». Государи же «отобрали чины и должности у одних за то, что те покинули поле битвы, и одарили ими других, убежавших на 10 лье дальше»⁷⁰.

Совершенно очевидно, что вассально-ленная система в чистом виде не могла удовлетворять сопутствующему процессу государственной централизации росту экспансионистских амбиций монархов. В разной степени, но, по крайней мере, три первых из вышеперечисленных требований к военной организации нарушались. Выходом из этой критической ситуации как всегда стало наемничество, выступившее на арену европейской истории в момент, когда конфликт интересов сюзеренов и их ленников стал очевиден.

В немалой степени появлению и развитию наемничества способствовал рост городов в IX – XIII вв., а следовательно, сопряженное с этим процессом оживление товарно-денежных отношений и возобновление добычи благородных металлов, практически прекратившейся в эпоху Великого переселения народов. С VIII в. начинают промывать золото во французских и немецких реках. В IX в. появляются рудники в Эльзасе и Шварцвальде, в X в. - в Тироле, Штирии, Каринтии, Чехии, Зальцбурге, Гарце, Венгрии, Семиградье и Саксонских рудных горах⁷¹. Росло также и число воинов благородного происхождения, не имевших лена, а потому готовых на любую авантюру.

Преимущества наёмников перед вассалами для государственной власти были значительны. Наемников не стесняло ни место, ни продолжительность боевых действий и при регулярной оплате на них можно было уверенно положиться.

Развитие наемничества в этот период, на первом этапе его существования в средневековой Европе (к. X - к. XV вв.), шло двумя путями. С одной стороны под воздействием расширения оборота денежных средств видоизменялась традиционная система отношений. В среде ленников происходили процессы дифференциации и профессионализации. Широкое распространение получают выкуп воен-

ной службы или предоставление бойца-заместителя теми, кто больше интересовался хозяйственными делами, чем военными⁷². В то же время начинает практиковаться оплата сверхсрочной службы для тех, кто, напротив, имея лен, считал войну приемлемым и выгодным занятием⁷³. Воинственные владетели набирают себе дружины из безземельных воинов, которые либо находятся у них на иждивении, фактически на положении слуг (т.н. «вспомогательные рыцари» Балдуина Фландрского, рыцари хаусхолда в Англии и т.п.), либо получают фьеф-ренту, денежный доход с феода, к которому эти модернизированные вассалы не имели доступа, - новую форму оплаты, выгодную для крупных сеньоров.

Эти процессы знаменовали собой переход от традиционной военной организации к настоящему наемничеству в форме контрактной (договорной) системы, широко распространившейся в XIV – XV вв.⁷⁴, - первой формы «государственного» наемничества. Однако «вольное» наемничество появилось значительно раньше. Различие между этими типами наемничества заключается в том, что в первом случае воин служит собственному государству, даже если оно передает его на определенных условиях другому, причем служит не только за деньги, но и, находясь под воздействием идеологической обработки, во втором же - для него не имеет особого значения сторона, на которой он воюет, а действительной ценностью является только щедрая оплата.

В конце X-го столетия появляются устойчивые товарищества или братства вольных наемников⁷⁵. Существенную роль эти отряды начинают играть с XII в., когда, воспользовавшись услугами «брабансонов» («die Brabanzonen») - наемников из Фландрии и Брабанта, Фридрих Барбаросса принципиально легитимизировал вольное наемничество⁷⁶. Из них по большей части состояли войска, которые император дважды (1166, 1174гг.) вводил в Италию, поскольку немецкие князья не пожелали выставить достаточный контингент. Обращение к услугам наемников обнажало основное стремление монархов Средневековья - стремление к независимости от прихотей вассалов, а, в конечном итоге, к их подчинению. Преимущество наемнических братств перед войсками ленников заключалось еще и в том, что они не имели никаких связей в стране, могущих поколебать их верность нанимателю.

Естественной реакцией на привлечение наемных банд, угрожавших самой сущности феодальной монархии, как ее понимали бароны, пытавшиеся любыми средствами ограничить королевскую власть, явилось изначально полное отторжение самой идеи вольного наемничества. (Оно имело место до тех пор, пока феодальная знать не осознала возможность самой обращаться к услугам наемников). Повсеместно против брабансонов и пр. заключались союзы, к которым вынуждали присоединяться даже самих государей⁷⁷. В 1179 г. на Латеранском соборе были отлучены от церкви не только эти наемники, но и те, кто отказывался выступать против них с оружием в руках. В 1215 г. папа Иннокентий III даже объявил против брабансонов крестовый поход⁷⁸. О том, что вольное наемничество рассматривалось как орудие тирании, свидетельствует уже один из первых случаев, когда его присутствие было вообще документально зафиксировано. В X в. венецианский дож Виталис (Урсеоло) был убит согражданами именно за вербовку наемников⁷⁹. Одним из основных требований английских баронов к королю Иоанну Безземельному было требование роспуска его «*milites stipendiarios*» и т.п.⁸⁰

Однако все эти меры не могли остановить развитие наемничества, так же, как невозможно было остановить исторический процесс, несмотря даже на то, что брабансоны, например, были в конце концов полностью истреблены. Наемничество само по себе расширяло представление того времени о тех, на кого мог распространяться статус воина, поскольку теперь несение военной службы не было непосредственно связано с обладанием леном и принадлежностью к рыцарскому сословию. Наемник, воюющий как рыцарь, мог быть любого происхождения, хотя неблагородные по преимуществу пополняли ряды наемных кнехтов, выступавших в качестве вспомогательных войск (стрелков из лука и арбалета, обслуживающего персонала метательных орудий и т.п.). Тем не менее, благородный воин, представитель господствующего класса, все равно оставался доминантой Средневековья.

Само рыцарство, впрочем, особенно его неимущая часть, оказалось неплохой кадровой базой для наемничества. Наемничество довольно быстро было принято рыцарской идеологией, наслоившись на нее. Служба за плату стала считаться столь же достойной, как и выполнение ленных обязательств⁸¹. Так, например, со-

вмещение ленной и наемной службы было очень характерно для беднейшего слоя немецких министериалов, обладавших слишком незначительными ленами. Бамбергское «Право министериалов» уже в конце X в. разрешает министериалам епископа поступать на службу к другому сеньору, но без лена⁸², а в XIV в. можно обнаружить баварских министериалов на службе Зальцбургского епископа, причем в войне против самой Баварии⁸³.

Число наемников росло непрерывно, по мере разложения традиционной военной организации и, соответственно, по мере увеличения необходимости в их услугах. Однако вплоть до XIV столетия наемничество оставалось все же эпизодическим явлением. Новые горизонты открыло перед наемниками складывание в определенной степени централизованной сословно-представительной монархии, давшее дополнительные возможности для финансирования, равно как и заметно сместившее политический баланс в сторону внешней политики. Наемничество начинает играть более существенную роль, постепенно все более вытесняя и замещая феодальное войско, хотя в рамках первого этапа своего развития оно все еще остается на подчиненном, относительно традиционной милиционной военной системы феодализма, положении.

Государственное наемничество, прежде всего в Англии и Франции, нашло свое выражение в организации системы контрактных свит, внешне копировавшей пирамиду феодальной иерархии, наполненную, однако, совершенно иным содержанием⁸⁴. Псевдофеодальные сеньоры были здесь командирами и, нередко, нанимателями, подрядчиками и субподрядчиками верховного нанимателя, вассалы - подчиненными. Система контрактных свит до некоторой степени контролировалась государственной властью, например, во Франции - провинциальными собраниями - при помощи смотров, а также путем введения посредников - королевских чиновников, выплачивавших жалование непосредственно наемникам, минуя капитанов⁸⁵. Вольное наемничество было представлено отрядами кондотьеров и наемническими братствами, практически бесконтрольными. Характерной чертой этого этапа развития наемничества была возможность смешения различных вариантов и неустойчивость типовых рамок. Братства и отряды кондотьеров могли

быть временно включены в систему контрактных свит в качестве ее составной части.

Имеет смысл привести несколько вариантов возможной классификации наемничества помимо уже выделенного («государственное» и «вольное»). Первым критерием является *продолжительность найма*. По этому принципу наемничество можно классифицировать как срочное и бессрочное, а, наемные войска, соответственно, как набираемые на определенный, чаще всего краткий, срок и постоянные. Вторым критерием является *степень профессионализма воинов*, то есть наличие или отсутствие у них возможности жить за счет каких-либо иных занятий кроме военных. Исходя из этого можно различать профессиональные и полупрофессиональные войска (валлийские лучники, швейцарская пехота и т.п.). Последним критерием оценки является *способ организации и финансирования*. По этому принципу наемные формирования можно разделить на братства или банды, возглавляемые выборными предводителями и обладающие разной степенью устойчивости, на отряды, организованные частными лицами (кондотьерами) и содержащиеся за их счет постоянно, а также на отряды, организованные и возглавляемые командирами-«подрядчиками», назначенными государственной властью, за счет которой, в конечном итоге, и производится (или должно производиться) финансирование. Общей особенностью этих вариантов в средние века было почти полное невмешательство властей во внутренние дела военных.

С точки зрения соответствия интересам государства наиболее выгодным вариантом была система контрактных свит. Братства же и, в особенности, кондотьеры были чрезвычайно опасны. Если капитаны выбирались королем из известных ему своим опытом и преданностью людей, то, обращаясь к кондотьеру, наниматель был ограничен в выборе, вынужден довольствоваться тем, что ему предлагали. Недаром Макиавелли, близко знакомый именно с этим типом наемничества, писал, что «никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско»⁸⁶. Конфликты с нанимателем, зачастую намеренно спровоцированные предводителями наемников, нередко приводили к захвату ими значительных областей государства-нанимателя (наиболее яркий пример - история Каталонской Великой Компании в Византии (1302-1311гг.), закончившаяся

созданием на территории последней независимого Каталонского княжества⁸⁷) или даже политической власти (Висконти, а затем Сфорца в Милане, Скала в Вероне, Эсте в Ферраре и т.п.⁸⁸). Кондотьер был единственным господином своих воинов, поскольку содержал их как в военное, так и в мирное время⁸⁹. Капитан, «контрактный сеньор» также нередко был вынужден идти на это в связи с нехваткой денег в государственной казне, что, естественно, не прибавляло надежности ни самим капитанам, ни их «вассалам». Государственные наемники-профессионалы не имея ни договора о бессрочном найме, ни иных источников существования часто не выдерживали испытания длительным миром, переходя в разряд либо вольных наемников, либо простых разбойников. Капитан легко мог превратиться в кондотьера и наоборот. Во Франции ситуацию усугублял глубоко укоренившийся старый феодальный принцип: вассал моего вассала - не мой вассал, не позволявший рассчитывать на поддержку наемника в случае измены его «контрактного сеньора».

Следует отметить, что наемничество в том виде, в каком оно сложилось к началу XV века, не удовлетворяло не только нужды централизованного государства, но и государства вообще, поскольку все еще являлось не более чем средством для затыкания дыр во все более дряхлевшей военной организации феодального общества. Наемники очень редко выступали самостоятельно, обычно лишь усиливая ополчение. Не могла удовлетворить государственную власть и их бесконтрольность, приводившая к чудовищному опустошению страны. Необходимы были радикальные перемены, и они произошли во Франции в 30-40 гг. XV столетия. Контрактная система была практически ликвидирована, взамен нее были организованы т.н. «ордонансовые роты» и отряды «вольных стрелков» - франкаршеро⁹⁰.

Ордонансовые роты тяжелой конницы, выступавшей в единстве со вспомогательными бойцами, были организованы на базе государственного профессионального бессрочного наемничества и возглавлялись назначаемыми властью командирами, превращенными, таким образом, в чиновников. Впервые войско стало действительно полноценным государственным институтом, хотя экономика страны с большим трудом выдерживала эту новую нагрузку.

Общество восприняло новую структуру как бесполезную, а конницу и вовсе как орудие тирании⁹¹. Франкаршеры - наемники полупрофессионалы, призывавшиеся и оплачивавшиеся только в военное время - оказались очень плохими бойцами, что и не удивительно при учете многовековой традиции совершенного подавления воинственности народа во Франции. Большинство из них военная служба привлекала только освобождением от ряда налогов, введение которых было частью реформы. Французские стрелки позорно бежали с поля боя при Шарантоне (1465г.), Гинегате (1479г.) и т. д.

Военная реформа во Франции, также как, затем, и в Бургундии, последовавшей ее примеру, удалась лишь отчасти, так как ни от услуг вольных наемников, ни от феодального ополчения окончательно отказаться оказалось невозможным. Напротив, в конечном итоге пришлось отказаться от собственного пешего воинства, попытки реформировать которое, предпринятые Людовиком XI, а затем Франциском I, решительно провалились⁹². Однако существенным моментом как французской, так и бургундской реформ было то, что феодальное войско перестало рассматриваться в качестве ядра вооруженных сил. Эту роль стали играть наемные войска.

Подобное положение было характерно на данном историческом этапе практически для всех стран Европы, при учете, разумеется, того обстоятельства, что в большинстве из них не предпринималось даже попыток реформ. Единая постоянная национальная армия оказалась в тот момент не более чем мечтой. Объективных возможностей для ее создания и содержания ни в XV в., ни даже в XVI в. не было. Государственные финансы были весьма скудными, податные сословия, зачастую вовсе не пригодные к несению военной службы, отвлекать от непосредственных обязанностей было не выгодно, административно-хозяйственный аппарат был слаб, несовершенен и своеволен, да и вооружать простолюдинов феодалы нередко опасались. В подобных условиях единственным выходом оказалось привлечение наемников, главным образом, иностранного происхождения, причем только на время ведения активных боевых действий. На этот шаг толкали кардинальные изменения, происходившие в военной сфере, которые, помимо прочего,

сделали, например, очень неплохо организованное бургундское войско морально устаревшим уже в период его создания.

Для обозначения переворота в военном деле уместно употребить понятие «военная революция», введенное М.Робертсом и Г.Паркером⁹³ и принятое в настоящее время в англо-американской историографии (основные черты процесса выделялись ранее и историками других стран, в том числе и марксистами).

Тяжелая рыцарская конница, как и конница вообще, уступила первенство на поле боя простонародной, по большей части, пехоте. Первый наглядный пример мощи пехоты дали еще фламандцы, победив французское рыцарство в битве при Куртрэ (1302г.), однако, эта победа в то время еще не была вполне оценена. Значительно большее влияние развитию пеших войск и огнестрельного оружия было уделено после многократных побед гуситов, многое из опыта которых было позаимствовано европейскими и, особенно, немецкими военачальниками⁹⁴.

Но по-настоящему значение нового, по существу, рода войск было доказано лишь крестьянскими ополчениями швейцарских лесных кантонов и «Трех Союзов»⁹⁵, государственного объединения в ретороманской области современной Швейцарии. Швейцарцы, известные как наемники уже с XIII века, приобрели славу непобедимых воинов в период своей борьбы за независимость. Их первая победа при Моргартене (1315г.) еще не была победой новой полноценной пехоты. Исход этой битвы, а вернее «бойни»⁹⁶, был решен не за счет военного превосходства крестьян, а за счет умелого использования местности. Австрийское рыцарское войско было совершенно расстроено и понесло такие громадные потери от обрушившихся со скал камней и тяжелых бревен, что его оставалось только добить⁹⁷. Совершенно откровенно преимущества швейцарской тактики проявились в битве при Земпахе (1386г.), где пехота, построенная в сплоченные четырехугольные колонны, без всякого прикрытия (у гуситов - вагенбург) сдержала натиск конницы и наголову разбила войско Габсбургов⁹⁸. Однако вполне оценено превосходство швейцарцев было только в ходе Бургундских войн, когда в битвах при Грансоне, Муртене (1476г.) и Нанси (1477г.) было разбито самое совершенное войско старой феодальной Европы, а вместе с ним и вся военная система уходящей эпохи⁹⁹. С этого момента пехота признается в качестве самостоятельного

рода войск, а швейцарский военный распорядок становится предметом всеобщего подражания, правда, далеко не везде успешного.

Само по себе широкое применение пехоты изменило масштабы и характер ведения боевых действий, тактику и организацию войн. Именно в хорошо организованной пехоте, вооруженной как огнестрельным, так и, главным образом, холодным оружием, нуждались европейские государства. Широкое употребление огнестрельного оружия изменило и усложнило структуру войск, способствовало еще большему увеличению значения пехоты и легкой кавалерии, заставило полностью пересмотреть устоявшийся подход к фортификации.

Вследствие всего вышеперечисленного резко возросла стоимость войн, зависимость успешности ведения боевых действий от уровня развития экономики и государственных доходов. Финансирование и техническое обеспечение войск приобрело определяющий характер. Постепенно война становится одним из самых важных экономических факторов, способствует развитию промышленности, а также административной и фискальной системы государства.

Резкое увеличение численности войск, преимущественно за счет пехоты, не только нанесло последний удар по феодальному ополчению, но и по милиционной системе в целом, выведя на первый план наемничество, для которого с военной революцией оказалось связанным начало нового, второго этапа его развития, этапа на котором наемничество становится абсолютно господствующей формой военной организации (к. XV - к. XVIII вв.), в немалой степени определяя не только ход военной революции, но и, в конечном итоге, ход государственного развития западноевропейских стран. В связи с повышением требований государства, поднявшегося на новый уровень развития, и широкомасштабными преобразованиями в военной сфере прекращают свое существование отряды кондотьеров, заметно сокращается и число наемнических братств. Война становится делом больших организованных масс, содержать которые частные лица были уже не в состоянии. На повестке дня была существенная реорганизация самого наемничества, появление его нового типа, сформировавшегося с учетом современных условий.

Следует отметить, что не столь распространенное, как во Франции или Италии, наемничество не было новым явлением и для Священной Римской империи. Еще в середине XI века при императоре Генрихе III Черном римский папа Лев IX вербовал в Германии отряды для отражения натиска норманнов в Южной Италии¹⁰⁰. В дальнейшем наемники многократно упоминаются в составе войск императора, князей и крупных городов. Однако уже изначально была заметна тенденция к применению наемных войск прежде всего вне собственно немецких земель, несмотря на то, что раздробленная империя непрерывно сотрясалась многочисленными файдами. Так, например, город Роттенбург в течение двухсот лет (с 1300 по 1500 гг.) вел каждый год не менее одной частной войны, иногда же их число достигало трех и более¹⁰¹. По словам Филиппа де Коммина: «...если говорить о Германии вообще, то там так много крепостей и так много людей, склонных к злодеяниям, грабежам и налетам, и прибегающих к насилию в отношениях друг с другом по малейшим поводам, что диву даваться можно»¹⁰². Дело в том, что эти внутренние конфликты отличались значительно меньшей напряженностью, чем, например, итальянские, и обычно имели настолько локальный характер, что для их разрешения вполне хватало сил ополчения феодалов и городов. Зато вне Империи немецкие наемники пользовались весьма кровавой славой. В Италии имена швабских рыцарей Конрада фон Линдау, Вернера фон Урслингена, Альберта Штерца и фон Бонгартена произносились с ужасом - они были предводителями-кондотьерами самых крупных «Отрядов удачи» (*Compagnii di Ventura*) в первой половине XIV в., а Вернер фон Урслинген - самая мрачная из них личность - открыто называл себя «врагом Бога, сострадания и милосердия»¹⁰³. В Заэльбье услугами наемников активно пользовался Тевтонский орден. Название тевтонских наемных пехотинцев - трабанты («*die Trabanten*») впоследствии было перенесено на всех немецких пеших кнехтов - наемников¹⁰⁴ и употреблялось в этом значении вплоть до появления ландскнехтов, в региментах которых оно стало обозначать телохранителей. Большое число немецких воинов было и в бандах бригадиров и авантюрьеров во Франции в годы Столетней войны.

Однако пусть и с некоторыми затруднениями, наемничество укоренилось и в немецких землях, в первую очередь в городах, имевших необходимые для этого

средства, хотя, безусловно, и императоры постоянно нуждались в дополнительной поддержке. Уже в 1265 г. на съезде имперских городов в Майнце решено было по возможности содержать наемников¹⁰⁵. Бюргеры, несмотря на то, что они были обязаны иметь вооружение и в случае непосредственной опасности для города могли выставлять более или менее боеспособное ополчение, все же предпочитали мирные занятия войне, хотя и были не прочь занять свой досуг военными упражнениями. Однако длительные походы, как и рутинная караульная служба, их совершенно не устраивали. Обычно, если горожане все же выступали, они хотели быть на таком расстоянии от города, чтобы иметь возможность уже к вечеру вернуться домой: в этом смысле, например, вынесли постановление рейнские и швабские города в 1388 г.¹⁰⁶

Наемники привлекались как для выполнения функций караульных стрелков, несущих постоянную службу, так и в качестве тяжеловооруженных конных латников. Особенно в последних нуждались те города, в которых в ходе внутренней борьбы был повержен патрициат, традиционно выставлявший т.н. «конштофлеров» (die Konstofler) - т.е. конницу¹⁰⁷. Сохранилось множество контрактов, крайне жестких и мелочных, заключавшихся городскими советами с наемниками¹⁰⁸.

Тем не менее, профессиональные воины были необходимым дополнением к городскому ополчению, по крайней мере, в крупных конфликтах. Вот как обосновывал необходимость привлечения наемников неизвестный бюргер Вормса в своей докладной записке, поданной в городской совет в 1500 г., когда Вормс находился перед перспективой возможной войны со своим сеньором - епископом: «Если город осажден, то совет в городе не должен пренебрегать чужими людьми или наемниками по трем причинам: первая в том, что если город осажден и обстреливается, то бюргерство оказывается мягкосердечным и видит, что их жены и дети испуганы страшной стрельбой, а также им не достает еды; и когда они такой страх в своих женах и детях увидят, то потребуют они договора как Бог даст, будет ли он похвальным или непохвальным; другая причина в том, что люди должны будут испытывать такую нужду, которая обычна в военных походах, и знать как обходиться с таким делом; третья причина в том, что они [наемники] могут выйти из города и вредить [осаждающему] войску. Так вот подкрались к Хульфту

во Фландрии в 1488 г. 600 кнехтов из города и неожиданно напали на войско, и выбили целое войско с поля, и убили многих до смерти, и привели много больше пленных с собой в город, чем вышло кнехтов из города. Поэтому город не должен быть в такой нужде, без людей, которые в таком деле опытные»¹⁰⁹.

Вскоре и территориальные князья стали использовать наемников. Характерно, что это происходило по мере распространения денежных отношений: Саксония, например, была среди первых, Бранденбург - среди последних. Однако, как и повсеместно, имперские войска в целом имели смешанный характер, представляя собой пестрый конгломерат разнообразно организованных, вооруженных и обученных контингентов, набравшихся в основной массе все же на основе устаревших матрикулов более раннего времени, не имевших единоначалия и не находящихся ни в каком взаимодействии. Результатом применения такой системы были позорные поражения от гуситов и только временные успехи против турок, которые оставались самой основной и непосредственной угрозой.

В XV в. немецкие князья в большинстве своем предпочитали использовать, по крайней мере в качестве пехоты, иностранных наемников: чехов, ценившихся, главным образом, как аркебузиры и служивших в основном герцогам соседней Баварии, а также, впрочем, и Габсбургам¹¹⁰, и швейцарцев, в силу которых они убедились на собственном горьком опыте¹¹¹.

Собственно немецких наемников, в XV в. - только пехотинцев, называли «трабантами» или «козлами» (*die Böcke*) (обозначение «козлы» сохранялось в языке вплоть до XVII в., особенно в Рейнских землях, для обозначения мародеров (*die Kriegsreubern*))¹¹². И в это время также как и раньше наемники объединялись в братства (*die Soldnerbruderschaften*) или банды (*die Banden*), сходные с отрядами французских авантюрьеров и итальянских кондотьеров. Обычно они были численно незначительны и неустойчивы, особенно в Верхней Германии.

Не были они зачастую и самостоятельны с военной точки зрения. Так, при Грансоне и Муртене в Бургундских войнах верхненемецкие пехотинцы в армии Ренэ Лотарингского входили в состав швейцарских войск, однако, в хауфэ, основную тактическую единицу швейцарской пехоты, их не пускали, предоставляя немцам роль застрельщиков (*die Vorplänker*), поскольку они, в большинстве сво-

ем, были аркебузирами, т.е. включали в состав т.н. «потерянного отряда» (*der verlorene Haufe*), начинавшего сражение. Так, город Берн в своем письменном обращении к Констанцу, Равенсбургу и Линдау просил предоставить аркебузиром в качестве подкрепления¹¹³.

В целом боевые качества немецких наемников были невысоки. Герцог Ренэ, выступив против Бургундии во главе разношерстных тирольских, лотарингских и эльзасских отрядов, был разбит при Пон-а-Моуссоне, причем его немцы сперва позорно бежали с поля боя, а поход закончили мятежом против герцога. После этого Ренэ Лотарингский зарекся иметь дело с немцами и впредь обращался только к швейцарцам¹¹⁴.

Некоторым исключением являлся самый известный немецкий неландскнехтский отряд XV - XVI вв., т.н. «Великий» или «Черный» («*Grosse Garde*», «*Magna Guardia*», «*Schwarze Haufe*»), нередко ошибочно считающийся ландскнехтским. Он был и самым крупным из подобных формирований, насчитывая около 6000 бойцов. Этнически первоначально чисто нижненемецкий, гельдернский, впоследствии он был разбавлен выходцами из Нидерландов, Швейцарии, Шотландии, Франции и даже маврами. В период с 1464 по 1525 гг. он успел побывать на службе знаменитого венгерского короля Матиаша Корвина, у северогерманских князей (поочередно то в Саксонии, то в Гельдерне) и был полностью уничтожен ландскнехтами в битве при Павии, на службе французского короля Франциска I. Наиболее известным его командиром был немец фон Теттов¹¹⁵.

«Козлы» и вне найма часто не рассеивались, а действовали так же как до них бригады во Франции, то есть собирались в небольшие банды, «разрушая и разграбляя все, убивали и грабили путешественников, захватывали и опустошали замки, селения и деревни, и не могли обойтись без злобств»¹¹⁶ по словам выдающегося хрониста шестнадцатого столетия Якоба Фуггера. Насколько ощутим был приносимый ими вред можно судить по созданию против них специальных союзов, таких как, например, «Нижний Союз» («*Bund der niederen Vereinigung*») в Оберланде¹¹⁷.

Фуггер в своем «Зерцале чести Австрийского Дома» сравнивал «козлов» с саранчой, опустошавшей все на своем пути, давая им следующую характеристику:

«Это был гнусный темный сброд, бродячие, бездомные негодяи, которые дома пропились и пронегодяйствовались, плохо учились и не хотели слушаться родителей, и заслужили виселицы и колесования»¹¹⁸. Эти «птицы», по его словам, после того как остальные войска по окончании войны расходились по домам, продолжали бродяжничать по всей Европе в поисках новой прибыльной войны¹¹⁹. Их невысокую боеспособность и ненадежность отмечал и Филипп де Коммин в своих мемуарах.

Существование этих вольных наемников не оказалось продолжительным. Большинство из них разделило участь брабансонов, истребленных почти за триста лет до этого. Нижненемецкие наемники, как уже упоминалось, были полностью уничтожены в резне, разразившейся после их поражения при Павии. Верхненемецкие братства отчасти были уничтожены местными властями, а отчасти, если верить источникам, Максимилианом Австрийским. После штурма Штульвайсенбурга на Дунае (1490 г., Венгерская война), неудовлетворенные разделом захваченной добычи, под покровом ночи они скрылись из лагеря эрцгерцога, прихватив с собой все награбленное. Суть конфликта была в том, что Максимилиан потребовал доли в добыче для своей конницы, по давней традиции не принимавшей участия в штурме города. Естественно, наемники-пехотинцы были раздражены, и на требование эрцгерцога вернуться и возратить львиную долю добычи, взамен выплаты задолженного им за несколько месяцев жалования, «козлы» заявили, что Максимилиан может оставить эти деньги себе, они же довольны тем, что уже получили¹²⁰. Наемники совершили роковую ошибку, рассредоточившись при возвращении в Германию на мелкие отряды. «После чего он [Максимилиан] всех их выловил, пытал и впоследствии казнил и, таким образом, вымел это отродье гусениц»¹²¹, причем первыми были вздернуты вожаки.

Однако истребление наемных банд не привело к возникновению вакуума в сфере военного наемничества в Германии, в сущности, это означало только избавление от пережитков прошлого. В 80-е гг. XV в. начал складываться новый тип наемничества, причем ведущая роль в этом процессе принадлежала Австрийскому дому Габсбургов.

§ 2

Максимилиан I Габсбург и переворот в военном деле. Становление нового этнического военного сообщества.

Почему же именно дом Габсбургов оказался инициатором серьезных преобразований в военном деле, ведь в последней трети пятнадцатого столетия Габсбурги не были ни самыми богатыми, ни самыми влиятельными князьями в Священной Римской империи, несмотря даже на то, что представитель именно этого дома - Фридрих III (1440-1493 гг.) занимал императорский престол на протяжении пятидесяти трех лет? При этом монархе, утратившем большую часть своих наследственных владений - Австрию, захваченную венгерским королем Матиашем Корвином, императорская власть, никогда не бывшая абсолютной, превратилась почти в совершенную фикцию. Фридрих III был вынужден скитаться по стране, раздираемый междоусобицами, никем не уважаемый и окруженный зачастую весьма враждебно настроенными подданными.

С запада империи угрожала Франция: Людовик XI, а вслед за ним и Карл VIII предъявляли претензии на императорскую корону, ставя тем самым под угрозу национальный характер империи, ярко проявившийся к тому времени¹²²; с юга - швейцарские сепаратисты, с юго-востока - турки, с 1469 по 1493 гг. шесть раз вторгавшиеся в Штирию и Каринтию, и восемь раз - в Крайну, а также непосредственно угрожавшие не только Австрии, но и всему Оберланду¹²³.

Фридрих III, на которого как на главу государства обрушились все эти напасти, потерпев сокрушительное поражение во всех своих начинаниях, впал в апатию, перешедшую в крайнюю пассивность по отношению к происходящему. Решение насущных проблем дома Габсбургов и империи он, по существу, переложил на плечи своего сына - Максимилиана.

Максимилиан I (1459 - 1519 гг.), римский король (с 1486 г.), эрцгерцог Австрийский (с 1490 г.) и император Священной Римской империи немецкой нации (с 1493 г.) будучи полной противоположностью отцу, решительно и энергично взялся за дело уже в очень раннем возрасте, не брезгуя никакими средствами. Он заключал династические браки, вступал во всевозможные союзы, интриговал и

произносил пламенные речи, но, главным образом, рассчитывал на военную силу. Большую часть жизни этот монарх провел в седле, не только осуществляя командные функции, но и принимая самое непосредственное участие в боевых действиях. Образованный, талантливый и чрезвычайно любознательный человек, блистательный воин, прозванный современниками «последним рыцарем», он, хотя и не обладал способностями выдающегося полководца, однако, великолепно разбирался во всем, что касалось военного дела. Максимилиан хорошо знал прикладную математику, обладал глубокими познаниями в области военной инженерии и военной техники¹²⁴. Его вклад в развитие последней широко признавался уже при его жизни (создание т.н. «максимилиановского доспеха» и т.п.¹²⁵). Кроме того, будущий император был и весьма неплохим организатором.

В его характере, характере истинного немца, несмотря на солидную примесь португальской крови, причудливым образом сочетались такие, казалось бы несовместимые у представителя любого другого народа, черты как достаточно жесткий прагматизм, дававший возможность к анализу, и совершенно искренний романтизм, заставлявший нередко ставить фантастические задачи и строить совершенно невыполнимые планы для их решения. С крайней увлеченностью занимаясь очередной проблемой и совершенно отчетливо осознавая конкретное сиюминутное положение вещей, император никогда не расставался с мечтой, а следовательно и с надеждой, погружавшими его порой в мир иллюзий. Сложная и противоречивая натура этого выдающегося человека наложила свой отпечаток на все его начинания, во многом предрешив их судьбу.

Вера отца в предсказанное астрологами невиданное грядущее могущество дома Габсбургов, в их вселенскую власть, не оставляла и Максимилиана. Именно при нем наметились те основы универсалистской наднациональной политики, которые впоследствии стали определяющими для Габсбургов. Максимилиан I стремился к имперскому идеалу Средневековья, всегда остававшемуся не более чем идеалом, но для осуществления этой идеальной сверхзадачи он должен был предпринять вполне реальные шаги, то есть вернуть и, по возможности, приумножить личные владения, дабы заложить этим базис для достижения главной цели. Не вполне понимая сущность абсолютизма, он тем не менее, желал, по возможности,

усилить позиции центральной власти, пользуясь для этого теми же средствами, что и, например, французские монархи.

Естественно, что в период когда война являлась одним из основных средств политики, а наличие собственных вооруженных сил было лучшей гарантией независимости государя от самоуправства и сепаратистских посягательств его непокорных вассалов, организация войск становилась задачей первостепенной важности. Чем масштабнее были планы, тем более эффективной и управляемой должна была быть военная сила. Максимилиан, будучи горячим поклонником иллюзорных, покрытых пылью веков идей, тем не менее, вполне осознавал необходимость в новых средствах для их реализации. Последовательно придерживаясь рыцарских традиций, он, как высоко квалифицированный и широко практикующий военный специалист, не мог не понимать обреченность рыцарства как ядра и сущности вооруженных сил в условиях концептуального переворота в способах ведения войны, начало которого он почувствовал одним из первых. А как крупный сеньор и сын императора, при котором разобщенность и раздробленность империи достигли уровня, ранее невиданного, он знал, что проблема сбора войска является одной из самых сложных проблем феодального государства. Даже в рамках наследственных владений приходилось нередко сталкиваться с сопротивлением ленников, сбор же общеимперского ополчения после Гуситских войн стал практически невозможен. В условиях постоянной борьбы с партикуляризмом имперских чинов, даже получение субсидий на отражение турецкого нашествия - опасности, угрожавшей всей Германии - было крайне проблематично. Чины эгоистично использовали нужду Габсбургов в средствах, ведь именно земли этого Дома, в силу своего географического положения, приняли на себя первый удар, для откровенного и наглого шантажа. Так, в 1486 г. Фридриху III удалось получить финансовую помощь лишь дав согласие на значительное ограничение полномочий короны в сфере юстиции¹²⁶. С подобным вымогательством впоследствии многократно приходилось сталкиваться и Максимилиану I¹²⁷.

Единственной помощью императору и его сыну было предоставление князьями небольших контингентов тяжеловооруженных всадников. В локальных войнах, однако, и они могли быть определенным подспорьем, хотя слава немецкого

рыцарства в XV в. изрядно поубавилась и не могла идти, например, ни в какое сравнение со славой французских жандармов, что и неудивительно, учитывая его нерегулярный характер. Тем не менее проблема реорганизации рыцарской конницы, все более отступавшей на второй план, в кавалерию не была в тот период столь актуальна как проблема преобразования вспомогательных пеших отрядов Средневековья в настоящую пехоту. Именно этим и занялся Максимилиан, начав реформу как всегда со своих личных земель, когда он был втянут в первый свой крупный военный конфликт.

Выходом из того катастрофического положения, в котором Габсбурги оказались к последней четверти XV в., казался брак Максимилиана с дочерью и наследницей герцога Карла Смелого Марией Бургундской. Этот союз мог впоследствии сделать будущего императора одновременно и королем Бургундии, поскольку именно эту цель - то есть превращение герцогства в королевство и преследовал Карл, продолжая дело жизни своего отца - Филиппа Доброго. Однако сложилось иначе - 5 января 1477 г. герцог Бургундский пал в битве при Нанси, убитый то ли швейцарцами, то ли изменниками из собственного окружения¹²⁸, а вместе с его смертью развеялись и надежды Габсбургов на приобретение новой короны. И все же они не пожелали отказаться от борьбы, отступив от заключенного брачного соглашения, хотя это и означало неизбежное начало новой войны, которая и не заставила себя ждать. Именно она положила начало новому этапу развития военного дела в империи, и именно бургундские земли стали колыбелью ландскнехтов - наемной немецкой пехоты, принявшей самое деятельное участие во всех без исключения европейских войнах последующих полутора веков.

Еще в войсках Карла Смелого в ходе военных реформ было начато частичное перевооружение пеших воинов, входивших в состав «копий» ордонансовых рот герцога, длинными пиками, изготовленными по швейцарскому образцу. Это мероприятие было начато Петером фон Хагенбахом, ландфогтом Карла, назначенным для управления землями в Оберхайне, заложенными Карлу Сигизмундом Тирольским¹²⁹. В 1471 г. Хагенбах приступил к вербовке наемников, главным образом верхнегерманцев и эльзасцев, среди которых, впрочем, были и те из швей-

царцев, кто, прельстившись щедрой платой, пренебрегли установленным на тот момент в Союзе запретом на вольное отходное наемничество.

Инициатива Хагенбаха закончилась провалом, поскольку местное население, обозленное жестокими поборами фогта на содержание войск и в целом недовольное бургундским присутствием, восстало. Брейзахские бюргеры изгнали бургундский гарнизон, а самого Хагенбаха взяли в плен, впоследствии обезглавив. Карл Смелый продолжил начинание своего слуги¹³⁰, однако, и он, чувствуя силу пехоты Союза кантонов, тем не менее, не понимал, ослепленный сословными предубеждениями, что превосходство швейцарцев заключалось не столько в их вооружении, сколько в сплоченности, организованности и применении прогрессивных на тот момент тактических форм, а потому и не пытался их заимствовать, оставляя своим пешим воинам лишь роль вспомогательных бойцов-комбаттантов в смешанном бою, в котором ведущую роль по-прежнему должна была играть латная конница. Хорошим примером отношения феодальной знати к пехоте может послужить эпизод Швейцарской компании (1499 г.), когда перед решающим сражением, князя, вместе со своим ленным ополчением отказались атаковать, заявив, будучи уже наученными горьким опытом бургундцев, что они не намерены рисковать честью своего оружия в сражении с крестьянами и пастухами¹³¹. Здесь отчетливо заметна смесь презрения, бытовавшего ранее, с новоприобретенным паническим страхом.

Совсем иначе, нежели Карл Смелый, смотрел на военное дело юный Максимилиан, в котором, несмотря на его возраст и неопытность, многие уже видели опасного соперника. Он был вынужден бороться за Бургундию в течение почти пятнадцати лет, с 1478 по 1493 г. с непродолжительным перерывом после заключения Арраского мира (1482 г.), сначала как за наследство своей супруги, затем, после ее трагической гибели в 1482 г., как за наследство своего сына - Филиппа Красивого.

Доставшееся Максимилиану войско, вернее то, что от него осталось после ряда сокрушительных поражений, несмотря на усилия Карла Смелого, пытавшегося придать ему некоторое единообразие, было весьма пестрым. В его состав входили даже три сотни английских лучников¹³². Максимилиан, учтя, оказавшиеся смер-

тельными, просчеты герцога, немедленно начал реорганизацию, первым делом разбив, впервые в Европе, традиционную структуру ордонансовых рот. Конные воины были отделены от пеших¹³³, что в сущности, стало первым шагом к формированию пехоты в качестве самостоятельного рода войск и отказом от всей предыдущей традиции, насчитывавшей несколько сотен лет. Тяжелая бургундская конница была преобразована в т.н. «имперских кирасир», несших службу как и ранее на условиях постоянного договора о найме, но весьма немногочисленных - 4 роты по 25 копий¹³⁴.

Очевидно, что создание пехоты, теперь уже вполне полноценной, было гораздо более сложным делом. Этот процесс очень слабо освещен источниками. Достоверно известно лишь то, что Максимилиан решил воспользоваться швейцарским опытом, по крайней мере в тактическом плане. В этом деле он, очевидно, прибег к помощи, а, возможно, и был побужден к преобразованиям графом де Ромоном из Савойи¹³⁵. Состоя на службе еще у Карла Смелого, де Ромон неоднократно принимал участие в битвах против швейцарцев и, имея родовые владения на берегу Невшательского озера, в ближайшем соседстве с Берном и Фрайбургом, как никто другой из советников Максимилиана знал швейцарцев и в мирное время, и на войне¹³⁶.

В начале войны с Францией Максимилиан оказался в весьма выгодном положении, так как на тот момент достаточно легко решался главный вопрос военного строительства - кадровый. Основой новообразованной пехоты стали как остатки войск Карла Смелого, так и, главным образом, фламандские, брабантские и юлихские городские ополчения - лучший материал в Европе для задуманных реформ. Нидерландские города обладали военной организацией схожей со швейцарской, опытом взаимодействия в плотном построении и давними боевыми традициями (победа при Куртрэ 1302 г. и т.д.). Доходы от богатых провинций и сокровища Карла Смелого сделали возможным и привлечение множества наемников, прежде всего из Оберланда, и, что было чрезвычайно важно, из самой Швейцарии, которые стекались к Максимилиану толпами¹³⁷. Очевидно эта пехота была определенным образом подготовлена, поскольку Максимилиан в своих мемуарах

рассказывал, что, прибыв в Нидерланды, он велел изготовить длинные пики и проводил обучение владением этим оружием¹³⁸.

Характерно, что уже этот первый опыт оказался вполне удачным. Исход сражения при Гинегате (1479г.), в котором впервые швейцарская тактика была применена нешвейцарцами, был решен именно силами новой пехоты, в то время, как рыцарская конница Максимилиана бежала с поля боя, не выдержав натиска французских жандармов. Сам двадцатилетний полководец вместе с лучшими рыцарями присоединился к своей пехоте, причем сражались эти благородные воины в первых рядах тем же оружием, что и простые кнехты.

Следует отметить, что попытка придать дополнительную устойчивость колонне пехоты посредством включения в ее состав спешенных рыцарей представляла собой прием, использовавшийся и ранее, еще в XIV столетии в битвах при Куртрэ (1302г.), Кресси (1346г.), Розбеке (1382г.) и т.д. Однако эти примеры являлись скорее исключением, нежели правилом. Вставать в ряды неблагородных кнехтов рыцарям не давала не только сословная спесь, но и решительная бесповоротность этого шага. Спешиваясь, тяжеловооруженные воины, обремененные более чем тридцатью килограммами стали, лишали себя всякой возможности к бегству. Пеший рыцарь не мог позволить себе проиграть, а, как неоднократно показывала история, непоколебимое фанатичное упорство в бою отнюдь не было неотъемлемой принадлежностью рыцарства. Поэтому, обычно, к спешиванию рыцарей, если военачальник считал это необходимым, можно было принудить только угрозой самой страшной кары. Так, в битве при Булленьевилле в 1431г. это удалось сделать лишь пригрозив отказавшимся смертной казнью¹³⁹.

В битве же при Гинегате имело место не только добровольное спешивание, но и, что весьма существенно, рыцари сами взялись за длинные пики и значительное их число было включено в состав пехоты еще до сражения, то есть, фактически, они слились в одну целостную тактическую единицу с неблагородными. Коммин пишет, что пехотой Максимилиана «руководили около 200 пеших дворян из хороших фамилий»¹⁴⁰, причем верховное командование осуществляли два титулованных рыцаря: уже упоминавшийся граф де Роман и граф Энгельберт Нассауский¹⁴¹, что ранее вряд ли было возможно, особенно в Германии, откуда родом

был сам Максимилиан. Немаловажным является и тот факт, что и в дальнейшем, вплоть до середины XVI в., благородные, как в империи, так и в других странах служили в пешем строю в качестве рядовых.

Существенное изменение отношения к пехоте, то есть проявление если и не особенного уважения, то, по крайней мере, признание ее полноценным родом войск означало и признание революционных преобразований в военном деле в целом. То, что с большим трудом пробивало себе дорогу в течение целого столетия, наконец, было оценено по достоинству.

Вскоре, однако, Максимилиан, до сих пор не встречавший трудностей на пути своих нововведений, оказался в сложной ситуации, оказавшей значительное воздействие на формирование немецкого наемничества в том виде, в каком оно предстает перед исследователем в XVI - XVII вв. Нидерландские города, продолжая свою давнюю политику, избавившись от явных посягательств Франции на столь желанный ими суверенитет, попытались отстоять его и перед собственным сюзереном¹⁴². На их ополчение теперь не приходилось рассчитывать. Лишившись не только поддержки, но и приобретя нового противника, равно как и имея в ближайшей перспективе войну с Венгрией за родовые австрийские земли, Максимилиан оказался перед сложным выбором. Он мог либо обратиться за помощью к Швейцарскому союзу, на тот момент еще входившему в состав империи, либо рискнуть продолжить самостоятельные действия по созданию собственного войска. Последний путь был гораздо предпочтительней, поскольку не только не ставил будущего императора в жесткую зависимость от кантонов, конфликт с которыми, и ранее не затухавший до конца, мог снова вспыхнуть в любой момент, что вскоре и случилось, но и обеспечивал независимость вообще, предоставлял автономию, необходимую для проведения самостоятельной политики как вне империи, так и внутри нее. Но этот путь был и значительно сложнее, поскольку кадровый вопрос, самый важный, оставался открытым. По сути дела все приходилось опять начинать с нуля, попутно решив еще одну важную проблему - проблему выбора формы военной организации новой пехоты.

Максимилиан весьма остроумно справился с первой проблемой, выбрав в качестве базовой территории для военной реформы Оберланд, где располагалось

ядро исконных владений Габсбургов. В тот период он, как супруг Марии Бургундской, уже фактически распоряжался землями Сигизмунда Тирольского, ранее заложенными Карлу Смелому и так и не выкупленными. В 1490 г. Сигизмунд отказался от всяких прав на них, уступив их вместе с титулом своему молодому и перспективному родственнику¹⁴³. Уроженцы Верхней Германии славились своей воинственностью и были знакомы, неоднократно выступая в качестве наемников, со швейцарской тактикой. Швейцарцы также не остались в стороне. Максимилиан начал активно привлекать на службу и их, разумно сделав, однако, ставку не на покупку у Союза организованных отрядов, а на единичных наемников, необходимых в качестве инструкторов для жителей Оберланда.

Приблизительно в середине 80-х гг. в источниках, главным образом бургундских, появляется специальное обозначение для новой пехоты - «ландскнехты». Под ландскнехтами хронисты подразумевали пехоту, вооруженную по большей части длинными пиками, а также алебардами, двуручными мечами и аркебузами (на раннем этапе - луками, арбалетами, и разнородным холодным древковым оружием (вплоть до унификации типов вооружения в 1507)), не употреблявшую щитов и обученную для боевого построения в плотную четырехугольную колонну (*der Gevierthaufe*) по швейцарскому примеру¹⁴⁴.

История возникновения первой настоящей немецкой пехоты Средневековья - один из самых темных и неясных вопросов военной истории. Этимология и значение самого имени - «ландскнехты» (совр.нем. «*die Landsknechte*») - в течение многих лет являются предметом споров исследователей. Если проблема происхождения названия имеет всего два варианта решения, причем сторонники первого приписывают создание или, по крайней мере, присвоение указанного наименования лично Максимилиану, а сторонники второго утверждают, что понятие «ландскнехт» возникло самопроизвольно, вне воли императора¹⁴⁵, то толкований смысла обозначения имеется множество¹⁴⁶.

Камнем преткновения стала множественность вариантов написания первого из корней этого сложного слова. Ввиду отсутствия в исследуемый период разработанной грамматики немецкого языка в источниках XV - XVI вв. нередко можно встретить одно и то же слово, написанное на одной и той же странице тремя раз-

личными способами. Второй корень - «кнехты» («-knechte») всегда писался и понимался одинаково, в значении «слуги», «вооруженные слуги», «пешие воины» (die Knechte), устоявшемся в источниках как позднего средневековья, так и более раннего времени. Написание же первого корня давало возможность для двух вариантов его понимания и для множества толкований смысла обозначения в целом. Встречается он либо в форме «Landt-», «Lannd-», «Land-», что позволяет производить его от существительного «das Land» в значении «земля», «страна», «равнина» или даже «деревня», либо в форме «Lanß-», «Lantß-», «Lants-», «Lanz-», что с другой стороны дает возможность считать его производным от существительного «die Lanze» - «копье».

Многозначность первого корня породила значительное число весьма спорных и спекулятивных толкований. Нелишним кажется привести некоторые из них:

1) Ландскнехты - это «кнехты с равнины» - в противоположность «кнехтам с гор» (швейцарцам), что, однако, опровергается как присутствием в рядах ландскнехтов на первых порах самих швейцарцев, так и наличием среди основных центров вербовки гористых областей Алльгау и Тироля;

2) Ландскнехты - это «кнехты для обороны страны», однако, известно, что уже с самого начала перед ними стояло и множество других задач;

3) Ландскнехты - это «кнехты, нанятые в деревне, а не в городе», однако, также известно, что в их среде был чрезвычайно силен и городской элемент;

4) Ландскнехты - это «кнехты, нанятые в собственных землях Максимилиана, а не за границей» (в Швейцарии), однако, это опровергается опять же изначальным присутствием швейцарцев и т.д. и т.п.

Все эти версии имеют к тому же и одно общее, и самое существенное слабое место - термин «ландскнехт» был известен задолго до появления его в качестве обозначения новой пехоты Максимилиана. На это обстоятельство указал еще Г.Дельбрюк, обосновывая свой вариант истолкования. Изредка встречавшееся в течение пятнадцатого века как в верхненемецком, так и, особенно, в нижненемецком наречии обозначение, по его мнению, применялось по отношению к стражникам, судебным приставам и т.п. В связи с этим Дельбрюк утверждал, что новообразованному войску было дано подобное «мирное» название для того, чтобы не

обострять и без того накаленную ситуацию в Нидерландах, сословия которых настаивали на роспуске наемников Максимилиана¹⁴⁷. Английский ученый Ч.Оман, исходя из той же предпосылки, утверждал, что таким образом император (кстати, на тот момент еще не император!) пытался замаскировать свои попытки сделаться независимым от имперских чинов¹⁴⁸. В последней работе по истории ландскнехтов, автор, Р.Бауманн, признавая все имеющиеся варианты толкований не выдерживающими никакой критики, не предлагает им никакой альтернативы, оставляя, по сути дела, вопрос открытым¹⁴⁹. Но все же стоит попытаться дать на него ответ.

Истина, на наш взгляд, лежит не столь глубоко как предполагали историки прошлого, пытаясь найти некие серьезные политические причины для появления обозначения «ландскнехт». Ближе всех к разгадке подошли исследователи, считавшие первый из корней этого сложного слова производным от «die Lanze» - «копье». Правда, они полагали, что название пехоты произошло от названия оружия, которым она якобы была вооружена. Это, конечно, в корне неверно, поскольку и ландскнехты, и швейцарцы не только не употребляли, но и не могли употреблять «die Lanze», поскольку так именовали только специальное тяжелое, сугубо рыцарское, копье, приспособленное для ведения исключительно конного боя латников. Основным же оружием пехоты была пика («der Spieß», «der Spiss», «der Spiess»). В то же время «die Lanze» (или «die Gleve») - «копье», было также и широкоупотребительным названием низшей организационной единицы в рыцарской коннице, причем, в состав копя входили и пешие бойцы, вооруженные не только метательным, но и древковым холодным оружием¹⁵⁰.

Еще Дельбрюк отмечал, что его «судебные приставы» «выполняли также и военные функции». Он же, в качестве примера, приводит выдержку из хроники Иоганна фон Посилге 1417 г., повествующую о том, как прусский замок Бассингайен был изменнически сдан польскому королю «несколькими ландскнехтами»¹⁵¹. Удивительно было бы если бы гарнизон замка состоял из «судебных приставов» или «полицейских». Скорее в хронике подразумевались обычные вооруженные слуги, которые, будучи в первую очередь военными, вполне могли выполнять и выполняли и другие функции, в том числе и полицейские, и судебные в

курии своего сеньора. Это становится абсолютно понятным, если вспомнить о характере не только средневековой юстиции, но и системы управления вообще. Не чиновник в средние века был одновременно и воином, а воин - чиновником. Тот же кнехт, который сопровождал своего господина в бою использовался и в качестве исполнителя господского суда.

Появление понятия «ландскнехт» именно в начале XV в. объясняется тем, что «копья» сами по себе возникают незадолго до этого. Относительная же редкость употребления понятия в XV в. была вызвана как его нескладностью и большей длиной, относительно обычного - «кнехты», так и наличием к тому времени устойчивого словосочетания для обозначения военных - «рыцари и кнехты». Иоганн фон Посилге же, очевидно стремился подчеркнуть то, что замок был сдан не простыми слугами, а слугами военными. Кстати, и в XVI в. источники часто именуют ландскнехтов в сокращенной форме.

Для обозначения пеших воинов, вооруженных швейцарскими пиками, имя «ландскнехты» впервые употребляет вышеупомянутый ландфогт Карла Смелого Петер фон Хагенбах в своем письме, датированном 1474 г., называя так вспомогательных бойцов, набранных им для ордонансовых рот герцога¹⁵². Известно также, что одной из первых реформ бургундского войска, проведенной Максимилианом, была именно реорганизация рыцарских «копий», отделение пеших от конных, т.е. ландскнехтов - «военных слуг копья» от кирасиров.

Таким образом, очевидно, что Максимилиан I ни изобретал для своей пехоты нового имени, ни называл ее старым, имевшим якобы в корне невоенный смысл, в каких-либо политических целях. Он всего лишь оставил за приобретенными самостоятельное значение пехотинцами устоявшееся имя воинов-нерыцарей. Поэтому то уже иностранные хронисты - современники событий, столкнувшись с ранее им неизвестным понятием, тем более наполненным качественно иным содержанием, нежели ранее, терялись в догадках при его истолковании и переводе так же как и историки нашего времени. На латынь имя «ландскнехты» переводили как «*provinciae servi*» - «слуги провинции» или «*patriae ministri*» - «слуги отечества», а на французский как «*compagnons du pays*» - «земляки»¹⁵³. Коммин, например, расшифровывал его именно так, хотя тут же замечал, что «они [ландскнехты] бы-

ли выходцами из разных областей»¹⁵⁴, противореча сам себе, что явно демонстрирует его неуверенность в верности истолкования. Немецким же авторам XV - XVI вв. смысл имени, очевидно, был прекрасно известен, поскольку они и не пытались его объяснить.

Главным, однако, является не история имени, а то, что его появление в новом смысле знаменовало возникновение нового этнического военного сообщества, вычленение его как самостоятельного образования из интернациональной и анонимной массы «рыцарей и кнехтов».

Очень быстро ландскнехтов - верхнегерманцев начали отличать от нижненемецких наемников¹⁵⁵. С течением времени самобытный профиль этого нового образования прорисовывался все отчетливее, формировались его уникальные черты и национальный характер. Первоначально, упоминая воинов из Оберланда, источники, называли их вместе со швейцарцами, задававшими тон в пехоте Максимилиана. Без авторитетной поддержки своих учителей немцы опасались вступать в сражения и, судя по всему, были чрезвычайно довольны их присутствием. Но уже довольно скоро ученики начали освобождаться от «опеки» наставников, находившихся, будучи в составе тех же отрядов, в значительно более выгодном положении. Швейцарцев предпочитали немцам, им больше платили, и при разделе добычи самодовольные горцы претендовали на привилегии¹⁵⁶. Закономерно, что чем увереннее, под воздействием первых успехов, накопленного опыта и влияния национально-ориентированных предводителей, становились верхнегерманцы, тем менее они были готовы терпеть сложившееся положение вещей. Этот союз не мог быть ни прочным, ни продолжительным. С определенного момента сами понятия «швейцарец» и «ландскнехт» не только расходятся, но и постепенно становятся антагонистичными.

Характерно, что самобытность ландскнехтов, отмечаемая такими хронистами как Филипп де Коммин или Якоб Унрест, подчеркивалась именно в их сравнении со швейцарцами, казалось бы наиболее близкими из всех военных Европы к ландскнехтам по многим параметрам. Контраст этот отмечали и сами военные, как, например, швабский рыцарь Конрад Гешуфф, жалобы на хвастливые и обидные речи которого, сохранившиеся в протоколе заседания представителей Швей-

царского Союза в Цюрихе от 1486 г., являются первым достоверным свидетельством появления нового военного сообщества¹⁵⁷, или известные военачальники XVI в. Себастьян Шертлин и Лазарус Швенди¹⁵⁸. Якоб Унрест в своей «Хронике Австрии» («Chronicon Austriacum») писал о ландскнехтах: «Они придерживались своего нрава, следуя за швейцарским обычаем»¹⁵⁹. Это означало, что ландскнехты, воюя и вооружаясь, как швейцарцы, были уже в ранний период своего существования специфическим явлением немецкого языкового пространства. Поэтому ошибочно называть швейцарцев или пехотинцев иных стран Европы ландскнехтами. Ставшее сейчас нарицательным, в XVI в. имя ландскнехтов было исключительно именем собственным, причем до середины столетия оно относилось только к выходцам из Оберланда, а не к немецким наемникам вообще.

Не случайно среди причин, оказавших воздействие на формирование самопредставления ландскнехтов, как особого военного сообщества, было упомянуто влияние их предводителей. Роль его трудно было переоценить. Ландскнехтам постоянно твердили, что они могут, при желании, превзойти швейцарских наемников. Именно подобные высказывания вышеупомянутого Конрада Гешуффа и взбесили государственных мужей Швейцарии. Более того, не смотря на то, что общественная дистанция между благородными рыцарями и неблагородными, по большинству, пехотинцами была почти непреодолима, умные военачальники и правители той эпохи, прекрасно осознавая это обстоятельство, но в то же время и понимая силу нового рода войск, желая превратить потенцию в реальность, поднять боевой дух и привязать солдат, ландскнехтов или швейцарцев, к своей персоне, всячески стараясь продемонстрировать пехоте свое уважение. Весьма показательен в этом плане эпизод одного из походов герцога Рене Лотарингского. Разбив лагерь недалеко от Базеля, он ожидал прибытия завербованных им швейцарцев. Когда полторы тысячи наемников приблизились к лагерю, герцог выехал на встречу и, спешившись, радостно приветствовал их хауптмана Ханса Вальдмана, после чего некоторое время шел с ним рядом, взяв на плечо алебарду как простой воин¹⁶⁰. Подобным образом, но уже с ландскнехтами вели себя граф де Ромон и сам Максимилиан I. Так, при штурме замка Трелон, де Ромон с пикой на-

перевес вел наступающую пехоту. Максимилиан, вкуче со многими рыцарями, точно также возглавил ландскнехтов при штурме Оуденаарде¹⁶¹.

Для того, чтобы в полной мере оценить значимость этих жестов, необходимо учесть, что традиционно рыцари, а тем более титулованные особы, не принимали участия в штурмах крепостей, так как, во-первых, при этом необходимо было спешиваться, и, во-вторых, чрезвычайно возрастал риск быть изувеченным или погибнуть, причем, самым неблагородным образом - от камня, кипящей смолы или негашеной извести. О том, как высоко рыцарство в XIV - XV вв. ценило свою жизнь, свидетельствовал панический ужас, вызванный в этой среде поведением швейцарцев, долгое время принципиально не бравших пленных, нарушая тем самым главное из неписаных правил куртуазной войны. Но как раз на рубеже XV - XVI вв. многое изменилось. Изменилась сама война, став более масштабной и кровавой, изменился и взгляд на нее, ранее, во многом, находившийся под воздействием куртуазных идеалов.

Характерно, что в ряды ландскнехтов представители высшего сословия, подталкиваемые императором, вступали не только в экстремальных ситуациях на поле боя, что случалось и раньше. Максимилиан и сам не стеснялся показываться на публике¹⁶², и других побуждал к этому, как, например, при торжественном вступлении в Гент в 1485г.¹⁶³ Безусловно, подобная политика не могла быть рассчитана исключительно на «подлое» сословие. Рыцарство, особенно мелкое, должно было убедиться, что несение службы в новых войсках вполне совместимо с высоким происхождением и нисколько не умаляет фамильную честь. За счет лучше вооруженных и обученных, чем простые кнехты и самим своим воспитанием ориентированных на войну благородных Максимилиан рассчитывал укрепить войско, в том числе и морально, воспитать его в идеалах преданности короне и империи. Подспудно в новом военном сообществе насаждалась и новая идеология.

Значительным моментом в ее оформлении стало декларативное провозглашение т.н. «Ордена ландскнехтов» (*der Orden Landsknechte*)¹⁶⁴. Факт провозглашения этого «ордена» известен только по косвенным упоминаниям источников. Документов, подтверждающих его учреждение, не имеется. В сущности, все упоминания о нем в источниках, то есть в отзывах современников и, главным образом, в

военном фольклоре, относятся ко времени Карла V, когда большинство начинающий его деда - Максимилиана было либо забыто, либо приняло совершенно иные, нежели изначально, формы. В этот период понятие «Орден ландскнехтов» употреблялось как синоним понятия «военная корпорация» пехотинцев-ландскнехтов. Так, слепой певец, бывший ландскнехт, Йорг Графф, считающийся одним из выдающихся немецких поэтов эпохи Реформации, в одной из самых известных своих песен пишет в первой строфе-посвящении:

«Божьей милостью великодержавному императору благочестивому
 Максимилиану, при котором вознесся
 Орден, странствующий по всем землям,
 С флейтой и барабаном,
 Ландскнехтами они зовутся ...»¹⁶⁵

Действительно, понятие Ордена, широко известное и устоявшееся после смерти императора, можно рассматривать в качестве обозначения корпорации, а точнее, в качестве представления о корпорации как об Ордене. Идеальный Орден ландскнехтов той поры был лишь идеологическим построением, в реальности же, военное сообщество имело мало общего с настоящим рыцарским или духовным Орденом. Тем не менее, отрицать само существование Ордена в действительности, как это делают, например, немецкие историки Бауманн или Виесфлекер, автор подробнейшей биографии Максимилиана I¹⁶⁶, считавший Орден легендарным, кажется неверным. Подобная тенденция в современной немецкой историографии связана, связана, главным образом, с желанием опровергнуть романтизированные построения историков - любителей XIX в., видевших в учреждении ландскнехтов последнее проявление активности старого рыцарства. Это, безусловно, было в корне неверно, поскольку новое явление в военной организации Германии, по сути, сводилось ими к модернизированному, но вполне реальному рыцарскому Орденом, и именно ему приписывались все громкие победы первой трети XVI в., после чего Орден непонятным образом «испарялся», а на полях сражений оставались неизвестно откуда взявшиеся наемники. Основа этого мифотворчества была заложена еще хронистом XVI в. Йоханном Фуггером в его «Зерцале чести Австрийского Дома». Фуггер, создавая хронику не ранее середины

XVI в. (довел до 1554г.), описал идеализированных ландскнехтов, отличая их от наемников своего времени, как некий Орден, войско, созданное «по римскому образцу», в котором, по его словам, должны были проходить первоначальную военную службу молодые дворяне, приобретая навыки владения оружием и ценный боевой опыт. Собраны они могли быть в любой момент по желанию императора. Предводители же назначались «из графов и господ»¹⁶⁷.

Есть ли в сообщении Фуггера рациональное зерно, и, если есть, то в чем оно заключается? Для решения этой проблемы стоит обратить внимание на некоторые нюансы внутриимперской политики Максимилиана I и общественного настроения того времени. Известно, что в конце XV - первой четверти XVI вв. вновь приобрела актуальность имперская идея. Множество немцев жило ожиданием всеобщего обновления, масштабных реформ; чрезвычайно сильным было и стремление к объединению, централизации империи. Примечательно и немало важно, что идеи эти оказали серьезное воздействие даже на младшее поколение имперской знати, тем более, что развитие подобных взглядов деятельно поощрялось и самим императором, старавшимся, по возможности, консолидировать молодежь вокруг себя и, в еще большей степени, вокруг своего сына - герцога Бургундского Филиппа Красивого. Одним из основных способов для обретения, наконец, в лице имперских князей верных вассалов Максимилиан считал усиленную культивацию средневековых рыцарских идеалов¹⁶⁸. При его дворе вновь расцвели куртуазные манеры и рыцарские турниры, впрочем, не в ущерб нововведениям. Романтизация вассальных отношений и рыцарства имела, по крайней мере в глазах императора, вполне утилитарное значение, а не была лишь запоздалой куртуазной игрой, как это нередко утверждается. Выдающийся немецкий теолог и историк Иоанн Триттемий так писал об образе действий своего государя: «Максимилиан чувствовал потребность... уважать, сохранять и укреплять все хорошее старое, действительно же устаревшее уничтожать»¹⁶⁹. Именно уникальная особенность царствования Максимилиана - стремление сочетать, на современный взгляд, отжившее и самое передовое, черта, ярче всего отображающая специфику того сложного, переломного времени, является ключом и к загадке Ордена Ландскнехтов.

Император преследовал ту же цель, что и создатели светских рыцарских орденов XIV-XV вв. (Орден Звезды, Орден Бани, Орден Золотого Руна и т.п.), а именно, желал привязать рыцарство к трону. Разумно поэтому было бы предположить, что и он прибег для реализации своих централизаторских замыслов к этому старому, проверенному средству. Ко времени пришлась и организация новых войск.

Однако не будем ограничиваться только предположениями. Известно, что в юношеских военных потехах Филиппа Красивого участвовали и другие молодые князья и дворяне из самых видных семейств. Так, в 1505 г. отряд под командованием Филиппа и имперского казначея Фридриха, графа фон Гогенцоллерна, во время похода против Карла Эгмонта Гельдернского, причем, одетый и вооруженный на манер ландскнехтов, был встречен императором, оказавшимся в тех же краях. Максимилиан охотно присоединился к молодежи и возглавил ее при вступлении в Кельн. Состав этого небольшого (примерно 900 человек) отряда был блестящим. В него входил цвет немецкой знати: два пфальцграфа Рейнских, два герцога Саксонских, оба маркграфа Бранденбурга, герцоги Мекленбурга, Брауншвейга и Вюртемберга, а кроме того и легендарный вождь ландскнехтов Георг фон Фрундсберг¹⁷⁰.

Разумеется, к настоящим, боевым ландскнехтам отношение имел только последний. Кем же тогда были все остальные? Не вызывает сомнений, что они-то и были членами нового ордена. Исходя из этого легко объяснить крайнюю скудость информации о нем. Очевидно, Орден, как и многие затеи императора, оказался чрезвычайно недолговечным. Возможно, что поход, описанный выше, был даже единственным его мероприятием. Юноши-князья быстро повзрослели и избавились от романтических иллюзий, увидев свою личную выгоду в раздробленности империи. Окончательно похоронила намерение императора воспитать имперское юношество в нужном ему духе ранняя смерть Филиппа Красивого, последовавшая уже в 1506 г. Орден ландскнехтов, одно из звеньев комплекса мер, предпринятых с этой целью, таким образом, не только не выполнил возложенную на него задачу, но и мало был связан, как и большинство подобных орденов, с обыденной военной практикой. Следует, тем не менее, отметить, что сам факт его провоз-

глашения с одной стороны послужил увеличению популярности нового военного сообщества, а с другой невольно сыграл весьма значительную роль в процессе формирования самопредставления и идеологии настоящих ландскнехтов, но это уже является предметом исследования третьей главы данной работы.

§ 3

Милиционная система и наемничество: причины и сущность трансформации.

Скудость и лаконичность источников, окутавшие военные реформы конца XV в. густым туманом, делают неясной и спорной саму сущность первоначальной организации ландскнехтов. Хроники дают возможность проследить их боевой путь в Бургундских и Венгерских войнах Максимилиана, повествуют об их победах, к примеру, при Галлиано (1487 г.) и поражениях, к примеру, при Стоуке-на-Тренте (1487 г.), где сотни ландскнехтов полегли под стрелами английских лучников¹⁷¹, однако, на вопрос: какими были ранние ландскнехты? прямого ответа они не дают.

Немецкая историография также не предлагает четкого и однозначного решения этой задачи. Исследователи XIX в., следуя, в основном, вышеупомянутой версии Якоба Фуггера, сводили сущность военной организации империи к некоему рыцарскому ордену, являвшемуся одновременно и некой милиционной структурой «по римскому образцу». Более чем странное слияние античного со средневековым никак не объяснялось. В XX в. подобный взгляд, основанный на явном заблуждении и потому абсурдный, был отвергнут большинством исследователей, хотя иногда и возникал вновь¹⁷². Взамен, не мудрствуя, было предложено считать уже ранних ландскнехтов вольными наемниками¹⁷³. Ситуация XVI в. была механически перенесена на небогатый источниками конец XVв. При внимательном рассмотрении, эта версия оказывается, однако, не менее абсурдной, нежели первая. Очевидно, осознавая это, ее авторы всегда старались обойти проблему сущ-

ности ранних ландскнехтов, по возможности, стороной, ограничиваясь лишь косвенным упоминанием, а многие и вовсе не рассматривали ее как таковую.

Если исходить из того, что император изначально стремился к созданию общества вольных наемников-профессионалов, такого каким оно было в XVI - сер.XVII вв., т.е. сообществом людей, бесконтрольно нанимавшихся на службу любого государя, желавшего этого, то Максимилиан - собиратель земель и, правда, неудачливый, централизатор предстает в качестве нелепого альтруиста, усердного воспитателя бойцов для прочих, в том числе и враждебных, европейских монархов (пехота во Франции XVI в. нередко более чем на 70% состояла из немцев), а также и для внутренних противников - территориальных князей с сепаратизмом и партикуляризмом которых он боролся всю жизнь, в том числе и силой оружия.

Максимилиан I - фигура весьма спорная, его достоинства и недостатки и современники, и историки оценивали по-разному, но его идеалы и цели не вызывают сомнения. В его психической полноценности, пока также никто еще не сомневался, поэтому сама мысль о том, что он мог сознательно вооружать своих недругов по меньшей мере нелепа. В связи с этим возникают два вопроса: что же все-таки хотел создать Максимилиан? и почему результат реформы противоречил интересам короны? Ответ на эти вопросы дает возможность проследить генезис вольного наемничества в Германии к.XV - сер.XVII вв. и понять: почему именно оно и именно в этой стране приобрело невероятный размах, став господствующим типом военного наемничества в Европе.

Безусловно, самой привлекательной и выгодной, самой боеспособной и надежной с точки зрения государственной власти, была постоянная армия, построенная на базе бессрочного государственного профессионального наемничества. Не случайно идея подобной армии многократно всплывала в течении XV - XVII вв. Однако на практике финансовые и административные ресурсы большинства европейских государств (исключая Испанию) позволяли содержать на постоянной основе только весьма ограниченные контингенты войск, обойтись без которых было невозможно даже в мирное время. В первую очередь это были мизер-

ные, по современным понятиям, королевские гвардии и находящиеся в полунищенском положении гарнизоны важнейших в стратегическом плане крепостей (в империи, главным образом, на турецкой границе¹⁷⁴). Необходимо было содержать и элитарную тяжелую конницу. Подготовка и вооружение высокопрофессиональных латников, виртуозов в своем деле, требовали столь значительного количества времени и денег, что даже естественные боевые потери, увеличившиеся с конца XV в., становились трудновосполнимыми. Поэтому выпускать воинов, которые были так ценны, из-под контроля было крайне нецелесообразно.

Даже оплата вышеперечисленных войск ложилась тяжелым бременем на государственную казну, постоянно же содержать пехоту, численность которой, в силу тактических особенностей ее применения, должна была многократно превосходить численность всех остальных войск вместе взятых, не могла позволить себе даже относительно благополучная Франция ни в XV, ни даже в XVI столетии. В тех же владениях Максимилиана, где он мог себя чувствовать уверенно, а именно в Верхней Германии, даже регулярная налоговая система к 80-м гг., т.е. ко времени появления ландскнехтов, еще не существовала. Попытка ее создания по французскому и нидерландскому образцам была предпринята только в 1493 г.¹⁷⁵

В то же время сильная пехота была жизненно необходима. Опыт XV столетия предлагал два варианта решения этой проблемы. Пехоту можно было организовать либо на базе срочного государственного полупрофессионального наемничества, как, например, это было сделано во Франции (франкаршеры), либо на базе милиционной системы, как, например, в Швейцарии.

Порочность пути привлечения пользовавшихся самой дурной славой наемнических братств, немногочисленных и неэффективных, была очевидна. К их услугам прибегали только авантюристы или государи, оказавшиеся в чрезвычайно затруднительном положении. Как полководец и государственный деятель Максимилиан вполне осознавал невозможность существования государства, вооруженные силы которого, состояли бы из полуразбойничьих шаек или отрядов кондотьеров. Это доказывает и его политика по отношению к подобным формированиям, основанная на собственном горьком опыте.

В то же время вся военная практика Максимилиана свидетельствовала о преимуществах милиционной системы. Ополчения городов Фландрии победили французское войско при Гинегате, а швейцарцы, войска которых набирались на основе всеобщей воинской обязанности, в тот период вообще считались непобедимыми. Милиционеров, в отличие, например, от франкаршеров, не нужно было наделять налоговыми льготами, их общая численность была выше, и их военная служба далеко не всегда оплачивалась.

В этом смысле Тироль и прилегающие области Оберланда - база для всех начинаний Максимилиана - были особенно удобны. Тироль имел давние традиции сбора народного ополчения - ланддефенциона, уходившие корнями еще в первую половину XIII в.¹⁷⁶ и сохранившиеся почти исключительно только в этой области. Новое качество тирольская милиция приобрела после освобождения крестьянства этой земли от крепостной зависимости в 1342 г.¹⁷⁷ Связь между наличием свободного крестьянства и хорошей пехоты - хрестоматийна. Тирольские ополченцы, свободные люди, осознававшие свое значение в стране, безусловно, были намного боеспособнее ополченцев-крепостных других земель, в которых ланддефенцион превратился к концу XV в., по существу, в фикцию. Это подтверждается, в частности, тем, что герцоги Австрийские, в отличие от большинства государей, отнюдь не считали свое ополчение обузой на войне. Еще в 1421 г., сразу после начала Гуситских войн и в связи с ними, герцог Альбрехт V приказал провести перепись всех годных к военной службе от 16 до 70 лет, да и призывы объявлялись очень часто. Обычно выставлялся один ополченец от некоторого количества хозяйств, определявшегося в зависимости от степени военной угрозы (от тридцати до трех). Оставшиеся дома должны были следить за хозяйством призванного¹⁷⁸. Высокий боевой дух тирольского крестьянства продемонстрировали и события Великой Крестьянской войны, когда именно тирольцы оказывали сопротивление феодальной реакции даже после подавления восстания в остальных немецких землях.

Безусловно, этому способствовало и близкое соседство со Швейцарским союзом, хотя народное ополчение Тироля в XIV - XV вв. и не было сопоставимо по своей мощи со швейцарским, поскольку воевало не столько за свои интересы,

сколько за интересы своего сеньора, а также и потому, что, хотя и поддерживалось в хорошем состоянии, но долгое время не рассматривалось как основная боевая сила. Преимущество здесь, как и в других странах, отдавалось рыцарской коннице, что подтверждает и отсутствие практики поголовного призыва, имевшего место в конфедерации, не обладавшей таковой.

Очевидно, именно тирольский ланддефенсион первоначально послужил основой для формирования войск ландскнехтов. Собственно о деятельности в этом направлении Максимилиана в Тироле достоверно ничего не известно, однако, имеется документ более позднего времени - закон («das Libell»), датированный 1511 г., который дает богатую почву для размышлений. Закон этот, принятый под давлением сословий Тироля, регламентирует и утверждает новый распорядок призыва ланддефенсиона¹⁷⁹. С одной стороны, теперь постановлялось призывать всех неженатых мужчин без выплаты жалованья, с другой, однако, вводились еще три новых пункта: во-первых, внесение денежного взноса должно было освободить от участия в походе общеимперского ополчения; во-вторых, сюзерен мог объявить военный призыв в интересах графства Тироль **только** с согласия сословий; в-третьих, ланддефенсион не должен был **в дальнейшем** привлекаться для ведения войн вне Тироля¹⁸⁰.

Формулировка двух последних пунктов недвусмысленно свидетельствует о том, что прежде (до 1511 г.) ланддефенсион бесконтрольно использовался сюзереном, т.е. Максимилианом I не для обороны Тироля, в которой, кстати, последний в тот период практически и не нуждался (исключая Швейцарскую войну 1499 г.), а для наступательных войн вне него в личных целях. Не случайно еще Фуггер, в сообщении которого, как это уже было доказано, имелось и рациональное зерно, упоминал о войске «по римскому образцу», т.е. милиции.

О том, что в этот период слова «тиролец» или «верхнегерманец» и «ландскнехт» стали синонимами, свидетельствует и то обстоятельство, что значительная область Тироля - правобережье Рейна от Фельдкирха до Брегенца получила имя - «земля ландскнехтов» («das Landsknechtsland») ¹⁸¹. Кстати и сам Максимилиан в своем сочинении «Teuerdank» упоминает ландскнехтов («Lanzknechti») наряду с гелдернцами («Hollandrini») ¹⁸², что также указывает на атрибутацию пер-

вых как жителей определенной области. Присутствие национального момента, прочно входившего в сознание немецких наемников вплоть до Тридцатилетней войны и абсолютно не характерного для наемничества раннего периода, объясняется, таким образом, не только общими закономерностями процесса формирования национального самосознания, но и конкретными истоками немецкого наемничества XVI - XVII вв. Не исключено, что и название «ландскнехты» в этот период столь прочно укоренилось в языковой практике потому, что, благодаря созвучию произношения, стало восприниматься ополченцами Тироля в новом значении, более соответствующем их сущности.

Еще одним свидетельством в пользу теории «милиционного» происхождения немецкой наемной пехоты является тот факт, что процесс обучения, освоения швейцарской тактики, неоднократно зафиксированный источниками, имел смысл только в более или менее постоянной войске, то есть, в данном случае, - в ополчении, в то время как обучение вольных отрядов наемников было не только нецелесообразно, но и невозможно. Присутствие наемников-швейцарцев и оберландцев, небольшие отряды которых, кстати, уже под именем ландскнехтов, принимали и отдельные экспедиции на свой страх и риск, в рядах милиционного войска не является опровержением теории, поскольку смешение разных форм военной организации не только в одной войске, но и в одном подразделении - одна из характерных черт военного дела Средневековья. К подобному смешению Максимилиан прибегал еще в Нидерландах.

И, наконец, широко известен тот факт, что начиная какие-либо преобразования, император, прежде чем попытаться внедрить их на общеимперском уровне, проводил их проверку в своих личных владениях. Далекое не случайно, Максимилиан, начав в 1500 г. имперскую военную реформу, предложил именно милиционную систему для нового имперского войска, причем, весьма схожую с принятой в то время в Тироле¹⁸³. Это предложение императора свидетельствовало о том, что милиционная система, как таковая, вполне удовлетворяла его и, очевидно, неплохо себя зарекомендовала.

Что же тогда вызвало резкие изменения, почему ландскнехты в целом перестали быть милиционерами и стали наемниками? Ответ на первую часть вопроса

- прост. Тиролецы устали нести почти исключительно на своих плечах бремя бесконечных войн, бремя, которое по справедливости должна была нести вся империя, следуя по пути, намеченном для нее Максимилианом. Яркий пример - соотношение сил имперских чинов и Тироля после принятия в 1507 г. Констанцским рейхстагом постановления о предоставлении императору военной помощи для итальянского похода. Общая численность обещанных чинами войск составляла 12000 человек - 3000 конницы и 9000 пехоты, реально же на сборных пунктах оказалось всего несколько сотен человек, в то время как только один Тироль выставил 5000 воинов¹⁸⁴.

Еще одним важным обстоятельством было то, что, не слишком доверяя простолюдинам, государственные власти, при составлении призывных списков, на первое место ставили благонадежность ополченцев, основным критерием которой считалось обладание недвижимостью. Поэтому призыву подлежали только самостоятельные хозяева, владельцы домов в городе и дворов в сельской местности¹⁸⁵. Не случайно немецкие исследователи постоянно акцентируют внимание на устойчивом социальном положении ранних ландскнехтов, не объясняя, правда, причин по которым солидный бюргер или крестьянин оказался бы вдруг заинтересован в том, чтобы бросить свое хозяйство и отправиться в дальние странствия без всяких гарантий даже на благополучное возвращение¹⁸⁶.

Естественной реакцией этого зажиточного и уже ощущавшего свою значимость слоя на постоянные призывы были раздражение и обида и на империю, и на императора, нашедшие свое выражение в стремлении избавиться не только от утомительной службы, но и от всех имперских дел вообще, что и было осуществлено в 1511 г. Удивительным в этой ситуации оказалось лишь долготерпение оберландцев и их удивительная верность своему сюзерену, обычно не свойственная жителям других немецких областей. Впрочем, это можно объяснить опасным пограничным положением Тироля и радостью от прихода такого многообещающего монарха, каким долгое время считался Максимилиан, вместо бездарного Сигизмунда и бургундцев.

Ошибкой Максимилиана было проведение его чрезмерно активной военной политики силами пусть и благонадежных, но слишком привязанных к дому лю-

дей. Не был в полной мере учтен опыт Швейцарии и ретороманских «Трех Союзов», отправлявших в заграничные походы - райслауфы («die Reislaufen») «свободные фенляйны» («fryfendli»), состоявшие главным образом из т.н. «mats» - неженатых мужчин¹⁸⁷. Традиционное ополчение, как уже отмечалось, в принципе, по своей сути было не способно к ведению длительных наступательных действий за пределами отечества. Швейцарские райслейферы, воевавшие за деньги иностранных государей, уже не были ополченцами, они, главным образом, были полупрофессионалами, сочетавшими мирные занятия с наемничеством. Таким образом, провал реформы не был «связан с судьбой Максимилиана I и его поколения»¹⁸⁸, как это нередко утверждали немецкие исследователи. Он был обоснован вполне конкретными причинами.

Однако ошибка императора была исправлена естественным ходом истории. Он не остался без солдат, хотя сущность его войск в корне изменилась. Число людей, готовых вступить в любое военное предприятие за деньги и в надежде на добычу, оказалось довольно значительным и становилось с каждым годом все больше и больше. О том насколько велик был интерес к военному наемничеству свидетельствует швейцарская практика: желающих воевать нередко оказывалось значительно больше, нежели официально призванных в поход¹⁸⁹. Помимо желавших подзаработать молодых людей (из неапольского похода 1494 г., например, некоторые кнехты принесли по 100-300 золотых - очень значительная сумма по тем временам¹⁹⁰) в землях союзных кантонов и «Трех Союзов» имелись и профессиональные наемники - т.н. «die Kriegsgurgeln» - «военные глотки». Отличаясь диким нравом и склонностью к антигосударственным и антиобщественным выходкам, они являлись внесистемным элементом вооруженных сил горцев и в то же время их элитой¹⁹¹. Именно эти «verdorben Gesellen» - «испорченные парни» и стали учителями ландскнехтов. Они, пренебрегая всеми запретами, оказывались в войсках многих весьма отдаленных от родных гор стран. Эти наемники охотно вербовались в крепостную стражу, в охрану купеческих караванов и нередко заменяли за дополнительное вознаграждение не желавших участвовать в походах ополчения¹⁹².

Подобная ситуация к концу XV - началу XVI вв. складывалась и в немецких землях, однако, здесь баланс был очень скоро явно нарушен: в войсках Швейцарского союза, по большинству милиционных или полупрофессиональных, профессионалы войны всегда оставались в **абсолютном меньшинстве**. В Оберланде же, а затем и во всей Германии вольные наемники, причем профессионалы, быстро оказались в **абсолютном большинстве**.

Власть императора в раздробленной империи оказалось недостаточной не только для успешного проведения всеобщей военной реформы, которая, как и последующая (1570-е гг.), полностью провалилась, но даже и для проведения реформы в собственных наследственных землях. Не удалось даже удержать наемничество в государственных рамках. Позаимствовав очень многое у швейцарцев, Максимилиан и его советники, тем не менее не смогли скопировать главное - систему управления и контроля над войском, практически полностью находившуюся в руках центральной власти. Швейцарский Союз мог не только эффективно управлять своими воинами в собственных конфликтах, но и оказывать решающее воздействие на солдат, отправленных на службу иностранного государства¹⁹³. Власти Союза могли отозвать войска, причем договор с нанимателем порывался, обычно из политических соображений, которые, наряду с финансовыми, имели весьма существенное значение при выборе тактики отношения к желавшим воспользоваться силой оружия кантонов. Подход при этом был дифференцирован. Так, конфедерация могла сама сформировать войско, если оно предназначалось для службы ее политическому союзнику, или, в случае, если заинтересованность была не столь сильна, просто разрешить проведение вербовки на своей территории, что, правда, значительно уменьшало ценность набранного войска (примером могут послужить сложные перипетии отношений с Франциском I в период Итальянских войн). И в том и в другом случае кантоны получали с союзника или просто клиента большие суммы денег, фактически занимаясь продажей, экспортом своих воинов¹⁹⁴, почти в любых условиях остававшихся, все же, прежде всего - гражданами.

Немецкий наемник не был не только гражданином, но, фактически, и подданным. Немецкое наемничество к.XV - сер. XVII вв., также выросшее из ополчения

(проникновение наемников в ландфенцион, также как и превращение части дефенсionеров в ходе процессов дифференциации и профессионализации в профессиональных наемников - несомненно) практически утратило связь с государством, став к тридцатым годам XVI в. неким совершенно автономным образованием, корпорацией, «государством ландскнехтов» («Staat der Landsknechte»), что знаменовало окончание первого этапа внутритипового развития наемничества (к.XV - первая треть XVI вв.). Причины этого не только в общей раздробленности, почти полном отсутствии каких бы то ни было точек соприкосновения даже между территориальными властями и сословиями, не только в реальном отсутствии, при формальном провозглашении, единой национальной идеи, но и, главным образом, в особенностях социально-экономической ситуации в Германии к.XV - сер.XVII вв., благодаря которой образовалась обширная прослойка людей, живших только за счет войны.

Одним из обязательных условий нормального существования той или иной формы военной организации является наличие соответствующей кадровой базы. Революция в военном деле, увеличение масштабов и продолжительности военных конфликтов потребовали кардинального увеличения численности войск. Новый тип наемничества, одной из основных черт которого стала массовость, помог справиться с этой проблемой. Но массовым наемничество смогло стать только тогда, когда значительная часть населения утратила возможность существовать, занимаясь какой-либо иной деятельностью, не связанной с участием в войне. Появление и развитие массового наемничества, таким образом, могло быть вызвано только глубоким социально-экономическим кризисом. Оно является одним из самых ярких симптомов глобальных перемен в социуме, симптомов разложения самого общественного уклада.

К концу XV столетия в Германии в целом были преодолены последствия крайне болезненного этапа структурных преобразований в экономике, спада производства, голода и эпидемий XIV в.¹⁹⁵, начался значительный и устойчивый демографический рост. Выгодное, вплоть до середины XVI в. положение на путях мировой торговли способствовало расцвету товарного производства в стране в

области ремесла и сельского хозяйства, а также постепенному распространению ранних форм капиталистических отношений.

Богатство начало выставляться напоказ, роскошь достигла невиданного ранее размаха практически во всех сословиях. Видимые грани, по которым в течение многих веков определялась сословная принадлежность человека, существенно стерлись. Контраст между благородным и неблагородным на рубеже столетий в значительной степени сменился контрастом между имущим и неимущим, контрастом, который в это время стал необыкновенно разительным¹⁹⁶. По стране бродили огромные толпы нищих и бродяг, «количество которых никогда не было так велико, как в первой половине XVI в.»¹⁹⁷. Невиданному обогащению одних сопутствовало невиданное обеднение других. Экономический подъем вызвал острейший социальный кризис, больно ударивший по слабейшим элементам всех сословий страны. Особенно болезненным стал вопрос занятости, заметно сократившейся¹⁹⁸.

Сельское население, составлявшее более чем 80% от всего населения немецких земель, заметно выросло. Очень быстро стала ощущаться нехватка земли - проблема, которую внутренняя колонизация и колонизация Северо-восточных территорий не могли решить полностью. Экстенсивный путь развития сельского хозяйства исчерпал свои возможности еще в начале XIV в.¹⁹⁹ и теперь приходилось проводить интенсификацию, которая существенно сократила численность занятых в производстве. В некоторых областях на одно из первых мест выходит скотоводство, не требовавшее привлечения большого числа рабочих рук, но нуждавшаяся в больших площадях, что в тех условиях также приводило к вытеснению части крестьянства.

Включение крестьянского хозяйства в сферу товарно-денежных отношений привело в конечном итоге к возникновению значительной имущественной дифференциации, постепенно перераставшей и в социальную. Небольшая часть крестьян, главным образом на правах мейерской аренды, сосредоточила в своих руках существенный процент пахотных земель. С другой стороны, росла прослойка поденщиков и батраков, не имевших земли и работавших на более зажиточных соседях²⁰⁰.

Особенное значение приобрел и необыкновенно усилившийся на рубеже XV и XVI столетий нажим на крестьян со стороны феодалов, финансовое положение многих из которых к тому времени заметно пошатнулось. Резкое повышение требований к уровню жизни, необходимому для поддержания высокого общественного статуса, заставляло их изыскивать любые источники для повышения своего дохода. Там где было возможно, возрождались барщина, произвольно повышались прочие повинности, разорявшие крестьян. Там же, где существовало наследственное цензовое право, а следовательно и фиксированная рента, наделы держателей искусственно дробились, а плата за пользование частями увеличивалась²⁰¹.

Наследственные права крестьян также ограничивались. Наследственные держания превращались в пожизненные или даже срочные, что давало возможность увеличивать плату за смену владельца²⁰². Феодалы отчуждали за неуплату ренты наделы и либо передавали их более состоятельным хозяевам, либо забирали себе, восстанавливая домениальное хозяйство²⁰³. Для многих немецких крестьян остаться на земле стало труднее, нежели уйти²⁰⁴. Общинные угодья также нередко отбирались, а случалось, что держателей и вовсе сгоняли с земли²⁰⁵. Особенно энергичны в этом плане были владельцы мелких территорий, преобладавшие в Западной и Юго-Западной Германии, поскольку поступления с земли являлись для них единственным источником доходов, в отличие от князей и прелатов, обладавших также регальными правами и возможностью обложения земских городов. Князья также иногда проводили подобную политику, правда главным образом с целью создания на освободившихся землях охотничьих парков. Впрочем, создавались и поместья.

Малоземелье и безземелье стали в тот период бичом сельского населения. Процент безземельных крестьян в Верхней Германии колебался между 50% и 65%, причем, эти цифры имели тенденцию к постоянному росту²⁰⁶.

В условиях мощнейшего демографического всплеска даже сами формы наследования земли способствовали разорению или обезземеливанию селян. В Оберланде встречались и наследование по праву майората, и раздел имущества между всеми наследниками²⁰⁷. В первом случае младшие дети оказывались лишенными какой-либо собственности и были вынуждены либо покинуть родной

дом, либо оставаться в нем на унижительном положении «слуг»²⁰⁸. Во втором - полученные земельные участки зачастую оказывались настолько малы, что не могли обеспечивать даже самые скромные потребности, приводя к полному разорению или отказу от собственного хозяйства. В равной степени это касалось и держателей, и собственников-хуторян, многочисленных в Верхней Германии²⁰⁹.

Крестьяне, низведенные до положения батраков, фактически исключались из сельской общины, их даже не пускали на сходы. Личная свобода большей части сельских жителей облегчала их выход из общины и уход из деревни вообще²¹⁰. Попытки ряда князей сдержать процесс обезземеливания и массовой пауперизации крестьянства не дали ожидаемого эффекта, а введение «территориального подданства», сопряженное с введением поземельного налога и различных повинностей только подтолкнуло этот процесс²¹¹.

Города, значение которых заметно возросло, также внесли свою лепту в дело формирования кадровой базы наемных дружин. Начавшийся кризис цехового производства стал ударом для трудящихся слоев городского населения. Монопольные привилегии и запреты не смогли пресечь конкуренцию товаров внецехового происхождения. Сокращение спроса, а следовательно и занятости своих членов цехи стали компенсировать за счет ограничения круга лиц, пользовавшихся корпоративными привилегиями - так называемым «замыканием цехов»²¹², которое выразилось в резком повышении вступительных взносов, заполнении вакансий по наследству, в значительном усложнении процесса перехода учеников в разряд подмастерьев, а подмастерьев в разряд мастеров, что вообще стало практически невозможным. Конкуренция с внецеховым ремеслом пагубно отразилась на положении мастеров, многие из которых, разорившись, фактически опустились до положения наемных работников. Чем более крупным и экономически развитым был город, тем глубже было имущественное расслоение, и тем меньшую роль играл этот средний слой²¹³. Не следует забывать и о многочисленном (до 40%) и самом уязвимом слое городского населения, не являвшемся собственно бюргерским, находившемся вне сферы действия бюргерского права - поденщиках, прислуге разного рода и т.п., не имевших даже той более чем скромной социальной защиты, которую город предоставлял своим гражданам.

Прослойка пауперов в городах росла день ото дня. Большинство из них жили подаванием и случайными заработками. Появлялись даже потомственные пауперы²¹⁴. Так, в Аугсбурге в 1475 г. из 4471 налогоплательщиков профессиональные нищие составляли только 2,4 %, однако, 60,3 % составляли настолько малоимущие ремесленники, что часть их, наряду с ремеслом, была вынуждена заниматься нищенством, официально регулировавшимся магистратом²¹⁵. В Цвиккау с 1490 по 1507 гг. число неимущих увеличилось от приблизительно одной трети населения до половины²¹⁶.

И в городе, и в деревне многие тысячи людей оказываются лишенными возможности добывать пропитание нормальными, традиционными способами. В то же время появляются промышленные структуры, деятельность которых была связана, главным образом, с привлечением наемного труда. Казалось бы, лица исторгнутые разлагающимся феодализмом должны были быть поглощены экономикой зарождающегося капиталистического уклада. Действительно, горная промышленность в период своего расцвета с конца XV по середину XVI вв. кормила тысячи нуждающихся, однако, из-за нерациональной эксплуатации и притока заморских металлов она пришла в состояние упадка²¹⁷. Кроме того, горное дело оставалось, по сути, единственной отраслью в которой наемный труд использовался действительно широко.

Вообще же нужда в наемных работниках была пока еще не слишком велика²¹⁸, и последним нередко приходилось совмещать работу по найму с какой-либо другой²¹⁹. Наемный труд был наименее оплачиваемым и уважаемым. Общее положение вечных подмастерьев и батраков, заметно ухудшившееся в середине XV столетия, было более или менее сносным до второй четверти XVI в., после чего стало практически невыносимым²²⁰. Экономическое и социальное положение очень и очень многих представителей податных сословий было подорвано, они оказались лишними людьми на фоне общего экономического подъема.

Не остались незатронутыми и два других сословия. Реформация нанесла католической церкви в Германии удар чудовищной силы. Значительная часть духовенства, особенно монашества, оказалась в том же и даже худшем положении, что

и пауперизованные престолюдины. Во многих местах серьезно подорвала положение церковников и рыцарства Крестьянская война²²¹.

Дворянство, впрочем, и без этого оказалось в очень тяжелой ситуации²²². Домениальная сеньория вступила в полосу кризиса. В среде благородного сословия наблюдалась серьезная поляризация и «аристократизация» землевладения. Крупные феодалы находили еще возможности справляться с кризисными явлениями, многие же мелкие разорялись. На Юге и Западе империи ввести «второе издание крепостничества» все же не удалось²²³, а перестроить рутинное дворянское хозяйство в соответствии с товарно-денежными отношениями удалось далеко не всем²²⁴. Правила наследования приводили к тем же последствиям, что и в низшем сословии.

Положение рыцарства подрывалось также и усилением территориальной княжеской власти и, в значительной степени, последствиями военной революции, в особенности, значительным уменьшением значения конницы и развитием наемничества²²⁵. Больше всего, однако, ударило по феодалам, причем всех рангов, ростовщичество. Запутавшись в долгах они теряли свои владения.

Вообще монопольная деятельность торгово-ростовщических компаний, скупавших товары, а затем вздувавших цены, крайне негативно сказалась на положении всех слоев общества²²⁶. Рост цен, пока еще искусственный, превосходил рост доходов небогатых крестьян и ремесленников, также как и рост заработной платы наемных работников²²⁷. Впрочем, революция цен, начавшаяся позднее причинила еще больший ущерб. За счет хищнической разработки немецких рудников, а затем и ввоза драгоценных металлов из Нового Света цена на них резко упала, что естественно привело к удорожанию всех остальных товаров, особенно товаров первой необходимости²²⁸. Так, с середины по конец XVI в. цены на зерно увеличились в четыре раза²²⁹, мясо же, которое ранее иногда давали даже наемным работникам, исчезло из рациона самих хозяев. По словам современника, в Швабии «пища самых зажиточных крестьян теперь почти значительно хуже той, что раньше ели поденщики и батраки»²³⁰.

В силу перемещения основных торговых путей на Запад и последовавших за этим потерей рынков и застоя в немецкой торговле, а также утрате немецкими то-

варами конкурентоспособности, со второй половины XVI в. начался тотальный экономический спад. Нормальное развитие капиталистических отношений в условиях Германии того времени оказалось крайне затруднительным. В то же время и феодальный уклад смог полноценно существовать только в Заэльбье. Произошел разрыв между формациями, когда распад одной не сопровождался соответственным развитием другой. Это и стало, в конечном итоге, основной причиной того, что «таких бездельных людей, которым нигде места нет»²³¹ именно в немецких землях оказалось множество.

Экспроприированным было негде преклонить голову. Если в Испании, Португалии, Франции, Англии и Нидерландах избыточное население, «лишние люди» могли выступать в роли конквистадоров, завоевывая и населяя Новый Свет, то немцы были лишены и этой возможности. Число людей, которым приходилось выбирать фактически между голодной смертью и нищенством, очень значительное уже в начале XVI в., за последующие сто лет сильно увеличилось²³². Наличие огромной массы полупауперизованного и пауперизованного населения и постоянный рост этой массы - главная социально-экономическая причина возникновения и необычайно долгого существования **массового** германского наемничества как явления не только немецкой, но и европейской истории.

Таким образом, мотивация для вступления в ряды наемников была значительно более серьезной, нежели считает, например, следуя давней традиции немецкой военной историографии, Р.Бауманн, выдвигающий в качестве основных побудительных причин - авантюризм для крестьянства и бюргерства, и стремление следовать сословным представлениям и семейным традициям для дворянства²³³.

Динамика роста численности пауперов полностью соответствовала динамике роста численности наемников. Обычное нищенство было презираемо, да и отношение к нему в Германии было, пожалуй, еще более свирепым, нежели в других странах²³⁴. Военная же служба, напротив, была почетной, не требуя к тому же значительных капиталовложений. Для того чтобы вступить в ряды наемников-пехотинцев требовалось всего два-три гульдена. Основное оружие ландскнехтов - длинная пика стоило не дороже одного гульдена, короткий меч - приблизительно столько же. В ту же цену могла обойтись и аркебуза²³⁵, а дорогое оборонительное

вооружение большинство пехотинцев в конце XV - первой четверти XVI вв. практически не использовали.

Такое положение вещей дало некоторые шансы для поправления своих финансовых дел не только простолюдинам, но и многим представителям низшего дворянства, утратившим, ввиду полного разорения, возможность служить в качестве тяжеловооруженных рыцарей. По сути, появление новой пехоты, а позднее (сер.XVI в.) легкой конницы - рейтар спасло массу благородных голодранцев от унижения и смерти от недоедания, тем более, что усиленная пропаганда Максимилиана сделала службу в «нерыцарских войсках» вполне приемлемой.

Таким образом, основным фактором, объединявшим пестрый конгломерат представителей практически всех сословий, составлявших крайне неоднородную социальную базу наемничества, являлась их общая принадлежность к категории избыточного, лишнего населения. Данная ситуация, в целом была характерная и для наемничества в других странах Европы, в Германии имела, тем не менее, существенную особенность (единственным приблизительным аналогом была Швейцария) - в силу чрезвычайных остроты и масштабов социального кризиса в занятие военным делом была втянута огромная масса лиц неблагородного происхождения, что наложило существенный отпечаток на облик немецкого военного сообщества, в котором именно недавние крестьяне и горожане стали играть ведущую роль.

Еще одним немаловажным моментом, сделавшим именно военное наемничество одним из основных, массовых промыслов немцев, стали и такие черты их национального характера, как невероятные воинственность и агрессивность. Примеров тому множество. В немецких землях, в отличие от большинства других европейских стран, воинственность была неотъемлемой чертой простонародья. Вооруженный ремесленник или крестьянин был не исключением из общего правила, но - самим правилом. Так, например, городской совет Франкфурта-на-Майне издал в 1511 г. запрет на ношение сапожниками одновременно более одного меча, предельная длина которого специально устанавливалась²³⁶. Фехтовальные братства, стрелковые гильдии и школы борьбы были очень популярны в городской среде, причем, полученные навыки не оставались без применения. Так,

тот же цех сапожников, но уже в городе Лейпциге, поссорившись с местным университетом, вызвал на бой всех студентов и преподавателей последнего²³⁷. Нередко стрелковые товарищества совместно с городскими советами устраивали стрелковые праздники общегородского масштаба или показательные выступления мастеров клинка. До наших дней сохранилось значительное число печатных объявлений о проведении подобных мероприятий и их изображений на гравюрах²³⁸. В таких условиях обращение именно к военному ремеслу становилось естественным не только для рыцарства, но и для простолюдинов.

После первых успехов ландскнехтов значительная часть населения оценила эту новую возможность для наживы. Не только обнищание и безработица толкали на участие в военных походах. Военная служба была чрезвычайно привлекательна и тем, что давала значительно большую свободу, чем имел, например, подмастерье. Подмастерьям было запрещено участвовать в азартных играх, возвращаться домой после заката солнца, оставлять кого-либо у себя на ночь, посещать питейные заведения чаще одного раза в неделю и т.п.²³⁹ Военные же уставы были значительно мягче цеховых.

Таким образом, военное наемничество оказалось достойным выходом для очень многих. Вначале для большинства война оставалась только дополнительным доходом, но перманентно стимулируемый в условиях кризиса процесс профессионализации продвигался очень быстрыми темпами, и вскоре образовался слой людей, для которых война стала единственным источником существования, и слой этот со временем становился все более мощным.

Так, если в начале XVI в. рынок наемников иногда не был насыщен и внутри самой Германии (иногда даже возникала конкуренция между вербовщиками²⁴⁰), то позднее, почти все армии Европы включали в себя немецкие отряды. В первой половине XVII в. императорский кригс-комиссар Якоб Гринвальд писал, что «когда вербуют 1200 человек, надобно ожидать, что прибудет 1500...»²⁴¹. Частые, но не непрерывные войны Максимилиана, а также временный, срочный характер найма способствовали тому, что в период перемирия необходимым для ландскнехта стал поиск новой войны, причем там, где это было только возможно. Немецкое наемничество не сразу стало вполне **профессиональным**, но **вольным**

оно было уже тогда, когда в милиционном, по большинству, войске наемнический элемент был еще слабо представлен. В 80-х гг. небольшие, пока, смешанные отряды немцев и швейцарцев участвовали в войне Роз в Англии, на жаловании партии Йорков, воевали за герцога Карла Савойского против маркграфа Людвига II, эрцгерцог Зигмунд Богатый вербовал их против Венеции. Швабские города использовали ландскнехтов, промышлявших наемничеством, для отражения баварской экспансии²⁴². Когда же ландскнехты окончательно перестали быть милицией, вольное наемничество приобрело массовый характер.

Макиавелли писал: «Ни одно благоустроенное государство никогда не позволит своим подданным или гражданам превратить в ремесло такое дело, как война»²⁴³. Он мог бы добавить еще, что в благоустроенном государстве не может возникнуть даже сама возможность для существования наемничества. Однако ни одно государство Европы XVII в. не соответствовало и не могло вполне соответствовать идеалу итальянского политика, и менее всего этому идеалу могла соответствовать Священная Римская империя. Массовое наемничество в Швейцарском союзе было вызвано общей слабостью экономики, обусловленной неблагоприятными природными условиями, относительной аграрной перенаселенностью (как и в Шотландии, северо-восточной части Испании, юго-западной части Франции) и, наконец, увеличением удельного веса скотоводства в сельском хозяйстве²⁴⁴. Однако обширного социального кризиса, обрушившегося на Германию, Швейцария не испытала. Большинство наемников-швейцарцев оставались самостоятельными хозяевами, которые охотно подчинялись требованиям властей, властей, которые отчасти представляли их самих и которым они доверяли. Жалование иностранных государей и военная добыча помогли многим из них поправить свое хозяйство, а конфедерации в целом - привести в порядок финансовые дела. Вредоносность наемничества, вносившего смущение в наладившееся положение, пасторальный образ жизни, пусть и построенный на крови, была быстро осознана и со временем начали приниматься меры, направленные на ликвидацию теперь уже не жизненно необходимого всей стране наемничества. При мощной системе контроля, существовавшей в государственном наемничестве, построенном на милиционной основе, сделать это было несложно.

Совсем иначе дело обстояло в Германии. Центральная власть не была в состоянии бороться с массой вольных наемников - в большинстве своем откровенных пауперов. Она была для этого слишком слаба, слишком неавторитетна, да и причины распространения наемничества были много глубже, чем у соседей. Определенный отпечаток на действия центральной и местных властей наложило и отсутствие настоящей заинтересованности в искоренении сложившейся порочной практики. Императоры были слишком увлечены своей экспансионистской политикой для того, чтобы обращать особое внимание на внутренние дела. В отличие от Швейцарского союза, все более удалявшегося от военных дел, империя, наоборот, все сильнее в них увязала. На реформы не оставалось времени, приходилось довольствоваться тем, что имелось, и с этой точки зрения существовала даже определенная заинтересованность в наличии значительного числа военных, всегда бывших под рукой и готовых к участию в любой аванюре, сподвигнуть на которую ланддефенсион никогда бы не удалось. Местные же власти не возражали против удаления лишних людей, снимавшего в некоторой степени социальное напряжение.

Нельзя, однако, сказать, что против наемничества совсем не предпринималось никаких мер, но вышеизложенные соображения вполне объясняют их вялость и неэффективность. Императоры накладывали запреты на службу своих подданных у иностранных государей (первый в 1507 г.), но эти запреты игнорировались, да за их тщательным исполнением никто особенно и не следил²⁴⁵. Более того, сам Максимилиан I бывал крайне непоследователен. Так, будучи в союзе с Францией, он в своей прокламации 1511 г. восхвалял храбрость французских (читай - немецких) войск в войне против Венеции и папы, «забыв» о собственном запрете. Спустя же год, вольное наемничество вновь было объявлено вне закона²⁴⁶, а недавние герои стали преступниками, подлежащими наказанию «телом, жизнью и имуществом». Максимилиан взывал к национальному чувству немцев, к их долгу перед империей, понимая это так, как стали это понимать в Германии только в XIX в. Надо сказать, что к концу своего царствования он, очевидно, осознал невозможность кардинального решения проблемы и признал поражение своей военной реформы, заметно смягчив наказание за «отходничество». В этой связи

следует также отметить реальную невозможность отличать «враждебных» ландскнехтов от своих. Так называемые «паспорта» («die Paßporten») - своеобразные письменные уведомления об окончании службы отпущенного кригскнехта - не были надежным средством идентификации. Они нередко подделывались и, более того, в принципе не имели единого стандарта, да и практика их выдачи была далеко не повсеместной²⁴⁷.

Поэтому очень скоро иноземные вербовщики начали чувствовать себя вначале в Оберланде, а затем, с распространением наемничества, и в остальных немецких землях, как дома. Так, уже в 1509 г. эмиссары враждебной Максимилиану I Венеции вербовали ландскнехтов в Верхней Швабии²⁴⁸, в 1515 г. 8000 ландскнехтов выступали под французскими знаменами под Мариньяно, а в 1525 - 40000 немцев (ландскнехтов и нижнегерманцев) в битве при Павии²⁴⁹.

Городские советы, пытаясь исполнять иногда императорские указы, не решались тем не менее на радикальные шаги. Так, нарушивший запрет бременский хауптман Хилариус Шнабелин, служивший в 1534-36 гг., вместе с завербованными им земляками на французском жаловании, после возвращения на родину был осужден и обезглавлен, однако, его солдаты остались безнаказанны²⁵⁰. Подобные помилования основной массы наемников в верхне-швабских имперских городах были обычным явлением²⁵¹, в то время, как в кантонах Союза, где найм на службу враждебного государства вообще был немислим, всем нарушителям запрета, впервые сформулированного еще в 1397г.²⁵², обычно грозило тюремное заключение, что в те времена было очень серьезным наказанием, и значительный денежный штраф.

Вообще, примеры жестокой расправы даже только с предводителями ландскнехтов, подобными Шнабелину, имевшему, кстати, и без того очень дурную славу, были единичными. Суровые наказания графа Эмиха фон Ляйнингена, подвергнутого опале, изгнанного, лишеного владений и даже права опеки собственных детей, и Себастьяна Фогельсбергера, школьного учителя из Пфальца, сделавшего головокружительную военную карьеру на французской службе и казненного после показательного процесса, инициированного лично Карлом V, вызвали настоящий фурор по всей империи²⁵³.

И все же, власть в лице Максимилиана I - первого и единственного настоящего реформатора из династии Габсбургов в XV - XVII вв., оказавшаяся неспособной сдержать развитие наемничества, сыграла существенную роль в его формировании, хотя и произвольно. Эта роль была не в том, что «за сорок тяжелых военных лет войско было решительно сформировано своим полководцем [Максимилианом I]»²⁵⁴, как утверждает, опираясь на многолетнюю традицию, немецкий историк Х. Виесфлеркер, поскольку военная реформа, то есть сознательное действие императора, в целом провалилась. И не в том, что, как утверждает Р.Бауманн, император только воспользовался саморазвивающимся наемничеством, якобы не находящимся ни в какой связи с обществом и государством своего времени²⁵⁵, поскольку немецкие ландскнехты изначально в основной своей массе просто не были настоящими наемниками.

В действительности, Максимилиан своей, пусть и совершенно выпешедшей из-под контроля, реформой задал направление, указал область применения сил значительной части населения Германии, оказавшейся избыточной в условиях общего кризиса, ярчайшим свидетельством которого и стал сам процесс перерождения ланддефенциона, государственного института, в войско вольных наемников.

В конечном итоге политика этого императора оказала существенное воздействие и на развитие европейского рынка наемников в целом, поскольку произвольно стимулированное и фактически не сдерживаемое как им, так и его преемниками предложение немецких зольднеров, приобретя тенденцию к быстрому и стабильному росту, фактически насытило рынок. Численность немецких вольных наемников не уступала общей численности наемников прочих национальностей, а, возможно, и превышала ее.

Немецкий вариант массового наемничества, многие уникальные черты которого определила изначально избранная Максимилианом милиционная форма организации, обеспечивал первоклассное войско, вполне отвечавшее требованиям, предъявлявшимся к военной организации в то непростое, переходное время, с учетом, разумеется, реальных возможностей государства и общества.

Находясь на службе в большинстве стран Европы, немецкие ландскнехты и рейтары помогли компенсировать временное отсутствие постоянных националь-

ных войск, оказав тем самым определенное воздействие на формирование абсолютистских государств Нового времени. То обстоятельство, что сама Германия не стала централизованным государством, объяснялось не порочностью наемничества, оттянувшего часть военных кадров за границу²⁵⁶, так как, несмотря на этот отток, солдат вполне хватало, а особенностями положения страны в тот период и общим направлением политики Габсбургов, мечтавших о восстановлении идеализированной империи Каролингов и потому либо пытавшихся вдохнуть жизнь в отмирающие вассально-ленные отношения, как Максимилиан I, либо, вообще, уделявших мало внимания внутренним делам Германии, как его наследники. Армия же, на каких бы началах она ни была основана, всегда была и остается только зеркальным отражением общей ситуации в государстве и его слепым орудием, а формирование наемничества в том виде, в каком оно сложилось в империи, лишь подчеркивает невероятную глубину и масштаб кризисных явлений, переживавшихся немецким обществом.

Подводя итоги данной главы, следует еще раз отметить множественность, разнородность и, в то же время, тесную взаимосвязанность факторов, в комплексе сделавших возможным переход европейского и, в особенности, немецкого наемничества на качественно новый этап развития (к. XV - к. XVIII вв.), то есть - превращение наемничества в господствующую форму военной организации. Невиданной мощи социально-экономический и политический кризисы, также как и проявление новых потребностей феодального государства, связанных с необходимостью централизации и абсолютизации власти монарха в условиях коренного переворота в военном деле создали необходимые условия для перерастания немецкого наемничества в массовое явление, определили такие его характерные черты на первом подэтапе (к. XV - сер. XVII вв.) второго этапа развития, как профессиональность и наличие полной свободы найма, обусловили гетерогенность его социальной основы. Исследование нового типа наемничества в период его становления наглядно демонстрирует закономерность и неизбежность доминирования именно этой экстраординарной формы военной организации, а не модернизированной милиционной системы, как правило, преобладающей в стабильных

условиях устоявшегося общественного уклада, в переходную эпоху западноевропейской истории.

ГЛАВА II

Немецкое наемничество конца XV - середины XVII вв.: основные черты и этапы внутритипового развития.

§ 1

Система и типовые особенности.

Политический аспект наемничества.

«В конце концов, после длительного совещания, было решено, что Их Величества четыре регимента кнехтов, каждый силой в 4000 человек и также несколько тысяч лошадей в поле должно выставить. Оберстами ландскнехтов были Георг, граф фон Хельфенштайн, Клаус фон Хатштатт, господин Николаус фон Болльвайль и Вальтер Тум.

Итак, я обещал присоединиться к моему шурина, Ульриху фон Альтенштайгу, бывшему хауптманом у графа Георга фон Хельфенштайна²⁵⁷.

Наше смотровое место было в Шердинге в Баварии двумя милями выше Пассау. Нам было приказано появиться там в первый день мая месяца... Тогда регимент был сведен в воскресенье перед Троицей на лугу под Шердингом, были представлены оберст, лейтенант оберста, хауптманы и командиры, зачитана статейная грамота и затем принесена присяга. Затем каждый снова вернулся на свою квартиру. В святой Троицын день были мы освидетельствованы [прошли смотр], затем каждый снова пошел на свою квартиру; там нам было выдано первое месячное жалование...»²⁵⁸ - так пишет сын вюртембергского бюргера Буркхард Штикель в своем дневнике о вербовке войска, набранного по решению аугсбургского рейхстага для войны с турками.

Штикель обозначает основные, с точки зрения рядового ландскнехта, этапы вербовки. В целом же она проводилась по следующей схеме: монарх или полководец (*der Feldoberst*), действовавший по его поручению, желая набрать войско, посылал известным ему военным специалистам так называемую «уставную грамоту» («*der Bestellbrieff*» или «*der Bestallung*»)²⁵⁹. Документ имел три основные функции: во-первых, он был своего рода заказом на выполнение подряда по на-

бору, организации и командованию определенного подразделения; во-вторых, содержал основные условия контракта, двустороннего делового соглашения между монархом и военным подрядчиком; первый со своей стороны гарантировал своевременную и полную выплату определенной суммы, включавшей в себя вознаграждение подрядчика и средства для расчета с его подчиненными, второй же обязывался честно и верно выполнять свои функции в качестве оберста (oberst - «верховный», «высший») наемного регимента ландскнехтов (das Regiment - «господство», «власть»), войсковой единицы, насчитывавшей от 3000 до 5000 человек личного состава, в течение ограниченного, обычно непродолжительного, срока. Подробно устанавливались и конкретные условия соглашения: число фенлейнов («das Fähnlein» - «значок», штатная единица, насчитывавшая от 300 до 500 человек личного состава) в регименте, размер месячного жалования рядового - зольда, что было весьма важно поскольку оплата всех командных и прочих должностей высчитывалась относительно последнего²⁶⁰, продолжительность финансового месяца, основные нормы служебных отношений и т.п.; в-третьих, документ утверждал избранного военного в должности оберста в случае согласия с условиями договора, легитимизировал его в этом статусе, со всеми обязанностями и полномочиями как перед лицом работодателя, которому он клялся в верности, и местных властей, так и перед лицом командиров и кнехтов регимента.

«Уставная грамота» являлась непосредственным наследником «кондотт» («condotta») итальянских наемников XIV - XV вв.²⁶¹ и договоров о найме, имевших место быть в немецких городах в тот же период («die Battbriefe»)²⁶². Однако особенностью этого документа было распространение его не только на военного предводителя, но и на всех наемников вообще, основные обязанности которых специально оговаривались, что в сущности выделяло их в качестве третьей стороны договора и должно было обеспечить большую надежность регимента в целом.

Особо следует отметить, что уже в ранние времена условия договора, оговоренные с поистине купеческой скрупулезностью, зачастую становились предметом настоящего торга, причем особенно оспаривалось жалование самого оберста, полагавшееся ему помимо обычного вознаграждения²⁶³.

О плате договаривались заранее, причем деньги или кредитные документы на вербовку могли выдаваться как сразу, так и, гораздо чаще, впоследствии²⁶⁴. Таким образом, оберст являлся как бы частным предпринимателем, нанимая зольднеров на свой счет, а иногда и на свой страх и риск. В глазах рядовых наемников он являлся фигурой более значительной, нежели верховный наниматель или полководец, поскольку именно он выступал в роли непосредственного работодателя, ведь наемничество оставалось, формой наемного труда, хотя и весьма специфической. Усилению позиций оберста способствовал и временный, срочный характер найма, когда имена монархов менялись гораздо чаще имен полевых командиров. Ландскнехта мало интересовало, какому государству он служит, значительно важнее была личность того, кто непосредственно командовал и выплачивал жалование, вершил суд и расправу по своему усмотрению и по закрепленным обычаям военным законам, того, от чьей воли зависело все в том специфическом замкнутом мирке, которым являлся регимент, того, кто, подобно феодальному сеньору, был наследником любого из своих бессемейных подчиненных²⁶⁵, того, наконец, под чьи именно знамена и собирались на самом деле наемники.

Получив назначение, оберст набирал штаб регимента, затем - командиров, фенляйнов - хауптманов (die Hauptleuten, der Hauptmann), которые, в свою очередь, набирали свои штабы, а затем начинали непосредственную вербовку рядовых наемников, становясь субподрядчиками, на тех же условиях, что и оберст. И первый, и вторые, также как и верховный наниматель, обращались к известным им лицам, чаще всего - старым, испытанным боевым товарищам или, по протекции отцов, - их сыновьям. Вообще роль личных связей при подборе кадров была в тот период сильна как никогда.

В XVI - XVII вв. окончательно сложился и успешно существовал развитый рынок наемников, которые очень высоко, когда спрос еще не был удовлетворен, стоили в начале войны и обесценивались к ее концу. Характерно, что в связи с этим возникла даже особая профессия - хауптман-вербовщик (der Hauptmann-Verber), причем, специалисты данного профиля не участвовали непосредственно в боевых действиях, занимаясь исключительно подбором кадров²⁶⁶. Правда, отношение к ним в среде военного командования было весьма противоречивым и

окончательную победу они смогли одержать только в период создания постоянных армий.

Если вербовка происходила во время ярмарки или церковного праздника, то вербовочный стол устанавливался прямо на главной площади населенного пункта, в котором громогласно объявлялось о планируемом походе и приглашались все желающие в нем участвовать. Другим вариантом обозначения вербовочного пункта могла быть шляпа или знамя, вывешенные над домом, где находился хауптман. Постоянными признаками проходящей вербовки был барабанный бой.

Такой способ вербовки, когда многие сослуживцы давно знали друг друга, способствовал образованию землячеств, поскольку и служили они в одном и том же отряде. Естественно, наемное войско унаследовало ряд народных, общинных, ополченческих традиций, которые можно было наблюдать повсеместно. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что зачастую подрядчики вербовали ландскнехтов в той местности, откуда были родом сами. Так поступали наиболее известные предводители наемников - уроженец Верхней Швабии, Георг фон Фрундсберг и форарльбержец Мерк Зиттих фон Эмс. Эти военачальники имели свои «кадры», которые они хорошо знали и могли даже рекомендовать или уступать друг другу²⁶⁷. В более поздние времена, когда наемничество стало в полной мере профессиональным, зольднеры перекочевывали вместе со своими семьями и обслугой в те места, где, по моментально распространившимся в этой среде слухам, готовился набор, приуроченный к вероятному началу вооруженного конфликта. Конечно, существовал определенный риск попасть впросак и рядовым, и военачальникам, отважившимся на вербовку без предварительного уведомления, в случае, если слухи о войне окажутся недостоверными, но, безусловно, никакая коммерция не была возможна без риска.

Обычно, однако, для осуществления набора войск хауптман, а иногда и сам оберст, получал так называемый «вербовочный патент» («das Werbepatent»), составленный либо от имени монарха, либо от имени главнокомандующего, который подтверждал перед местными властями статус вербовщика и наличие высочайшего разрешения на проведение вербовки, каковой приказывалось, если она проводилась в собственных владениях, или предлагалось, если она проводилась в

чужих, всячески способствовать. В условиях почти полной бесконтрольности вербовки в немецких землях, патент порой являлся единственной возможностью для какого-либо немецкого монарха понять, кто же, собственно, набирает войска в его владениях²⁶⁸.

Добровольцы, желающие вступить в ряды наемников, подходили к вербовочному столу, записывались, указывая имя, происхождение, место рождения и оружие, которым они владели, и получали задаток («der Werbegulden»), а иногда и путевые деньги до сборного пункта («die Laufgeld») или «оружейные» и «одежные» деньги («Rüst-» и «Kleidergeld») - по сути - подъемные, которые должны были «облегчить» путь тем, кто имел доспехи, причем, конкретная сумма зависела от качества последних. Особенно пристально хауптман-вербовщик и его писари должны были следить при заполнении вербовочных листов за тем, чтобы один и тот же субъект не записывался бы под разными именами, присваивая таким образом незаслуженные деньги²⁶⁹. Отдельно наемникам указывалось время, когда они должны были явиться на смотр и место, где он должен был состояться. Для ведения боевых действий в Италии обычным местом сбора были окрестности городов Южного Тироля (Глурнса, Мерана, Боцена или Триента), для службы на турецкой границе - в Шердинге, для службы на жаловании Франции или Нидерландов - на Рейне²⁷⁰.

До времени сборов жалование завербованным не начислялось, жить же они должны были либо на полученные задатки (трактирщики на всем пути следования до места сбора обычно строжайше предупреждались о недопустимости повышения цен), либо, и главным образом, - за счет жителей, причем еще не будучи связанными присягой, что, естественно, порождало серьезные трения и вызывало вполне обоснованные жалобы на притеснения, чинимые наемниками.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Кормить солдат считалось издавна закрепившейся обязанностью гражданского населения, и оно, будучи связано традицией т.н. «дружелюбного отношения к тем, кто нуждается в помощи», разрешавшей путникам пользоваться продовольствием и фуражом сельской общины, не вывозя его, впрочем, за территорию последней²⁷¹, это обычно признавало, не соглашалось лишь с неопределенностью рамок содержания. Вообще

ущерб, наносимый военными как в процессе набора, роспуска (Й.Я.Валльхаузен писал об этом: «...вместо того, чтобы на недруга идти, и они первое смотровыми местами, а потом приходом, а третье роспуском местом государя своего землю испортят»²⁷²), так и во время вынужденной безработицы, ожидания очередного найма, и, особенно, в ходе военных действий был чудовищен. Чаще всего жалобы, подаваемые Amptsverwalter-ами (управляющими территориями), первые из которых относятся еще к Бургундским войнам Максимилиана²⁷³, не рассматривались князьями. Так в 1619 г. курфюрст Саксонский потребовал от местных властей удовлетворить все «справедливые» требования войск, угрожая в случае неисполнения, увеличить их количество²⁷⁴. На этом же примере можно проследить и первые попытки регламентации отношений при постое. В следующем 1620 г. тот же владетельный господин приказывал: «Каждому завербованному простолюдину, по предъявлении им письменного вида о завербовании, выдавать в виде пособия до дня сбора в неделю по 1 гульдену, а низшим начальникам в день по полу гульдену». Причем на квартиры их должны были брать не только простолюдины, но и дворяне²⁷⁵. Тридцатилетняя война, самая серьезная из всех войн Средневековья, заставляла пересматривать многие параметры с целью все большего упорядочения, ведущего, в конечном итоге, к созданию постоянной наемной армии со всеми ее структурами.

Через какое-то время после сбора проводился смотр, на котором воины освидетельствовались особым военным чиновником - мустерхерром (der Musterherr) или кригс-комиссаром (der Kriegskommissarius) с несколькими писарями. Кригс-комиссары были, по существу, первыми постоянно оплачиваемыми государством военными, не считая конных латников и гвардейцев, в обязанность которых входило добывание и раздача денег инспектируемым полевым войскам и крепостным гарнизонам. Также в обязанности мустерхерра входило и назначение жалования, отмечаемого в специальных книгах («die Soldliste»).

Каждый хауптман должен был пропустить перед инспектирующим своих кнехтов, в соответствии со списком, через ворота, составленные из пик или алебард («das Spießjoch»)²⁷⁶. Эти ворота помимо организационно-практического имели также правовое и мистическое значение: с одной стороны иначе сложно

было проинспектировать мало дисциплинированную толпящуюся массу, а тем более избежать мошенничества, к которому немецкие военные проявляли большую склонность уж с самых ранних пор, с другой - прохождение через ворота как бы делало ранее вольного человека подчиненным правилам военного распорядка, символизировало его вступление в военное сообщество и в сферу действия военного права.

В XVII в. от этого обычая отказались. Вызываемый солдат просто делал шаг вперед из общего строя²⁷⁷, что позволяло с большей эффективностью бороться с обманом и свидетельствовало о значительных к этому времени успехах военной дисциплины, поскольку ранее даже выстроить ландскнехтов (вне боевого порядка) было невозможно. Особенно тщательно проверялись лица, удостоенные двойного жалования, с точки зрения правомерности его назначения²⁷⁸.

Стремление запугать или обмануть даже опытного комиссара было весьма распространено в военной среде. Й.Я.Валльхаузен замечал, что «комиссар сидит на смотре в тоске и великом страхе живота своего» и, если он не назначает двойного жалования, ландскнехты бросают ему под ноги оружие, грубят и всячески угрожают²⁷⁹. Гравер Николаус Мельдемман вложил в уста изображенного им смотрового писаря слова: «...Если бы исполнилось его [ландскнехта] желание, я бы не пережил и года...»²⁸⁰. Встречались такие лжемастера, которые после 20-30 лет службы на двойном жаловании, не знали, по выражению Валльхаузена, за какой конец держат пику и воевавшие хуже деревенского мужика. При стрельбе подобные умельцы только попадали в своих же товарищей²⁸¹.

Да и обмануть комиссара, несмотря на все предосторожности, в частности, неоднократные повторения смотров по ходу службы, было зачастую несложно. Разнообразные виды мошенничества, как со стороны рядовых кнехтов, так и со стороны их командиров, в художественной форме были рассмотрены Лазарусом фон Швенди, видным имперским военачальником, в его сочинении «Vasguwillus», преподнесенном в качестве диалога между апостолами Петром и Павлом «о злоупотреблениях в войсках и лагерях немцев». Павел жалуется на сплошной обман и надувательство в императорских войсках Петру, который очень этому

очень этому удивляется. В итоге разговора апостолы сходятся в желании прекратить безобразия при помощи «всей небесной силы»²⁸².

Самым безобидным вариантом обмана было предоставление, по взаимной договоренности, хауптманами собственного оружия и доспехов некоторым кнехтам, с целью присвоения назначенного последним за это двойного жалования. Для борьбы с этим жульничеством хауптманам предписывалось появляться на смотре только в полной амуниции²⁸³. Самым распространенным явлением был недобор солдат относительно указанного числа («У кого ныне рота трех сот человек, у того всего сто пятьдесят человек налицо»²⁸⁴). Здесь в ход шло все, даже подделка списков. При проверке же представляли либо, как уже отмечалось, одного человека под несколькими фамилиями, либо переодетых мальчишек или даже женщин. Во французском войске этим «пассиволантам», как правило, при поимке отрезали носы. Источники молчат о том, как наказывали мошенников-командиров, которых со временем становилось все больше и больше, зато указывают, что в военной среде к началу XVII в. лучшим воином считался тот «кто хитрее обманет своего государя»²⁸⁵.

По окончании смотра оберст принимал свой regiment, собирал его в круг, представлял ландскнехтам хауптманов и прочих командиров, убеждал служить честно и верно, после чего приказывал зачитать так называемую «статейную грамоту» («der Artikelbrieff»)²⁸⁶, содержащую основные принципы, определявшие дальнейшее функционирование отряда, соблюдать которые должны были поклясться все присутствующие. Оберст скреплял ее своею подписью и печатью.

Функциональная структура этого документа достаточно сложна. Прежде всего статейная грамота была контрактом между монархом, а фактически всей иерархией подрядчиков, и рядовыми ландскнехтами. Четко прослеживаются две основные группы статей, конкретизирующие взаимные обязательства сторон. В одной из первых статейных грамот (1522 г.) обязательства работодателя формулируются даже в виде прямых «требований» ландскнехтов, касавшихся обеспечения их привилегий и гарантий от посягательств на их права²⁸⁷. В дальнейшем военные власти все же смогли заменить форму этих «требований» на форму, установленную их собственной волей, однако, суть их от этого изменилась мало. На-

ниматель устанавливал срок действия договора (3-4 месяца), оставляя за собой право его продления на прежних условиях, продолжительность финансового месяца и размер одного зольда, равно как и давал определенные, хотя и сомнительные, гарантии его выплаты, оговаривая, впрочем, срок возможной задержки. Признавались или отвергались те или иные льготы (так называемые «обычай»), связанные с дополнительными выплатами. Ландскнехты со своей стороны обязывались следовать предъявляемым им требованиям: «служить верно, отвращать их [императора, полководца, оберста] беды и кротко взаимодействовать по соглашению со всеми хауптманами, фендриками, вайбелями и командирами²⁸⁸, исполнять послушно замыслы оберстов. Что они вам устраивают и приказывают, тому военный люд следует. Это последнее надлежит исполнять любому, будь он благородный или неблагородный, малый или великий человек без всяких противоречий и выступлений, и не устраивать никаких бунтов, и не отказываться от службы, буде идти на врагов или от врагов, в походе и на карауле, на воде или земле, когда ни случись, днем или ночью, как нужда потребует, и Их Величество положат, исходя из нужд своего сана»²⁸⁹.

Помимо функции контракта, статейная грамота, если руководствоваться правовыми нормами, принятыми современной военной юстицией, выполняла функции военной присяги, а также, в нерасчлененной еще форме, функции дисциплинарного устава, уставов внутренней и караульной службы, будучи их непосредственной предшественницей и прародительницей. По статейной грамоте, как по кодексу военного права, вершилось и военное правосудие.

Значительное воздействие на становление статейных грамот немецких наемных войск оказали как швейцарские документы подобного рода - так называемая «Земпахская грамота» от 10 июля 1393 г. и выросший из нее «Военный распорядок» 1476 г.²⁹⁰, так и собственно немецкие - городские соглашения с наемниками XV в. Ранние формы статейных грамот, так еще не называвшихся, появились в качестве военных распорядков на конкретный поход в конце 80-х - начале 90-х годов XV в. Они применялись и в походах верхненемецкого ополчения, и в походах ландскнехтов в качестве вольных наемников. Особенную роль в становлении статейных грамот сыграли военные Юберлингена, в отрядах которых подобные

документы появились в 1488 г. во время похода на помощь Максимилиану, захваченному в плен горожанами Брюгге, и затем в 1492 г., когда выходцы из этого города участвовали на службе Швабского Союза в походе против Баварии. Правда, тогда речь шла об установлении соглашения с небольшими группами ландскнехтов (соответственно - 33 и 77 человек), в дальнейшем эти распоряжки были перенесены и на более крупные соединения в войсках маркграфа Кристофа Баденского и графа Андреаса фон Зонненберга (1504 г.), а также Райнпрехта фон Рейхенберга (1505 г.), служивших Максимилиану I²⁹¹. Собственно же название «статейная грамота» впервые появилось в войсках Швабского союза в 1519 г. в походе против Ульриха Вюртембергского²⁹².

Некоторые немецкие историки, тем не менее, полагают первой статейной грамотой, официально принятой в империи в качестве общего закона, грамоту от 1508 г., документ, известный исключительно по сборнику «Corpus Juris militaris novissimum или новейшее военное право» Й.Люнига, изданному в 1723г.²⁹³, однако, этот документ вообще не может быть признан подлинным, поскольку, будучи написан языком и стилем XVIII в., содержит множество несуразностей и анахронизмов. Л.Фронспергер, видный военный теоретик XVI в., в своих работах, написанных в 50-х годах при Карле V, еще предлагал на выбор три варианта статейной грамоты произвольной формы²⁹⁴. Официально утвержденный же вариант в империи не существовало вплоть до статейной грамоты Максимилиана II, утвержденной в 1570г. на рейхстаге в Шпейере²⁹⁵.

В то же время, что и шпейерская статейная грамота для ландскнехтов, была принята подобная грамота и для рейтар²⁹⁶ (легкой, в противовес кирасирам²⁹⁷, конницы, возникшей в 40-50-х годах XVI в.), в основном повторявшая статьи для пехоты, но с акцентом на благородное, по преимуществу, происхождение рядовых, с которыми начальству надлежало обходиться «со скромностью и вежливостью»²⁹⁸.

Статейная грамота постепенно совершенствовалась и дополнялась (при Фердинанде II (1642 г.), Леопольде I (1662 г.)²⁹⁹), своим развитием в значительной степени иллюстрируя сложные процессы внутритипового эволюционирования наемничества, более того, немецкие статейные грамоты были одним из важней-

ших этапов в становления военного права как такового. Из немецких статейных грамот выросли статейные грамоты нидерландской и шведской постоянных наемных армий, и, в конечном итоге, не смотря на глубокое качественное различие, - военные уставы Новейшего времени.

Произвольно разорвать соглашение, оформленное статейной грамотой, стороны не имели права, хотя в силу объективных причин, его нарушения имели место постоянно. Тем не менее, ничего превосходящего немецкое военное право Европа вплоть до конца XVI в. не имела. Французские военные, например, внедряли некое подобие дисциплины, используя лишь «кулачное право». В немалой степени благодаря прогрессивному на тот момент военному праву, немецкие наемные войска, по крайней мере в XVI столетии, не знали себе равных по общей дисциплинированности и боеспособности. Поэтому Рейнхарт Старший, граф цу Сольмс, крупный имперский военачальник, совершенно справедливо отмечал: «Немецкий военный люд или народ имеет лучшие юстицию и военный строй, нежели любая другая нация, потому что имеет постоянную военную юстицию, военный распорядок и статейную грамоту»³⁰⁰.

В своей совокупности уставные грамоты, вербовочные патенты и статейные грамоты, сохранявшиеся с незначительными изменениями и в тех случаях, если немецкие наемники воевали под иностранными знаменами, юридически оформляли систему срочного подрядного наемничества, сложившуюся на рубеже XV - XVI вв. и доминировавшую в Европе на протяжении полутора столетий.

Система эта, включавшая в себя многоступенчатые системы договора, найма и подряда, а также, что немаловажно в тот период, многоступенчатую систему присяги, существенно отличалась, будучи раздробленной на несколько этапов, от одноступенчатой системы наемничества X - XV вв., первого периода существования наемничества в Средневековой Европе. Она обеспечивала государству-нанимателю несравненно большую надежность набранного войска. Основные элементы войска: оберсты, командиры и рядовые кнехты обособливались друг от друга, контракт заключался по схеме: монарх - оберст; монарх, оберст - командиры; монарх, оберст, командиры - кнехты, обеспечивавшей тройное присягание на верность, в то время, как кондотьер или предводитель контрактной свиты, напри-

мер, присягал лично, а его отряд совершенно не затрагивался. В немецких наемных войсках потенциальная возможность одной из сторон изменить господину, ограничивалась противодействием других, что, кстати, подкреплялось и значительным внутренним противостоянием между военными предводителями и рядовыми.

Те же гарантии обеспечивало и только частичное участие в финансировании частных лиц - вольных подрядчиков. И оберсты, как непосредственные подрядчики, и хауптманы, как субподрядчики, не обладали личными средствами, необходимыми для полного обеспечения кардинально численно выросшего войска. Они могли лишь авансировать его при вербовке и выдавать некоторые суммы из своих личных средств, при длительной задержке жалования, с целью избежания бунта.

В этой нового порядка зависимости войска и его вождей от государства была еще одна положительная черта немецкого наемничества, сближавшая его с нанимателем в большей степени, нежели это было раньше. Совмещение свободной частной инициативы, сдачи организационных и командных функций в подряд с одновременным ограничением самостоятельности предводителей наемников в полной мере отражает сущность военного предпринимательства на данном этапе, наглядно иллюстрируя очередной этап процесса постепенного подчинения вооруженных сил государственной власти, процесс превращения войска в полноценный государственный институт.

Еще одним достоинством жесткой системы нового варианта наемничества была возможность, произвольно увеличивать численность войск, не теряя при этом контроля над ними, что было особенно важно именно в этот период, когда численность армий, не ограничиваемая более численностью боеспособных вассалов, постоянно увеличивалась в геометрической прогрессии. Системы наемничества на первом этапе своего развития (X - к. XV вв.), так же как и феодального войска не давали подобной возможности даже в теории.

И, наконец, то обстоятельство, что немецкое наемничество было вольным, то есть не связанным с каким бы то ни было государственным образованием, также играло на руку монарху-нанимателю, поскольку в случае удовлетворительного

выполнения соглашения с его стороны, верность присяге со стороны немецких зольднеров была абсолютно гарантирована. Это было особенно важно, поскольку швейцарские наемники, находившиеся под прямым управлением Союза, могли разорвать договор по приказу Совета кантонов, руководствовавшегося часто изменявшимися политическими резонами. Все это и определило ту необыкновенную популярность, которой пользовались немецкие наемники в XVI - XVII вв.

При анализе системы немецкого наемничества были обозначены еще две, помимо выделенных в первой главе данной работы, его важных типичных черты, заслуживающие особого внимания. Во-первых, - его **подрядный** характер, определявшийся частичным участием частных лиц, военных предпринимателей в финансировании наемных войск. Данная особенность была присуща в это время только немецкому наемничеству. Во-вторых, - **срочный** характер найма, что, будучи общей чертой большинства национальных вариантов наемничества конца XV - середины XVII вв., позволяет рассматривать данный период в качестве подэтапа второго этапа развития наемничества в Европе (к. XV - к. XVIII вв.), поскольку второй подэтап, завершение которого принято связывать с военной реформой, проведенной в годы буржуазной революции во Франции, вернувшей приоритетное значение милиционному принципу комплектования вооруженных сил, характеризуется, прежде всего, наличием постоянного, бессрочного найма.

В свете вышеизложенного, немецкий тип наемничества конца XV - середины XVII в., согласно выделенным в данной работе критериям оценки, можно классифицировать как **массовое срочное вольное подрядное профессиональное наемничество** первого подэтапа второго этапа развития этого явления в периоды Средневековья и Нового времени - наиболее удобный из имевшихся на тот момент вариантов для формировавшегося государства нового типа.

§ 2

Финансово-экономический аспект наемничества.

В связи с развитием элементов раннего капитализма, в первую очередь в сфере торговли, товарно-денежные отношения быстро наращивали темп своего развития. Расширение горных разработок в самой Европе, в первую очередь в Германии, а также, безусловно, приток драгоценных металлов из Нового Света позволили оживить и насытить денежный рынок, создав тем самым материальную базу массового наемничества. В исследуемый период война стала зависеть от наличия финансовых средств так, как не зависела никогда. В то же время и война сама по себе во многом стала определять состояние финансов. Одно постепенно становилось мерилем другого. Чем государь был богаче, тем, в условиях господства наемничества, он был сильнее, а военная мощь, со своей стороны, обеспечивала приток новых богатств. Немецкая поговорка, переделанная из французской, гласила: «Без денег - без ландскнехта», поэтому стремление к приобретению денег как средства для достижения могущества непрерывно росло. Война все более приобретала характер финансового мероприятия на всех своих этапах: подготовка, ведение, результаты. Вербовка наемников, солдат (*der Sold* - жалованье, *der Soldner*, *der Soldat* (в Германии термин появился в начале XVII в.) - наемный боец) на добытые любыми путями деньги стала ключевой задачей европейских государей.

Действительно, при условии своевременной выплаты жалования, наемные войска были готовы выполнить любые возложенные на них задачи. Но следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что содержать большое войско даже временно, набирая его не на все время войны, а только на время отдельного похода в ее рамках, в условиях пока еще слабо развитых экономики и, особенно, фискальной системы, было очень непросто. Нехватка денег для выплаты зольда - общее место в источниках, повествующих о войнах, на протяжении всего исследуемого периода.

Наличие капитала а, следовательно, и возможности своевременной выплаты жалования играли роль большую, нежели даже наличие национального ядра в

войске и сильной центральной власти. Так, Нидерланды с их децентрализованным управлением, чье постоянное (с конца XVI века) войско состояло из иноземных солдат (немцев, французов, англичан, шотландцев) смогли победить абсолютистскую Испанию, в постоянной армии которой, большинство составляли собственно испанцы, но не было возможности регулярно платить, поскольку обладали развитой и прекрасно отлаженной финансово-экономической системой. Наемник того времени (особенно к концу XVI века) мог пойти на многое, даже терпеть муштру, внедрявшуюся принцами Оранскими, если его служба хорошо и регулярно оплачивалась. Испанское же войско, когда-то славившееся своей дисциплинированностью, постепенно становилось неуправляемым, свидетельством чего может послужить варварское разорение Антверпена в 1576г.

Общий и кардинальный рост стоимости войны, наблюдавшийся в данный период, объяснялся, главным образом, выходом на первые позиции наемничества, как формы военной организации, равно как и общим увеличением численности армий, значительным усилением привлечения техники, более сложной и дорогой, а также - полным пересмотром системы фортификации.

Рассматривая финансово-экономический аспект наемничества, необходимо выделить две стороны данного вопроса: конкретные изменения в уровне дохода наемников и последствия удорожания войны для государства и общества. Как уже упоминалось, размер жалования рядового кнехта устанавливался на смотре, причем двойное жалование (*der Doppelsold*)³⁰¹ назначалось в соответствии с происхождением, вооружением, а также опытом и квалификацией наемника. В пехоте «двойные наемники», доппельзольднеры (*die Doppelsoldner*) считались солдатами «первого листа» («*die Soldliste*» - ведомость на жалование) и образовывали ядро, элиту наемного войска. В их состав входили дети дворян и городских патрициев, лица, обладающие полным доспехом для пешего боя (так называемый «трехчетвертной» доспех или «полудоспех»), а также - опытные мастера боя, старые испытанные солдаты.

Титулованные рыцари, как правило, не служили в пехоте в качестве рядовых, но в коннице такое случалось. Здесь рядовой, имевший графский титул, мог претендовать на учетверенный зольд, а бароны или обычные рыцари - на двойной,

как в пехоте³⁰². Увеличенное за происхождение жалование имело, видимо, значение не только как пережиток феодального войска. Скорее, речь шла о военных умениях и навыках, впитанных благородными с молоком матери, которых не имели и не могли иметь вчерашние сапожники и пастухи. В коннице дело обстояло несколько сложнее, но и здесь легко найти удовлетворительное объяснение. Дело в том, что и кирасир, и, впоследствии, рейтар имели еще и неоплачиваемую по ведомости свиту, выполнявшую и боевые функции, которую надо было на что-то содержать, и у графа она, естественно, должна была быть более многочисленной, нежели у простого рыцаря. Тяжеловооруженные латники в XVIв. в пехоте составляли первые ряды боевого построения и основная нагрузка в сражении приходилась именно на их плечи. Недаром и в XVIIв., когда двойная оплата нередко упразднялась, пикинеры за повышенный риск получали большее жалование, чем мушкетеры.

Обычно оружие и доспехи должны были быть собственностью наемника, чем и определялась социальная структура войска. Самые бедные служили в пехоте, более обеспеченные - в легкой коннице, рейтарами, а самые богатые - кирасирами (копейщиками), вплоть до середины XVII столетия, имевшими рыцарскую экипировку. Поскольку неблагородные в целом, а, особенно, имеющие твердый доход, отличались меньшей воинственностью, нежели благородные, то одновременно с повышением суммы, необходимой для получения снаряжения, увеличивался и процент благородных в соответствующих войсках. Правда, чем дальше, тем больше представители третьего сословия начали проникать и в конницу, но это не могло еще в тот период оказать существенного влияния на общую расстановку сил.

Иногда оружие могло предоставляться и военачальником, но в этом случае, также как и в случае выплат за счет последнего в ситуации длительной задержки оплаты, наемник попадал к своему командиру в долговую кабалу, расплачиваясь за счет жалования или добычи³⁰³. Подобная практика, постепенно становилась все более обремененной³⁰⁴, во многом в связи с понижением доходности наемничества для рядовых и со все большей люмпенизацией кадровой базы, пока, наконец, не была заменена на всеобщее вооружение за счет государства в постоянных

была заменена на всеобщее вооружение за счет государства в постоянных наемных войсках.

Помимо обычного жалования ландскнехт мог получить и деньги (или материю) на пошив одежды (der Rock - Kleidergulden) вместе с первым жалованием, иногда, в случае задержки выступления, и «деньги на ожидание» (das Wartgeld) или «пайковые деньги» (das Zehrgeld)³⁰⁵, однако, примеры такого рода очень редкие сами по себе, были строго хронологически локализованы периодом, когда ландскнехты были еще не наемниками, а ланддефенсионерами, поэтому неудивительно, что их общины, а выдавали эти дополнительные платежи именно они, заботились о своих гражданах так, как о них впоследствии не заботился ни один военный предводитель или монарх. В дальнейшем это было, очевидно, отменено, поскольку ни один военный трактат не упоминает о дополнительных выплатах.

Обычно оплата должна была производиться ежемесячно, хотя в ранний период она бывала и поденной. Продолжительность финансового месяца была, особенно первоначально, предметом конфликта с военными властями. Кнехты полагали, что месяц насчитывает 28 дней, поскольку состоит из 4 недель³⁰⁶, военачальники же настаивали на календарной продолжительности месяца в 30 дней. Естественно со временем победила точка зрения последних, и с 50-х годов XVIв. все статейные грамоты оговаривали именно календарный срок. В представлении наемников жалование выплачивалось за обычную рутинную службу: за поход, за несение караулов, за добычу фуража и т.п. За большую же битву или штурм крепости по их мнению полагалось особое жалование («Schlacht-» или «Sturmsold»), начислявшееся по принципу завершения старого и начала нового финансового месяца за один день. С этими «обычаями», отказа от которых требовали многие уставные и статейные грамоты, справиться удалось только к концу Тридцатилетней войны, до тех же пор они то отменялись, то признавались. Так, например, один из вариантов статейной грамоты Карла V отменяет «штурмовое жалование», - в то время, как более поздняя шпейерская грамота (1570г.) вновь его вводит³⁰⁷.

Стандартной монетой для расплаты с зольднерами считались рейнские гульден (или флорины, равные им по ценности) (1 гульден равнялся 15 батценам = 60 крейцерам = 240 пфеннингам = 480 геллерам), нижненемецкие штюберы (25

штюберов равнялись 1 гульдону)³⁰⁸, саксонские грошены, «шрекенбергеры» (1 грошен равен 1 марцеллу) или так называемые «марцеллы», равные половине венецианской лиры³⁰⁹. Эти монеты считались стабильной, менее всего подверженной порче и подделке валютой, но условия контракта включали в себя и возможность адекватной расплаты местной монетой, что, безусловно, давало возможность для мошенничества.

Как уже упоминалось, в XVI в. расчет жалования всех должностей делался, исходя из одного зольда рядового. Размер этого жалования, вплоть до первой четверти XVI в. составлял 2 гульдена в месяц³¹⁰. После выдающихся побед при Бикокке и Павии над швейцарцами, считавшимися непобедимыми воинами, жалование ландскнехта было приравнено к жалованию швейцарца, то есть - удвоенно³¹¹. Четыре рейнских гульдена в первой половине XVI в. являлись очень значительной суммой. Жирный племенной бык тогда стоил 3-4 гульдена, а оплата наемных работников балансировала между 3 и 13 гульденами в год, то есть - между 0,25 и 1,1 гульденами в месяц³¹². На этом фоне ландскнехт весьма выделялся. Правда, он сам должен был покупать или добывать себе пропитание, а также заботиться об экипировке, в отличие от батрака или подмастерья, питавшегося за счет хозяина и пользовавшегося его орудиями труда. По последним исследованиям эти траты в совокупности не могли превышать двух гульденов в месяц³¹³, но, как правило, ландскнехт жил очень широко, ведя разгульный образ жизни, он обогащал виноторговцев, шулеров и проституток, поэтому, безусловно, денег хронически не хватало.

Единственной должностью в регименте, дававшей право на бесплатное питание, была должность палача (*der Nachrichten, der Scharfrichter* - «последний судья», «острый судья»), вообще, должность, в сущности, гражданская и занимаемая, как правило, штатскими специалистами, и поэтому сохранявшая традиционные привилегии³¹⁴.

Финансовый кризис, связанный с оплатой наемных войск, разразился очень быстро. Государи набирали такое количество солдат, которое заведомо не могли оплатить, рассчитывая на естественную убыль в ходе войны или расплату за счет побежденных³¹⁵. Подробно проблема финансового кризиса будет рассмотрена от-

дельно, здесь же следует обозначить его воздействие на положение рядовых наемников.

Обычно без задержки проходила только выплата задатка и первого месячного жалования. Впоследствии очень часто военный предводитель оказывался перед сложной проблемой, ведь задержка денег крайне отрицательно сказывалась на общей дисциплине и боеспособности ландскнехтов, а при длительной неуплате можно было ожидать и мятежа. Иногда подрядчик мог сам как-то поддержать солдат, но его средства были ограничены, и наличных денег могло сильно не хватать. В этом случае Лазарус фон Швенди в своем «Суждении о войне» (1577г.) рекомендует, в нарушение статейной грамоты, раздавать в счет жалования ткани, одежду и разнообразное военное снаряжение, не указывая, впрочем, источники его приобретения³¹⁶. Подобная практика имела место на всем протяжении существования массового военного наемничества. Еще в 1517 г., оказавшись в положении безденежья по окончании Венецианской кампании, Георг фон Фрундсберг смог расплатиться со своими ландскнехтами только отчасти. Остаток он возместил раздачей отрезков шелка и сукна, оплаченного аугсбургским торгово-банковским домом Гохштеттеров³¹⁷. В данном случае только любовь солдат к прославленному полководцу удержала их от демонстрации протеста, поскольку подобная замена была невыгодна большинству из них. Приобретение действительно дорогих тканей могло бы обернуться, по возвращении в Германию, некоторым барышом, но необходимо было заботиться и о хлебе насущном, а следовательно - продавать товар на месте - маркитантам, которые, в условиях массового предложения, естественно, сильно занижали цену.

Иначе дело обернулось в ситуации, описанной в дневнике вышеупомянутого Буркхарда Штикеля, находившегося в 1568 г. в войсках герцога Альбы в Нидерландах. После того, как три фенляйна в Антверпене за три месяца службы получили оплату, главным образом, в виде шелка, бархата, а также прочих товаров, слух об этом докатился до Валенсии, квартировавшие в которой фенляйны, узнав, что и их услуги будут оплачивать так же, собравшись вместе, приняли решение надавить на комиссаров и, в конце концов, добились своего³¹⁸.

Швенди также рекомендовал выдавать в счет жалования и провиант: хлеб, мясо, вино и т.п., замечая, однако, что, хотя кнехты не будут иметь ничего против этого, их командиры и прочие высокооплачиваемые лица будут резко возражать³¹⁹. Впрочем, сам Швенди, рекомендуя подобные меры в качестве экстраординарных в то время, когда они уже были широко употребительны, прекрасно знал, к каким злоупотреблениям это приводит. Описывая положение гарнизонов на турецкой границе, он отмечал, что при оплате провиантом, цена последнего сильно завышалась, а оружие было часто недоброкачественным³²⁰. Не стоит при этом подозревать Лазаруса Швенди в лицемерии, - он был вполне искренним сторонником реформ, улучшения условий жизни солдат, что неоднократно доказывал, однако, в данном случае, он просто не видел иного выхода. Военные подрядчики XVI - XVII вв. уподоблялись капиталистам XIX столетия, оплачивавшим труд рабочих талонами, котировавшимися только в их собственных лавках.

Постоянная тенденция к увеличению числа задержек выплаты заработной платы, зачастую выдававшейся только частично, способствовала ухудшению положения рядовых наемников, но куда более тяжелые последствия имела «революция цен», больно ударившая по всему населению Германии, и, особенно, по наемным работникам, к числу которых принадлежали и кригскнехты. Их жалование, также как и жалование прочих наемных работников, оставалось стабильным, в целом удерживаясь в течение всего XVI - первой половины XVII в. на уровне четырех гульденов, но, в связи со всеобщим увеличением цен в несколько раз, покупательная способность денег резко сократилась. Итог сложившейся ситуации был более чем плачевен как для самих зольднеров, так и для мирных жителей, поскольку все недоданное военными властями возмещалось, по возможности, за счет населения. Право на добычу или «право войны», отдававшее и имущество, и жизнь врага в руки победителя, было старинной традицией средневековых конфликтов. Любой подданный враждебного государя автоматически оказывался вне закона. Понятие «мародерство» тогда не существовало, использовался же только термин «военная добыча». Широко практиковалось обирание раненых и убитых на поле боя, а также сохранялась и традиция получения выкупа с пленных, причем пленным мог быть объявлен любой, безотносительно рода его занятий.

Существовало два вида грабежа: организованный, с удалением, например, из захваченного города всех солдат, установлением караулов, очисткой города специально избранным «мастером добычи» (*der Beutemeister*) и последующим правильным дележом с выделением десятой части в пользу командного состава³²¹, и грабеж дикий, абсолютно не контролировавшийся. Большинство статейных грамот разрешало и его, оговаривая, впрочем, запрет на грабеж в ходе битвы, на грабеж, могущий повредить снабжению войска, а также исключительное право кригсхерра, «господина войны» т.е. нанимателя, на захваченную артиллерию и т.п., а иногда и на пленных³²².

В большинстве случаев именно надежда на добычу, а не жалование, была основным стимулом для ландскнехтов. Желая подстегнуть их боевой дух, военачальники перед битвой объявляли, что солдаты противника недавно получили жалование и т.п. В XVII в. стали предприниматься первые серьезные попытки ограничить этот обычай, и это дало для многих предпринимателей и авантюристов возможность использовать разрешение свободного грабежа, в качестве средства для привлечения добровольцев. Так поступил, например, граф Мансфельд в 1621г.³²³ Одно время существовали даже так называемые «свободные фенляйны» («*die Freifähnlein*») подобные швейцарским, где рядовые служили вообще без жалования, рассчитывая только на добычу. Такие отряды имелись в войсках Фрундсберга под Триентом в 1526г. и на турецкой границе в 1530г.³²⁴

То обстоятельство, что солдаты, как правило, сами должны были заботиться о своем пропитании, возвело грабеж в систему. Единственной и неудачной попыткой наладить централизованное снабжение была организация Карлом V (перед Шмалькальденской войной) в 1546г. в Регенсбурге войсковых складов продовольствия. Солдаты, по своей привычке, брали обычно больше, чем могли съесть, поэтому целые области, особенно, если войска хоть сколько-нибудь продолжительное время оставались на одном месте, разорялись совершенно, фактически превращались в пустыню. Страшно читать жалобу, поданную императору в ходе Тридцатилетней войны жителями Померании. В пятидесяти четырех пунктах излагается перечень ужасных преступлений, среди которых - разграбление церквей и могил. Сам герцог не мог иметь достойного стола, а прочие жители должны бы-

ли есть древесные почки, траву, мертвечину и даже собственных детей. В заключение сказано, что сотворенное императорскими войсками, не сравнимо с деяниями ни язычников, ни турок, ни даже самого Дьявола³²⁵.

Появление наемных войск несло с собой голод, эпидемии (переносимые наемниками наравне с крысами) и смерть, часто насильственную и лютую, сопровождавшуюся длительными пытками, имевшими целью выведывание мест, где могли быть спрятаны ценные вещи, деньги и т.п.³²⁶ Нередко не щадили ни женщин, ни даже детей, что, кстати, было строжайше запрещено всеми статейными грамотами, но соблюдалось, чем дальше, тем реже. В зверствах с немцами могли поспорить только испанцы (вплоть до появления, в годы Тридцатилетней войны, в Европе реестровых запорожских казаков).

В результате длительных войн вымирало не только население целых регионов, причем, в масштабах, оказавших серьезное воздействие на ход демографических процессов (так, в годы Тридцатилетней войны потери ряда немецких земель составляли от 40% до 70% населения, исчезали целые населенные пункты)³²⁷, но и серьезно страдали сами наемные войска. Так, во время итальянского похода Карла V (1530г.) голодной смертью умерло более тридцати тысяч солдат из его пятидесятитысячной армии, в походе 1536г. из тех же 50000 погибло 20000, не считая потерь в обслуживающем персонале (проститутки, солдатские жены, дети, слуги, маркитанты, землекопы и т.п.)³²⁸.

Самым серьезным изменением, произошедшим в сфере отношения к мирному населению, стал переход от разорения вражеских территорий, что было ядром тогдашней стратегии, к разорению территорий союзнических, происходивший постепенно, но неуклонно. В годы Тридцатилетней войны дело зашло так далеко, что даже обычно абсолютно равнодушные к жалобам подданных князья начали давать специальные разрешения на сопротивление военным разбойникам из их собственных войск³²⁹, ведь еще до ее начала, нередко, когда княжеские сборщики налогов являлись в деревню, оказывалось, что ее жители уже обобраны до нитки³³⁰.

Но и добыча не могла серьезно изменить финансово-экономическое положение зольднеров, которое к середине XVI в. приобрело тенденции к непрерывному

ухудшению. Особенно тяжким для зольднеров, в условиях непродолжительного найма, было время вынужденной безработицы. Как отмечал Й.Я.Валльхаузен, за лето наемник не мог заработать столько, чтобы хватило пережить зиму³³¹. «Куда теперь? Война прервалась...» - типичный вопрос «die gartende Knechte» - «кнехтов, ожидавших найма», вынесенный в качестве заголовка к одной из гравюр известного немецкого мастера первой четверти XVI в. Ханса Зебальда Бехама³³². В этот период наемники, привыкшие к бесконтрольному грабежу в военные годы, не только страдали сами, но и, живя в основном за счет местного населения, если и не разоряли его полностью, то, по крайней мере, нередко наносили весьма ощутимый ущерб сельским хозяевам, а значит и их сеньорам.

Итак, очевидно, что издержки вольного наемничества обходились очень дорого. В какие же суммы обходилось оно само? Сумма, в которую обходился, например, один regiment пехоты, неуклонно возрастала. Regiment в 10 фенляйнов, по 400 человек в каждом, стоил к середине XVI в. 20000 гульденов³³³; тот же regiment обходился в 70-х годах по приблизительному расчету Леонхарта Фронспергера в 37824 гульдена. Цифра эта была выведена, исходя из той посылки, что, не зная заранее числа допельзольднеров, следует вести подсчет так, как, если бы ими были все кнехты³³⁴. Если же не считать допельзольднеров вообще, то данная цифра все равно превышает первую (примерно 21824 гульдена в месяц). В XVII в., когда численность рядовых в regimente из тактических соображений была сокращена до 3000 человек, цены составляли к 1607 и 1615 годам соответственно 26825 и 27000 гульденов в месяц³³⁵.

Доход рядового кнехта в 4 гульдена в месяц иногда вырастал в XVII в. до 7-8 гульденов³³⁶. Однако многократное увеличение цен не только свело на нет выгоду от этого повышения, но и значительно сократило реальный доход. Жалование же командных должностей было повышено вдвое - впятеро, причем, особенно жалование хауптманов (с 40 до 180 гульденов), таким образом командный состав пострадал значительно меньше солдат, а в постоянных армиях это новое соотношение доходов было еще более упрочено.

Рядовые рейтары обходились втрое дороже пехотинцев - 12 гульденов в месяц, а кирасиры - вдвое дороже рейтар - 24 гульдена в месяц. Учитывая также по-

стоянное увеличение численности армии, можно представить себе тенденцию роста затрат на военные нужды, а также и их непомерную величину. Только один regiment пехоты, набранный на традиционные три месяца, обходился приблизительно в 100000 гульденов, в то время как, например, в первой четверти XVI в. годовой доход немецких княжеств, духовных и светских, колебался от 40000 гульденов в Бранденбурге до 110000 гульденов в Кельнском архиепископстве³³⁷. Непомерно возросшие расходы на войну, равно как и усложнение структуры войск, привели к очень серьезным последствиям. Государство было вынуждено в значительной степени реформировать свою систему: ввести регулярные налоги, преобразовать фискальные и военные органы и, наконец, прибегнуть к поискам новых источников денег.

В Германии, как известно, реформы проходили на двух уровнях: общеимперском и местном. И если на общеимперском уровне преобразования, как правило, имели очень ограниченный успех, то на местном - они проводились значительно эффективнее, хотя длительное время, в отсутствие внешней угрозы, князья не стремились к кардинальным переменам. Вольное наемничество, дав в руки князей надежное оружие для борьбы с императором, оказало воздействие не только на закрепление, в конечном итоге, раздробленности Священной империи и формирование абсолютизма в форме местного, территориального (так же, как подкрепляя основную тенденцию развития, немецкие наемные войска оказали значительную поддержку утверждению абсолютной власти монархов во Франции, Испании, Англии, Дании, подавляя выступления ее политических противников и народное недовольство в Религиозных войнах, восстаниях «комунерос» и Роберта Кета, в «Графской распре» и т.п.), но и своей срочностью повлияло на темпы и интенсивность реформ в немецких землях. Построение правильной налоговой системы было делом весьма сложным, особенно в условиях резкого противодействия земских сословий, и значительный эффект могло дать далеко не сразу, в то время, как, действительно, значительные суммы (на оплату войн) требовались относительно редко. Выставить армию, способную противостоять войскам императора, большая часть сил которого была занята в Италии, было несложно и без радикальных реформ - в складчину, что и было сделано в период Шмалькальден-

ской войны. Курфюрст Саксонский, например, имевший годовой доход в 60000 гульденов, отделался взносом в 14000 гульденов³³⁸, который он мог внести без особого напряжения, тем более, что опирался на уже введенную повсеместно в начале XVI в. поземельную подать, равно как и на питейную, введенную еще в середине XV в.

Значительно сильнее были заинтересованы в реформах Габсбурги, активная внешняя политика которых поглощала все их доходы без остатка. Еще Максимилиан I попытался создать централизованную систему управления финансами и делами войны. Был создан ряд учреждений: счетная палата, казначейства в Вене и Инсбруке, административное ведомство, ведавшее «силовыми структурами», позднее - военная палата (*die Kriegskammer*)³³⁹. Однако их деятельность, особенно в финансовой области, закончилась полным провалом не только на общеимперском уровне, но и в наследственных землях самого императора. Не была утверждена и налоговая система по образцу Нидерландов, ввести которую пытался император. Сборы общего пфеннинга (с 1481г.) были нерегулярными, напоминая прежние единовременные финансовые требования князей и императоров (*die Landbeten*)³⁴⁰, и малоэффективными, так же как и последующие попытки имперских военных и финансовых реформ.

Основными средствами добычи денег поэтому стали разного рода экстраординарные меры: добровольные и насильственные займы, пожертвования подданных, конфискации, иностранные субсидии, искусственно вызванные колебания валютного курса, а также средства предоставляемые самой войной - добыча и, главное, разнообразные контрибуции. В сфере же военного управления пришлось полагаться только на услуги кригс-комиссаров и частных подрядчиков. Однако необходимость реформ была вполне осознана и, например, в Баварии они были проведены еще до начала Тридцатилетней войны³⁴¹, которая, будучи на порядок жестче и продолжительнее Шмалькальденской, расшевелила и других князей. Уже в ее ходе были введены следующие подати: фенинговская, трехмесячная (позднее называвшаяся «солдатской») - с земли, а также помольная, донативная (распространялась на дворянство и выражалась в принудительных поставках лошадей), милиционная (на содержание конницы ланддефенсионов), мясная, акциз-

ная и хлебная (для снабжения армейских складов, вскоре - коммутирована)³⁴². Со своей стороны, Габсбурги широко использовали практику наложения контрибуций, которые, согласно последним исследованиям, не являлись, как полагали раньше, наказанием проигравшему противнику и т.п., а вводились в качестве постоянного имперского военного налога, подкрепленного силовым принуждением.

Дальнейшее увеличение данных и введение новых податей, сопряженное с созданием в немецких княжествах системы постоянных наемных армий, было осуществлено вскоре после заключения Вестфальского мира (1648 г.). Победа князей над императором, равно как и сама война, способствовали победе княжеской власти и над сословным представительством, обеспечив становление территориального абсолютизма в Германии. Свирепость наемников, как чужих, так и своих, нередко натравливаемых самими князьями, сделали подданных покорными и готовыми стерпеть любое урезание прав путем создания новых налогов и бюрократических структур. Схожие процессы проходили и во Франции, на которой, правда, меньше отразилась сама война, но где была значительно лучше подготовлена почва для преобразований, и во всей Европе³⁴³.

Вернемся, однако, к экстраординарным мерам добычи средств, имевшим место ранее. Особенную роль играли займы, приведшие в конце концов к появлению такого понятия как государственный долг. Основными их источниками служили кредиты военных подрядчиков и крупных компаний. Императоры и банкирские дома оказались связанными общностью интересов, совместной борьбой за экономическое и политическое единство страны и новые формы хозяйственной деятельности в ней. И кредиты явились главным связующим звеном.

1489 г. датируется первая кредитная сделка Максимилиана I с Фуггерами, еще до официального оформления компании в 1494 г.³⁴⁴ С тех пор они непрерывно финансировали почти все военные мероприятия Габсбургов. Связь императоров с крупными банкирами (Фуггерами, Мейтингами, Паумгартенами, Гохштеттерами и пр.) была настолько тесна, что их финансовая поддержка и советы в области государственного управления сделали совещания с ними обычным явлением. Со своей стороны, несмотря на значительные заемные проценты (до 60-70% в год), Карл V, например, активно защищал крупные торгово-промышленные и банков-

ские компании от антимонопольного имперского законодательства в течение двадцати лет, поскольку их помощь была жизненно необходима короне, ведь личных средств Габсбургов для решения задач европейского масштаба фатально не хватало. Само образование монополии было одной из тех уступок кредиторам, которые в дальнейшем делались одна за другой.

Происходило сращивание представителей частного капитала с государственным аппаратом, подмена ими слабо развитого административного аппарата, характерное и для военной сферы. Так, например, Онуфрий Фанбриль, антверпенский фактор Фуггеров, получил должность сборщика «имперского пфеннинга» (1497 г.)³⁴⁵.

Император и некоторые князья далеко не всегда могли вернуть полученные ими ссуды, что приводило к потере обеспечения кредитов. Таким образом значительная часть реальных прав в горной промышленности перешла во владение компаний, то есть в частные руки. Это, в свою очередь, втянуло аугсбургские торгово-ростовщические дома в торговлю металлами, а затем и в предпринимательскую деятельность в горнорудной промышленности. От откупов компании переходили к субсидированию княжеских и частных предприятий³⁴⁶, что влекло за собой превращение купеческого капитала в промышленно-предпринимательский капитал - один из этапов генезиса капитализма³⁴⁷. Кредитные операции аугсбургских купцов и банкиров с правящим Домом имели своим следствием и развитие ипотеки. Потери неоплаченных земельных закладов превратили Фуггеров в крупнейших землевладельцев Германии и содействовали, в конечном итоге, приобщению сотен других выходцев из третьего сословия к классу феодалов³⁴⁸.

В целом, распространение субсидий государству, осуществлявшихся при посредничестве банков множеством вкладчиков, способствовало дальнейшему развитию как банковской системы, так и вообще денежного хозяйства.

Однако займы в Европе того времени считались дурным способом решать свои проблемы. Более приемлемым выходом являлись конфискации. Огромные латифундии перешли из рук в руки, например, при самых массовых конфискациях в Богемии после подавления восстания в 1618-1621 гг. Характерно, что поме-

стья, отобранные у повстанцев, были распроданы моментально по бросовой цене, так как император срочно нуждался в деньгах для расплаты с войсками³⁴⁹.

Обычным делом стала порча монеты, проба которой систематически ухудшалась уже с XIII в., но действительно актуальной проблемой это стало в XVI в., особенно в Германии, где значительное число субъектов империи, имевших право на чеканку, создало для этого почти идеальные условия³⁵⁰. Для платы наемникам нередко выпускали специальную облегченную монету³⁵¹, что, естественно, не могло положительно сказаться на экономике, как и искусственное повышение курса денег, особенно частое в годы Тридцатилетней войны (1619 г. - Богемия и т.п.). Самым ненадежным средством получения необходимых финансов были иностранные субсидии, поскольку политическая обстановка менялась очень быстро, делала подобные обязательства крайне сомнительными.

Как уже отмечалось, существование наемничества подразумевало достаточно высокий уровень развития товарно-денежных отношений. Но и наемничество оказывало на него самое непосредственное влияние. Прежде всего, само его появление способствовало значительному увеличению денежной массы, поскольку массовое наемничество было одним из основных ее потребителей. Перераспределение средств, легко добывавшихся и легко тратившихся солдатами, способствовало увеличению подвижности денежной массы, стимулировало ускорение ее оборота. Значительные финансовые средства и материальные ценности, добытые наемниками, немало способствовали развитию экономики страны (как в Швейцарии), но обилие внутренних конфликтов, сопровождавшихся бессмысленными жертвами и разрушениями, часто приводило к простому, непроизводительному перекачиванию средств, полученных из-за рубежа, из одной ее части в другую и наоборот. Так же как война порождала новых наемников, так и добыча совершала круг, идя на оплату все новых и новых вооруженных столкновений. Поскольку наемники не участвовали в производстве, то развитие наемничества способствовало притоку денежных средств без соответствующего увеличения товарной массы, что сыграло свою роль в революции цен в Германии и Европе.

§ 3

**Военные предприниматели и рядовые наемники
в военном сообществе.**

Упоминавшаяся в §1 данной главы система сдержек и противовесов много-ступенчатой системы контрактов и присяганий, столь выгодная для государства, была бы бессильна в отсутствие перманентного внутреннего противостояния между военными подрядчиками и массой зольднеров, равнозначного противостоянию работодателей и наемных работников. Военное сообщество в Германии изначально было разделено. В глазах рядовых кнехтов главным достоинством военного вождя была не столько его военная слава, талант полководца или личная храбрость, что, безусловно, также имело громадное значение, сколько его деловая порядочность в выплате жалования, дележе добычи и распоряжении провиантом. Чем популярнее был предводитель, тем быстрее он мог набербовать под свои знамена многочисленное войско, но даже самые популярные и любимые военачальники, как, например, знаменитый Георг фон Фрундсберг, фатально не могли избежать конфликта с подчиненными. Последнего, кстати, подобный конфликт довел до инсульта и, в конечном итоге, до смерти.

Кем же были военные вожди наемников? Условно можно выделить три их поколения. К первому поколению принадлежали люди, заложившие основы своей карьеры на военном поприще еще в 60-70-х гг. XV в., в качестве кондотьеров - предводителей относительно незначительных отрядов верхнегерманцев и швейцарцев, содержавшихся за их собственный счет. В милиционных еще войсках ландскнехтов, они возглавляли профессионалов войны, пока немногочисленных, причем, не только на службе императора, но и вне нее, предпринимая самостоятельные походы. Наиболее известными из них были Фридрих Капплер, победитель при Галлиано (1487 г.), Ульрих Трабер, Мейнхард Щютс, а также швейцарцы - Конрад Гешуфф и Вильгельм Хертер³⁵². Самым знаменитым считается Мартин Шварц, сапожник из Нюрнберга, посвященный в 1475 г. за заслуги при взятии Нойса в рыцарское достоинство. Он активно участвовал в бургундских войнах, а в 1487 г. во главе двухтысячного отряда отправился в Англию, где, состоя

на службе партии Йорков потерпел поражение от превосходящих сил короля Генриха VII в сражении при Стоуке-на-Тренте, где его отряд был почти полностью уничтожен, а он сам - убит³⁵³.

Следующее поколение, теперь уже военных предпринимателей нового типа, первых военных подрядчиков в полном смысле этого слова, было воспитано в традициях милиционных войск, в духе верности интересам империи, испытав значительное воздействие идеологии Максимилиана I. Вообще представителей этого поколения: Георга фон Фрундсберга, Мерка Зитгиха фон Эмса и даже состоявшего на французской службе, вышеупомянутого, Эмиха фон Ляйнингена характеризовали, прежде всего, принципиальность, верность законам чести и политическим убеждениям. Тот же Ляйнинген, например, был наказан за то, что не изменил французскому королю, которому присягал на верность, когда политические резоны императора изменились и союз с Францией был разорван.

Представителей этого поколения вождей ландскнехтов можно назвать последними наследниками рыцарских традиций. Так, Фрундсберг, тирольский (или верхнешвабский) дворянин, начавший карьеру во время «Регенсбургской вражды» (1492г.), посвященный в рыцари Максимилианом I после битвы при Венценберге (1502 г.), прославившийся в Венецианских войнах 1508-1516 гг., одержавший первые большие победы над швейцарцами при Бикокке (1520г.) и Павии (1525 г.) и, в конце концов, получивший статус «императорского советника» и «Верховного главнокомандующего Тироля» («Obrist Feldhauptmann von Tirol») был для немцев тем же, чем, например, Баярд, «рыцарь без страха и упрека», был для французов³⁵⁴. Несколько идеализированный, образ этого человека, который, будучи осажден с горсткой ландскнехтов многократно превосходящими силами венецианцев в маленькой крепости, на предложение о сдаче ответил отрицательно, прибавив: «Много врагов - много чести»³⁵⁵, стал воплощением героизма и чувства долга, отсутствия какого-либо намека на презренное торгашество, распространившееся позднее. Однако и он сам, и многие его сверстники стали анахронизмами еще при жизни.

Третье поколение военных подрядчиков было уже плотью от плоти наемничества в чистом виде, беспринципного и аморального, с точки зрения современ-

ников, по самой своей сути. Представители этого поколения являлись коммерсантами в полном смысле слова, главным жизненным принципом которых стало получение выгоды любыми путями. Именно их имел в виду Й.Я.Валльхаузен, когда писал, что «ныне ратное дело уподобилось купечеству и торговле»³⁵⁶.

В этот период, начавшийся в 30-х гг. XVI в., военное предпринимательство достигло наибольшего размаха. Двух - восемнадцатитысячные наемные дружины времен Шварца и Фрундсберга разрослись до ста пятидесятитысячных армий времен Валленштейна. Среди множества имен военных предводителей этого поколения хотелось бы отметить три: Себастьяна Шертлина фон Буртенбаха, одного из первых и наиболее ярких представителей новой генерации, человека, о котором говорили, что «он воюет как маркитант и харчевник, ища выгоду во всем»³⁵⁷, ставшего в глазах современников своего рода символом нового поколения военных, своего рода антагониста Фрундсберга, замечательного еще и тем, что, сделав карьеру на службе самых разных господ, он, в весьма циничной форме, откровенно излагал суть и смысл нового подхода к войне; Лазаруса фон Швенди, имперского главнокомандующего при Максимилиане II, выделявшегося честностью и искренним стремлением к улучшению сложившегося положения вещей среди прочих военачальников своего времени и Альбрехта Валленштейна, как исключительный случай в практике вольного подрядного наемничества.

Последний, начавший военную службу в должности фендриха (знаменосца) в составе богемского регимента в венгерском походе 1604 г., и сделавший мощный карьерный скачок после 1617 г., когда он привел на помощь эрцгерцогу Фердинанду II (Фриульская война) подразделение, набранное и финансируемое им за собственный счет, в годы Тридцатилетней войны, составил громадное состояние на приобретении конфискованных в Богемии поместий, а также используя право на получение доходов со всех земель, конфискованных в ходе войны вплоть до окончательного расчета. Тем самым он получил возможность, отсутствовавшую у всех остальных подрядчиков данного периода, содержать огромные армии исключительно на свои личные средства, вернувшись таким образом к положению кондотьера, только наделенного в новых условиях невиданными возможностями. Естественным следствием этого исключительного положения стал выход за рам-

ки общепринятых принципов военного предпринимательства, предполагавших отсутствие у военачальников каких-либо личных интересов помимо чисто финансовых. Валленштейн рискнул заняться большой политикой, вначале предприняв попытку проводить имперскую политику без участия императора и даже вопреки его интересам, а затем и посягнув на чешскую корону. Он стал представлять собой реальную угрозу государственной власти, что, вскоре, привело к закономерному финалу - Фридрих был убит³⁵⁸. Время кондотьеров прошло. То, чего они могли достичь в условиях феодальной раздробленности, невозможно было добиться в условиях становления абсолютизма, пусть даже ограниченного рамками наследственных владений императора. «Инициатива» Валленштейна, имевшая, как уже отмечалось, исключительный для военных предводителей немецкого типа наемничества характер, привела, тем не менее, к далеко идущим последствиям, заставив государственные власти во многом пересмотреть свою политику относительно института вольных подрядчиков, а следовательно и относительно сложившегося типа наемничества вообще.

Интересна проблема социального происхождения военных подрядчиков. Среди представителей их первого поколения, число простолюдинов, особенно в пехоте, было достаточно велико (правда, получая сколько-нибудь значимую должность в военной иерархии вольного наемничества военный, как правило, аноблировался). Дело в том, что в ранний период своего существования пехота была настолько непрестижна (так как еще не успела завоевать к себе уважения), что немногие благородные, отваживались перешагнуть через старинные рыцарские предрассудки.

Вообще наемничество всегда в какой-то мере способствовало уравниванию благородных и неблагородных воинов, нередко способствуя аноблированию последних. Эта тенденция сохранилась и у немецких наемников конца XV - сер. XVII вв., однако, в период активной жизнедеятельности второго поколения ситуация существенно изменилась. Дворянство выразило горячую заинтересованность в наемничестве, как в силу собственного обнищания, так и в силу постепенного осознания выгоды этого занятия. Таким образом, люди незнатные были несколько затерты, стали менее заметны на общем фоне, хотя процесс аноб-

лирования через военную службу в наемных войсках, где на первый план выходили личные качества военачальника, а не его родословная, не прерывался. Не случайно, в своем споре с городами, князья, члены Шмалькальденского союза, настаивали на том, что главнокомандующий союзными войсками должен был быть не горожанином, а князем, графом или бароном³⁵⁹.

Возможно, в данном случае подразумевался Себастьян Шертлин - самый удачливый военный предприниматель XVI в., который все же сумел стать оберстом протестантов. Сын бюргера из Вюртемберга, получивший магистерскую степень в Тюбингенском университете, сделал головокружительную карьеру под руководством таких известных военных, как Франц фон Зиккинген, граф Людвиг фон Хельфенштайн и, наконец, сам Георг фон Фрундсберг. В 1532 г. Карл V пожаловал его достоинством имперского рыцаря. В 30-50-х гг. он, наряду с Конрадом фон Баммельбергом, считался самым значительным из вождей ландскнехтов. К 1544 г. он был одновременно императорским фельдмаршалком, генерал-капитаном юстиции, мустерхерром и брандшатцмайстером. В период Шмалькальденской войны Себастьян Шертлин стал одним из военачальников Протестантского союза, чего Карл V ему долго не мог простить. По окончании войны он был вынужден поступить на французскую службу, где и подвизался вплоть до примирения с императором в 1553 г., после чего смог опять вернуться в Германию³⁶⁰. Но в тот период подобных примеров было немного.

Более заметной была тенденция к повышению статуса благородных внутри сословия. Так, например, Фрундсберг, будучи «человеком благородного происхождения», видимо, из земского рыцарства, стал имперским рыцарем так же как Шертлин, через пожалование императора. Рыцари, бароны, графы, принадлежащие к той категории немецкой знати, которая в силу резкого ухудшения своего экономического положения мало-помалу, забросив феодальные амбиции, стала превращаться в служилое сословие, также начали принимать участие в военном предпринимательстве. Особенно активно занимали должности военных предводителей рыцари, во многих из семей которых военная служба такого рода стала традиционной.

Появлялись целые династии наемных военачальников: все три сына Франца фон Зиккингена служили и на имперском, и на французском жаловании. Длинную цепь военных вождей наемников дал род Фрундсбергов. Сын Георга, Каспар, не став, как надеялась его семья, епископом Бриксена, прославился на военном поприще в Итальянских и Турецких войнах, дослужившись к 36 годам до должностей оберста и императорского советника. Ранняя смерть от болезни оборвала его блестящую карьеру, также как и карьеру его младшего брата, Мельхиора, погибшего от чумы во время Римского похода. Сын Каспара, Георг II, командовал regimentом ландскнехтов на испанской службе в Нидерландах. Еще более длинной была династия Эмсов и Хохенэмсов, потомков знаменитого товарища Фрундсберга Мерка Зиттиха фон Эмса, ставших графами. Существовали, впрочем, и старинные графские военные династии, например, дома графов Ангальтских и цу Сольмс.

Однако само по себе утверждение династий подрядчиков, и, как следствие, системы протекции, препятствовали проникновению в ряды высшего командного состава выходцев из престолярства, да и вообще людей, самостоятельно продвигавшихся в жизни. Участник Тридцатилетней войны и крупный немецкий писатель Г.Я.К.Гриммельсгаузен замечал: «Заместо старых солдат куда охотнее производили в должности подчищал, камердинеров, подросших пажей, бедных дворянчиков, свойственников или просто подлипал и голодранцев, которые у тех, что заслужили по праву рвут куски из глотки...»³⁶¹. Для ветерана подняться выше фельдвайбеля было уже почти невозможно.

Гриммельсгаузен дает также аллегорическое описание армейской иерархии в виде дерева, по мере приближения к верхушке которого, чины сидящих на нем увеличивались. Между унтер-офицерским и офицерским ярусами «шло гладкое место или коленце без сучьев, обмазанное диковинными материями и странным мылом зависти, так что ни один молодец, будь он даже дворянин, ни мужеством, ни ловкостью, ни наукой не сумеет подняться по стволу»³⁶². Преодолеть это «гладкое место» можно было, лишь пользуясь родственными связями, взятками или по воле случая. В любом случае, дворянам отдавалось предпочтение, что явно свидетельствовало с одной стороны о постепенном преобразении вольного

наемничества в некое подобие сословной постоянной армии, со всеми присущими ей недостатками, а с другой, о резком повышении деловой активности дворянства, его окончательным превращением в служилое сословие абсолютной монархии, удачной интеграции в процессе постепенной трансформации общественных отношений.

И в то же время масштабы аноблирования продолжают расти, но, главным образом, за счет увеличения численности войск, а, соответственно, и числа высоких должностей, дававших возможность к аноблированию³⁶³. Люди неординарные могли найти свое место под солнцем и в это время. Так, Иоганн де Верд, баварский и имперский полководец был выходцем из крестьянства, а Якоб Мерсье, гессенский оберст, в молодости был сапожником³⁶⁴. Впрочем, такие случаи оставались, все же, только исключениями из общего, кстати, неписаного, но от этого не менее действенного, правила, ни в коей мере не влияя на общую тенденцию.

Как уже отмечалось, финансирование войск со стороны военных предпринимателей было только частичным, однако, государство в условиях неразвитости финансового и военного бюрократического аппарата, не могло обойтись и без этой скромной помощи. Так же, как наемные войска конца XV - сер.XVII вв. являлись заменой постоянной армии, так же и частные подрядчики замещали и дополняли собой государственные органы военного управления, находившиеся в зачаточном состоянии. Со временем они все больше превращались в чиновников. В течение XVI столетия начался процесс постепенного закрепления вольных предводителей наемников за определенными государствами путем выплаты им «денег за ожидание», а также пенсий и в мирное время³⁶⁵, заметно активизировавшийся, как и прочие процессы внутритипового развития немецкого наемничества, с конца XVI в., и особенно бурный в годы Тридцатилетней войны.

Характерно, что источники финансирования для военных предпринимателей были теми же, что и для монархов. Поскольку их личные средства, доходы от имений, предыдущие накопления и т.п. обычно были явно недостаточны для, пусть даже временного, содержания войск, возникала необходимость обращения к займам. Так, Георг фон Фрундсберг, в поисках средств для Римского похода (1526 г.) был вынужден обратиться к крупнейшим аугсбургским ростовщикам,

прежде всего к Фуггерам, меммингенским купцам Фуртенбахам, тирольским торговцам и дворянству. В качестве обеспечения он предоставил все имущество своей вотчины Миндельсхайм, всю свою серебряную посуду и даже драгоценности своей жены.³⁶⁶

Необходимы были деньги и на закупку вооружения и, с конца XVI в., одежды для снабжения войск. Граф Якоб Ганнибал фон Хохенэмс, приобретя в 1574г. у аугсбургских, нюрнбергских и ульмских оружейников 2069 доспехов и 1200 пищалей для своего регимента за свой счет, смог сам оплатить только половину цены (20305 гульденов), вторую же половину он отдал, как и Фрундсберг, за счет займа у Фуггеров и городского Совета Линдау³⁶⁷. Даже Альбрехт Валленштейн не мог обходиться совершенно без займов, обращаясь за кредитами к крупнейшему нидерландскому купцу и банкиру Хансу де Витте, а также - к старейшине еврейской общины Праги, Якобу Бессеви из Тройнбурга³⁶⁸.

В связи с этими займами резко увеличивалась степень риска занятия военным ремеслом. Не смерть или плен более всего пугали военачальников той эпохи, а финансовый крах. На любой ступени военной иерархии приходилось так или иначе «воспомоществовать своим подчиненным деньгами»³⁶⁹, выступая в роли субподрядчика, что было еще одной причиной для преимущественного проникновения дворянства, причем, с определенного времени (приблизительно с 50-60-х гг. XVI в.), минуя звание рядовых. Однако жажда наживы была так велика, а доход от войны так высок, что это оправдывало любой риск. Военное предпринимательство сделалось важным источником первоначального накопления капитала, особенно удобным для континентального дворянства, поскольку давние предрассудки препятствовали его участию в обычном производстве или торговле.

Источники доходов для коммерсантов от войны были весьма разнообразны, но основным, если угодно, стержневым - было, как прямо указывал военный теоретик XVI в. Вильгельм Дилих, - временное содержание войск за свой счет, вызванное нерегулярностью поступлений из государственной казны³⁷⁰. Помимо этого, определенный доход приносили снабжение войск оружием и одеждой, жалования, пенсии и подарки нанимателей и союзников в случае успешного исхода войны (обычно в виде земель, должностей и титулов), собственная военная добы-

ча и отчисления от общей военной добычи регимента, выкупы за пленных, а также самовольные наложения контрибуций под угрозой разорения, поджога или постоя военных отрядов. Регулярный доход давало также разнообразное мошенничество, выражавшееся как в формах, указанных выше, так и в присвоении выделенных монархами и полководцами средств. Так, Валленштейн писал: «Часто случается, что офицеры, получив деньги для передачи их солдатам, прячут их в свой карман, а потом требуют, чтобы жители кормили и поили людей и давали им фураж...»³⁷¹.

Для многих из числа наиболее предприимчивых и нещепетильных военачальников, каким, например, был Себастьян Шертлин, богатейшим источником доходов служили штрафы за проступки собственных подчиненных и специально изобретенная ими подать за право торговли в войсках. Справедливости ради стоит отметить, что оберсты не просто вымогали деньги у маркитантов (торговля в войсках также считалась очень выгодным делом и привлекала множество купцов), но и обеспечивали их безопасность. Горе было ландскнехту, рискнувшему поживиться за счет торговца, находившегося под покровительством военачальника³⁷². Впрочем, для этого была еще одна немаловажная причина - маркитанты являлись зачастую единственными поставщиками продовольствия и обижать их было невыгодно.

Война в данный период стала в полном смысле слова коммерческим предприятием. Так, тот же Шертлин в своем гроссбухе, который он вел старательнее иного купца, отметил, говоря о турецком походе 1532 г., в графе «приход»: «добыл я честь и 4000 гульденов»³⁷³. В этой короткой фразе - вся психология военного предпринимателя, под «честью» понимавшего не почет и военную славу, а скачок по социальной лестнице - приобретение рыцарского достоинства, стоявший в одном ряду с обычной прибылью.

С наибольшим риском были сопряжены взаимоотношения с рядовыми наемниками, могущие повлечь за собой поистине катастрофические последствия как для подрядчика, так и для верховного нанимателя - «господина войны». Если стиль общения с подчиненным оберстов второго поколения местами носил еще патриархальный характер, унаследованный от ополчения, - нередко они спасали

своих ландскнехтов от личных неприятностей (так, например, поступали Фрундсберг, фон Эмс и даже сам император Максимилиан I)³⁷⁴, помогали их вдовам, не старались завоевать военную славу и добиться коммерческого успеха ценной жизни своих солдат и, наконец, принимали самое активное личное участие в битвах (так, например, Освальд Фрагенштайнер в своей песне о битве при Бикокке, дважды упоминает о том, что Георг фон Фрундсберг «дрался как медведь»³⁷⁵), - еще делал возможными некоторое взаимопонимание и даже любовь кнехтов (особенно любимым был Фрундсберг, которому было посвящено наибольшее количество боевых песен: «Господин Георг фон Фрундсберг, господин Георг фон Фрундсберг, который выиграл битву...»³⁷⁶), то стиль общения оберстов третьего поколения был совсем иным. Граф Рейнхард цу Сольмс сформулировал это следующим образом: «О простых кнехтах... я не знаю ничего лучшего, как каждому господину себя от них, насколько ему возможно, оберегать, но, когда он неизбежно будет иметь сложности с ними, тогда он должен заплатить им хорошо, получив тем самым возможность использовать их после возмущения и, впоследствии, наказать зло нарушивших»³⁷⁷. Речь здесь идет о стратегии поведения в обострившихся конфликтах, причем, большинство военных теоретиков почти дословно повторяли эту рекомендацию цу Сольмса: в случае мятежа, необходимо было любыми путями найти средства для оплаты наемников или обеспечить им богатую добычу, например, взяв штурмом совершенно ненужный со стратегической точки зрения город (даже если он сдался добровольно), после чего их, умиротворенных, можно было опять использовать в войне, а также выявить и покарать зачинщиков бунта. Предводители всегда боялись задеть интересы рядовых, но объективные трудности с финансированием и, главное, жажда наживы любым путем обычно перевешивали страх.

Определенная опасность была всегда, но в период приблизительно с начала второй четверти по последнюю треть XVI в. занятие военным предпринимательством в полной мере уподобилось работе сапера. Оберстом ландскнехтов мог быть только очень смелый, решительный и жестокий человек, обладавший к тому же редкой изворотливостью и подлинно лисьей хитростью. Трабанты - телохранители, полагавшиеся по штатному расписанию всем высоко оплачиваемым

должностным лицам в войске³⁷⁸, имели своей основной задачей не защиту своего господина в сражении (тем более, что теперь он очень редко участвовал в нем лично), а защиту его от собственных солдат, о чем свидетельствует и особое, не предназначенное для «правильного» боя вооружение трабантов. Нередко, в качестве трабантов, единственных солдат, на которых военачальник, всячески их обхаживая, мог полагаться полностью, набирали ненавистных немецким военным швейцарцев, как правило, бывших единственными иностранцами в немецком наемном войске, а потому и не имевших никаких резонов для предательства.

В чем же были причины таких чрезвычайных мер безопасности? Особую опасность представляла значительная сплоченность, коллективизм рядовых наемников. Произволу военачальников противостояла не разобренная толпа, а организованная профессиональное объединение зольднеров. Еще на самом раннем этапе своего существования, ландскнехты, тогда еще милиционеры - земляки, осознавали себя единым сообществом. Так, в 1486 г., когда Максимилиан вместе со своим отцом, императором Фридрихом III, вступили в Брюссель, недовольные снабжением, предоставленным городом, ландскнехты самостоятельно, без участия предводителей, выстроились в боевой порядок и заняли ратушную площадь, продемонстрировав таким образом свой протест. На площади ими были обнаружены несколько телег, груженных винными бочками, которые городской Совет преподнес в дар императору, что, однако, не помешало кнехтам ими завладеть. Расположившись тут же лагерем, они затеяли кутеж, который закончился только тогда, когда была опустошена последняя бочка³⁷⁹.

Примечательным здесь является рано проявившаяся самостоятельность солдат, их способность к четким и организованным действиям. Очевидно, именно изначальная ополченческая, земляческая организация ландскнехтов, равно как и необходимость строгой дисциплины и сплоченности, определенная тактическими особенностями пехоты как рода войск, создали основу для дальнейшего развития корпорации и как профсоюза, членство в котором было всеобщим и обязательным. Подкреплялось существование этого объединения и длительным сохранением ландскнехтами права на низовое самоуправление. Сразу после принятия присяги, когда кнехты расходились по фенляйнам, хауптманы представляли им на-

значенных ими лейтенантов, фендриков и фельдвайбелей, но одновременно просили их самим выбрать себе так называемых простых вайбелей (die Gemeinweibeln) и роттмайстеров³⁸⁰ (низшие командные должности на уровне фенляйна). Роттмайстеры были командирами «роттэ» («die Rotte» -ватага, отряд), то есть десятков, в которые кнехты объединялись по собственному усмотрению.

Извечной мечтой ландскнехтов, частично осуществленной только в годы Крестьянской войны, была мечта о выборности всех должностей в регименте. Однако и то, чем они обладали, также как и швейцарцы³⁸¹, делало немецкое вольное подрядное наемничество одним из самых демократических типов военной организации в мировой истории.

Гемайнвайбели и роттмайстеры были своего рода функционерами профсоюза - «амиссатами», донося до командования мнение или требование зольднеров, обсужденное ими на общей сходке в так называемом «круге» (der Ring, der Umstand). Некоторое время в качестве амиссатов выступали и командиры (хауптманы, фендрики), находившиеся как бы в подвешенном положении между кнехтами и военачальниками, особенно если последние не были немцами.

Рядовые пристально следили за четкостью соблюдения договора нанимателем и подрядчиком, немедленно реагируя на акты произвола, ущемление давних обычаев и привилегий, задержку или неполноценную выплату заработной платы, ложные новые истолкования статейной грамоты и т.п. В случае серьезного нарушения контракта они считали его расторгнутым со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, осознавая свою силу, которой их военачальники нередко ничего не могли противопоставить, они стремились устанавливать собственные правила. Особенно опасным для предводителей, в этом плане, был момент общего сбора перед принятием присяги. Автор одного из первых военных трактатов рекомендовал приводить ландскнехтов к присяге мелкими группами «ибо, если они, не приняв присяги, соберутся в один большой отряд, вы их не заставите присягнуть на исполнение этой статейной грамоты, поскольку они предложат вам тот порядок, которым они сами хотят управляться и который им нравится, и вам придется подчиниться, и тогда уже сама ваша жизнь будет в опасности. Не имея возможности всегда держать кнехтов в повиновении силой, вы

должны иметь возможность предъявить им те законы, которые они сами поклялись соблюдать»³⁸².

Подобным же образом нередко пытались вообще сокращать численность отрядов, использовать наемников «фенляйнами и роттэ», чему последние, как правило, противились, вполне понимая намерения властей³⁸³. Запрещалось также, по возможности, проводить сходки без согласия оберста. Вообще, вся профсоюзная активность вне предписанная статейными грамотами и должностными обязанностями рамок, воспринималась властями как бунт, несмотря на то, что нарушение условий договора чаще всего исходило от них самих. Особенно много мошенничества и прочих нарушений со стороны начальства имелось в подразделениях, несущих гарнизонную службу. Завышались цены на продукты питания и вооружение, допускавшиеся здесь командирами и маркитантами, вопреки строгому запрету спекуляции и установления монопольных цен³⁸⁴.

В обычных условиях протест солдат выражался организовано, через амиссатов, но бывали и спонтанные массовые выступления, называемые в источниках - «die Zusammenlaufen», «du Zusammenrotten» или забастовки - отказ от ведения боевых действий вплоть до выполнения требований профсоюза. Забастовка, очевидно, как форма борьбы за свои интересы, была позаимствована у ремесленных подмастерьев, где она была общеупотребительна³⁸⁵. Характерной особенностью спонтанной забастовки была та легкость, с которой она могла перейти вооруженный мятеж, на этот раз - вполне настоящий. Таким образом пострадали и Георг Трухзес фон Вальдбург и Мориц Саксонский, едва не убитый при этом, и многие другие. Однако самый скандальный случай подобного рода произошел с самим императором Карлом V на рейхстаге 1547 г.

Ландскнехты, несколько месяцев не получавшие платы, подстегиваемые слухами о том, что один из крупных имперских чиновников [кстати - испанец, а испанцев в Германии при Карле V очень не жаловали], «проиграл» их деньги, полностью блокировали императорский дворец в Аугсбурге. Фитили на пищалях были зажжены. На вопрос императора, чего они хотят наемники ответили громкими криками: «Денег или крови!» («Entweder Geld oder Blut!»). И хотя Карл обещал выплатить им деньги на следующий день, они не разошлись до тех пор, пока по-

следний клятвенно не пообещал не наказывать их за это. Монарх, во владениях которого «никогда не заходило солнце» должен был унижаться перед солдатней и даже не смог покарать их по-королевски. Жалование было выплачено, но в войско были посланы шпионы, которые должны были выискать повод для нарушения императорского слова. Таким поводом послужило подслушанное высказывание приблизительно такого содержания: «Мы его хорошо проучили и дали ему по башке, разрази его Бог!». Только «за это» вожаки бунтовщиков были схвачены и повешены³⁸⁶.

Механику мятежа в его самой радикальной форме описал Й.Я.Валльхаузен: во-первых, солдаты выгоняли все начальство, повиноваться которому клялись; во-вторых, они избирали оберстов, хауптманов, фендриков и т.д. из своей среды; в-третьих, отряд наемников автоматически превращался в огромную шайку разбойников, грабивших и обкладывавших данью местное население, даже в том случае, если они находились на территории нанявшего их господина³⁸⁷.

«Несправедливые требования кнехтов», как уже отмечалось, не были обычным явлением и, особенно, это касалось выплаты «штурмового» жалования или жалования «за битву», производившихся первоначально только как экстраординарная мера для стимуляции боевого духа, но в сознании кнехтов, которые так же как и военачальники, стремились добиться максимальной выгоды, превратившихся в «обычай». Такие же проблемы нередко возникали и при разделе добычи или распределении выкупа военнопленных.

Характерным примером такого подхода является случай, произошедший во время Наваррского похода 1521 г. Войска, возглавляемые французским полководцем Баярдом, долгое время не могли взять город Пуэнте ля Рейна, и Баярд, намереваясь предпринять решающий штурм, предложил ландскнехтам роль передового штурмового отряда. Последние, со своей стороны, затребовали «штурмовое жалование», которое он и обязался выплатить, чтобы не терять время. Но немцы медлили с выступлением, и начало общего штурма задерживалось. Тогда Баярд в спешном порядке повел отряд французских «авантюрьеров» на приступ, после которого город был успешно захвачен. Тем не менее ландскнехты через своих амиссатов (трех хауптманов) потребовали выплаты обещанного. Баярд в

возмущении отказался, приказав передать их оберсту обвинение в трусости. Ярость немцев была такова, что Баярд, прикрываемый своими трабантами, должен был бежать из лагеря³⁸⁸. По понятиям кнехтов Баярд нарушил свое слово, в то время как их собственной вины в том, что «авантюрьеры» поспешнее бросились «вынимать каштаны из огня», не было.

В случае длительной задержки жалования зольднеры не желали более исполнять свои обязанности в полном объеме, хотя специальная статья договора запрещала это, и теряли всякое подобие дисциплины. Еще одной из издержек наемничества было стремление, по возможности, затянуть войну, продлив таким образом срок своей службы, либо не проявляя необходимой активности, либо уподобившись итальянским наемникам XIV - XV вв., даже вступая в сговор с солдатами противника, которые зачастую даже и не будучи немцами, имели ту же цель³⁸⁹. Впрочем, вышесказанное относилось не только к рядовым, но и, в значительной степени, к их командирам.

Профсоюз рядовых являлся своего рода корпорацией в корпорации, объединением рядовых в военном сообществе в широком смысле, включавшем всех наемных военных, в том числе и предводителей-подрядчиков. Между этими двумя категориями наблюдались особые отношения: с одной стороны, проблемы, касающиеся всего сообщества и не связанные с внутренними трениями, решались в полном согласии, а иногда даже, особенно в ранний период, на общем совещании по законам и принципам корпорации наемников; с другой же, существовало острое взаимное недоверие, как и в любой другой структуре, опирающейся на применение наемного труда.

Рассматривая динамику внутрикорпоративных отношений, необходимо особо отметить, что последствия столь желанного продления срока службы на практике оказались совсем не такими, как это представлялось кнехтам. Если в течение XVI в. контракт ограничивался сроком в три или четыре месяца³⁹⁰, то к концу столетия он вырос фактически до года, а в период Тридцатилетней войны - еще больше. Командиры, получившие возможность распоряжаться в течение относительно длительного срока, использовали эту возможность для наведения более строго порядка и внедрения муштры. Если вождей ландскнехтов конца XV - середины XVI вв. можно было считать лишь передовыми бойцами, то, в

XVI вв. можно было считать лишь передовыми бойцами, то, в дальнейшем, наблюдается их постепенное перерождение в офицеров, не только ведущих солдат в бой, но и занимающихся их обучением, то есть собственно создающих из гражданских лиц воинов. Под их контроль солдаты стали попадать и в мирное время, если можно так назвать те промежуточные периоды затишья, в течение которых (в период Тридцатилетней войны) распускать войско было опасно. Не случайно именно в начале XVII в. появляются первые пособия по обучению солдат владению оружием, и эта подготовка включается в качестве неотъемлемой части военно-теоретических трудов³⁹¹. С момента прекращения активного функционирования верхненемецкого ланддефенциона (1511г.) правильное обучение в наемных войсках не проводилось. Боевой опыт передавался от старших к младшим, от отцов - к детям.

Солдат, чье финансовое положение неуклонно ухудшалось, постепенно, иногда через долговую кабалу, попадал во все большую зависимость от военных властей, усугублявшуюся увеличением численности наемников, а, следовательно и, в условиях начавшегося перехода к постоянным армиям (с 90-х годов XVI в.), имевшим зачастую национальное ядро, обострением конкуренции даже между рядовыми наемниками, постепенно терял свои вольности и свой гонор. Корпорация рядовых как профессиональное объединение постепенно усмирялось, статейные грамоты как юридические документы дают наглядное представление об этом. Если в 20-х годах XVI в. служебный месяц имел продолжительность в 28 дней, то к середине столетия он был увеличен до 30 дней. Если в середине XVI в. задержка оплаты должна была быть погашена в течение 15 дней, то в Шпейерской грамоте 1570г. срок возможной задержки уже вообще не оговаривался. Более того, статейные грамоты все более детализировались, вводились новые обязанности рядовых, число статей с их перечислением увеличивалось, в то время, как число статей содержащих обязательства нанимателя оставалось прежним или даже сокращалось. Баланс двустороннего договора все явственнее смещался в сторону нанимателя и подрядчиков не только на бумаге, но и в реальности. Таким образом, первоначально чуть ли не равное соглашение превращалось в одностороннее обязательство наемных работников. Значительным моментом было и введение

более строгого контроля за его исполнением на практике, ранее нередко отсутствовавшего, особенно, если дело касалось незначительных проступков. Ситуация к началу семнадцатого столетия настолько серьезно изменилась в пользу военного командования, что, например, Й. Я. Вальхаузен в своей работе вообще не предусматривает возможности какого-либо неповиновения солдат связанных договором, исключая крайнего случая всеобщего мятежа. Любопытные результаты дает и анализ причин, способных вызвать подобное выступление. Если приблизительно до второй трети XVI в. поводом для бунта или забастовки могло послужить даже относительно незначительное нарушение контракта, а в отдельных случаях даже и подозрение о возможном ущемлении прав зольднеров, причем, их точка зрения на договор обычно не совпадала с точкой зрения нанимателя и военных властей, то впоследствии на подобный шаг солдат могли вынудить только действительно чрезвычайные обстоятельства (крайне продолжительная невыплата жалования, даже в идеальном варианте все чаще откладывавшаяся до завершения срока найма, полное отсутствие продовольствия, длительные военные неудачи и т.п.).

Но наиболее отчетливо изменения проявились в сфере военной юстиции. Вообще право на специфическое военное судопроизводство всегда рассматривалось наемниками в качестве своей особой привилегии, да так оно, собственно, и было. Долгое время в среде наемников практиковался военный суд, построенный на началах традиционного старогерманского состязательного процесса, открытый и достаточно демократичный по своей сущности. Леонхарт Фронспергер в своих многочисленных работах уделявший юстиции особое место, писал: «Государь и полководцы должны прилагать особое старание, чтобы повеления, статьи и судебные наказания составлялись набожными и разумными людьми, заключали в себе полезные, беспристрастно написанные законы, в которых не делались бы различия между сильными и слабыми, бедными и богатыми... Только мудрыми законами и правосудием можно господствовать над людскими пороками и насаждать в войсках верность и взаимное уважение между начальством и подчиненными»³⁹².

До некоторой степени это действительно было так. Статейная грамота, как военный кодекс, поддерживала удовлетворительный паритет в войсках в случае отсутствия грубых нарушений контракта. В таких условиях законы действительно уважались, по крайней мере, основные. В качестве основных мер пресечения в статейной грамоте фигурируют смертная казнь, телесные наказания и «забивание в железа», то есть временное ограничение свободы передвижения или заключение. Правда, в силу специфики походной жизни, эта мера применялась крайне редко. Наказание могло назначаться либо по приговору суда, либо по усмотрению оберста, который был лишен права приговаривать к смерти, накладывая только телесные наказания. Только существенным усилением реальной власти последнего и стремлением государства, осознавшего необходимость реорганизации наемничества, можно объяснить увеличение процента статей кодекса, наказание по которым было отдано на его единоличное рассмотрение в позднейших статейных грамотах, например, в статейной грамоте Максимилиана II (1570г.) Более того, в этот период суд, как таковой, в значительной степени независимый от воли военных властей и нанимателя, начал постепенно утрачивать свое значение. Постоянное, но безуспешное стремление найти более надежные и суровые средства поддержания порядка, нежели старая корпоративная привилегия, во времена Максимилиана II начинает осуществляться.

В XVI столетии немецкая военная юстиция была весьма необычной и в немалой степени характеризовала немецкое наемничество, самое вольное в тогдашней Европе. С одной стороны германское судопроизводство было шагом вперед в развитии военного права, с другой же не давало возможности привести войска в полное подчинение. Во Франции, например, вся юстиция сводилась к волонтаристским решениям прево (Prevost), который являлся и полицейским, и судьей, и палачом в одном лице.

Но наметившееся увеличение срока найма оказало значительное воздействие и в данной области, позволив расширить судебные полномочия оберста с одной стороны, с другой же - подорвав положение корпоративного суда (это выразилось, например, в значительном сокращении ассигнований на судебный аппарат - со 120 гульденов в середине XVI столетия до 60 в начале XVIIв. (без учета ин-

фляции)³⁹³), окончательного же порядка, когда «солдат боялся своего офицера больше, чем неприятеля» удалось достичь лишь при постоянном найме во второй половине XVII века. Демократический суд, не мог выполнять свои карательные функции в достаточной мере, он был скорее сословным судом равных, нежели прямым орудием оберста и нанимателя. Полу разбойничья демократия, с которой предприниматели от войны вынуждены были мириться, никак не могла удовлетворить государство, поставившее себе задачу превратить наемническую вольницу в собственный полноценный институт, прочную опору нового витка абсолютизма. Своеобразная экстерриториальность или иммунитет наемников, выражавшийся прежде всего в наличии относительно независимого ни от непосредственного начальства, ни от центральной власти судопроизводства, неминуемо должны были быть ликвидированы также как и краткосрочный найм и частное предпринимательство как основы, на которых строилось войско.

Кардинальные реформы в военном судопроизводстве были проведены даже раньше, чем преобразования организации армии вообще. В 1632 г. в имперских войсках судебный процесс был полностью реорганизован³⁹⁴. Независимость и демократичность его были уничтожены и заменены чертами, свойственными только инквизиционному процессу, к тому времени уже общеупотребительному. Место шульгейса - судебного старшины - занял аудитор, исчезли временные выборные судьи, гласность. Суд все более подпадал под непосредственную власть оберста, который, кстати, получил право карать смертной казнью и по собственному усмотрению³⁹⁵. Увеличивалась и жестокость наказаний³⁹⁶. Примером для Германии в этом плане послужила организация военной юстиции Нидерландов и Швеции, построенная на творчески преобразованном опыте самих немцев. Постоянный характер шведской и голландской армий, созданных на новых началах, закономерно обеспечивали значительно большую дисциплинированность, нежели условия вольного срочного подрядного наемничества, базовые как для протестантских, так и для католических немецких армий Тридцатилетней войны. На заведомо более благоприятной почве могло быть реально осуществлено более развитое и строгое право³⁹⁷. В качестве дополнения ко все еще действовавшей статейной грамоте Максимилиана II (1570г.) был привлечен голландский военный

распорядок, имевший юридическую силу вплоть до создания нового, более современного варианта статейной грамоты. Расширился и конкретизировался спектр наказаний, назначаемых в соответствии с типом преступления³⁹⁸. Одним словом, усиливавшееся государство постепенно прибирало к рукам корпоративную привилегию, конечно, пока опосредованно. Вольное наемничество все явственнее приближалось к стандартам государственного.

§ 4

Социальный аспект наемничества.

Рассматривая наемничество в социальном аспекте, попытаюсь проследить процесс правового оформления данного института, кажется необходимым еще раз обратить внимание на ряд вопросов ранее уже затронутых в данной работе. Прежде всего, следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что вольное наемничество в Германии так и не было официально разрешено. В то же время оно не просто существовало, но и постоянно наращивало свои масштабы, активно используя и центральной, и местными властями империи. Препятствия, воздвигаемые имперским законодательством для «отходничества» на протяжении всего исследуемого периода оставались всего лишь формальностью, не имевшей практического применения. Наемничество, как массовое явление объективной реальности, должно было в той или иной степени интегрироваться в систему традиционных общественных отношений, что было возможно прежде всего через интеграцию его социальной организации.

При определении сущности этой организации, ее места и статуса в немецком обществе особое значение приобретает анализ элементов ее юридического оформления, прежде всего наиболее важных, - корпоративных привилегий. Первой и основной среди них являлось право на автономное судопроизводство, осуществлявшееся по собственным законам.

Само по себе существование военного суда, исключавшего зольднеров на время найма из сферы действия гражданских судов, и права означало юридиче-

ское признание существования их как особой корпорации и в империи, и в других странах, поскольку собственный суд ландскнехты и рейтары сохраняли и на службе иноземных монархий, так же как и, например, шотландские гвардейцы во Франции XV - начале XVI вв. или швейцарские наемники в любой точке земного шара. Но в чем же заключалась собственно привилегированность данного порядка? Прусский историк права К. Фрициус справедливо считал, что система судопроизводства ландскнехтов была перенесена из крестьянской общины³⁹⁹. Становление основополагающих начал военной юстиции произошло еще в период реорганизации верхненемецкого ланддефенциона при Максимилиане I. Но получив в виде особой черты специфическое военное законодательство, она еще не приобрела, да и не могла в то время приобрести исключительного характера. Подлинное превращение юстиции в особую привилегию военного сообщества стало возможным благодаря реминисценции римского права, связанной с введением в 1532г. нового общеимперского уголовного кодекса - так называемой «Каролины»⁴⁰⁰.

Будучи строго военным кодексом, статейные грамоты охватывали, как правило, только узкий круг чисто военных преступлений, в то время, как прочие стали с этого времени караться по общеимперскому уголовному кодексу, так же как и в швейцарских наемных войсках⁴⁰¹. Однако перехода к системе инквизиционного судопроизводства, предполагавшегося Каролиной, при которой основным элементом становилось тайное и письменное следствие, а собственно судебное разбирательство приобретало номинальный характер, при которой обязательным атрибутом правосудия становилась пытка, объявленная универсальным способом достижения истины, в войсках не произошло. Наемникам, не без борьбы, удалось отстоять военное судопроизводство в традициях старогерманского обвинительного (состязательного) процесса - гласного и устного, с обязательным привлечением присяжных временных судей. К 40 - 50-м годам XVI в. подобная форма судебного процесса сохранилась почти исключительно в наемных войсках, поскольку практически во всех немецких княжествах была вытеснена инквизиционной⁴⁰², более выгодной для стремящейся к абсолютизации государственной власти.

Именно таким образом, добившись сохранения старых традиций, военная юстиция и приобрела по настоящему привилегированный характер.

В пехоте в состав суда входили: во-первых - судебный старшина (*der Schultheiss, Justiz Amptman*), исполнявший обязанности председателя. Он должен был быть «скромным, честным, знающим законы человеком, а равно и испытанной храбрости воином...»⁴⁰³; во-вторых - судебный писарь (*der Gerichtschreiber*) и пристав (*der Gerichtweibel*), фиксировавшие прения и следившие за порядком; в-третьих - 12 постоянных и 12 временных судей; в-четвертых - профос, бывший верховной полицейской властью и руководителем «контрразведки» в регименте, исполнявший в суде роль истца по уголовным и военным преступлениям, а также следивший за исполнением приговора, с собственным штатом: капелланом, трабантами, палачом и палочных дел мастером с подручными. Как правило, должность профоса, чьи весьма щекотливые функции, в условиях наемного войска, были еще и очень опасными, замещалась, по выбору оберста, самым старшим и опытным из действующих хауптманов, имевшим, по возможности, непререкаемый авторитет среди солдат. Не случайно служба и должность профоса не считались бесчестными, в отличие от должностей (помимо капеллана) ему подчиненных.

Получая от оберста судебный жезл (*Regiment*), шультгейс должен был поклясться судить всех по божественным и человеческим законам без различия значимости человека, что лишний раз подчеркивало бессословность внутрикорпоративных отношений. Постоянные судьи также назначались оберстом, но по представлению старшины. Они также должны были присягать. Писарь, назначаемый самим старшиной, должен был давать подписку на верность оберсту. Поскольку в суде разбирались как уголовные, так и гражданские дела, для разборки первых, как более важных, назначались еще 12 временных судей; из них 3 командира, 3 фендрика, 3 фельдвайбеля, 3 роттмайстера. Состав суда обновлялся при рассмотрении каждого нового дела, потому временные судьи выдвигались всеми фенляйнами поочередно. Характерно, что соблюдалась определенное представительство, обычное для корпорации при разрешении спорных вопросов, так или иначе затрагивавших все сообщество. Рядовые были представлены своими выборными

старшинами - обычными посредниками между ними и высшей военной властью, в целях соблюдения шаткого внутреннего равновесия, нарушение которого в пользу любой из сторон могло привести к бунту или установлению совершенно неприемлемого для командования режима управления.

Как и в гражданском состязательном процессе, ответчик имел право на защитника (докладчика - *Furschprecher*) с двумя советниками. То же право имел и формальный истец - профос. По существу прения в суде проходили между докладчиками. Стандартный судебный процесс был рассчитан на три дня, в первый из которых излагались обстоятельства дела, а в последний - выносился приговор, зачитываемый публично. После этого осужденный передавался в руки профоса, который, в свою очередь, передавал его полевому капеллану для исповеди, а затем палачу. Приговор приводился в исполнение в центре круга, образованного ландскнехтами. Каролина предоставляла весьма широкий выбор видов смертной казни, однако, из полевой практики были исключены, в виде особой привилегии, самые жестокие: сожжение, утопление, зарытие заживо, посажение на кол. Реально употреблялись так называемая обычная экзекуция в виде усечения головы и повешения, а также квалифицированная - в виде четвертования и колесования.

Другой формой суда, еще в большей степени демонстрировавшей особый статус военного сообщества, в XVI веке был так называемый суд по «праву длинных копий» («*Recht der langen Spiessen*»). Это была своеобразная форма суда товарищей по оружию, характерная только для корпорации наемников. Суд копьей велся скорее обычного суда - за один день. Профос собирал полк в круг, докладчик зачитывал свидетельские показания. В центре окружности устанавливались знамена и знаменосец (фендрик той роты, в которой числился подсудимый) называл преступление, запятнавшее честь знамени. Затем, по вызову фельдвайбеля выходил один из ландскнехтов и требовал избрания сорока благородных и неблагородных, с которыми совещался, после чего объявлялся приговор. Такая процедура повторялась еще дважды, причем последний приговор считался окончательным. Он объявлялся тут же под звуки труб. Для исполнения приговора ландскнехты строились в две шеренги, между которыми приговоренный проходил трижды, прощаясь и прося прощения. Затем, под звуки труб, фендрики со знач-

ками становились на одном конце строя; преступник, закованный в цепи, заводился с другого конца, лицом к солнцу, вероятно, чтобы не видеть лиц своих товарищей, которые должны были заколоть его. По исполнении приговора ландскнехты становились на колени и молились за покойного, потом три раза проходили мимо трупа, отдавая ему последний долг, стрелки же производили три залпа в воздух. После этого профос снова выходил в круг, благодарил солдат за выполнение их долга, делая поучительные наставления на будущее и призывая к верности корпорации⁴⁰⁴. Суд копья собирался в чрезвычайных, необычных случаях, для осуждения преступлений, порочивших честь всей корпорации. Поэтому оберст полностью самоустраивался из процесса.

В имперской коннице также существовал особый суд, сохранивший многое от рыцарского суда, суда сословного. Франспергер в своем труде "Об императорском военном праве..." неоднократно упоминал о нем, однако, описания самого процесса не имеется. «Bestellung des Felds - und Reuter Rechtens». («Устав полевого и рейтарского права»), принятый при Максимилиане II (1570г.), имеется в книге В. Дилиха.⁴⁰⁵ Кавалерийский суд был привилегированным судом равных, что оговаривается в XL статье его регламента: «В коннице суд вершится на правах равенства и братства благородных рыцарей, которые дали клятву служить Священной Римской империи...». В пунктах статейной грамоты для кавалерии (Der Keyserlichen Mayestat und des H.Reiche Reuter bestaltung. - 111 статей)⁴⁰⁶ повторяются статьи для пехоты, однако, специально оговариваются такие моменты, как вежливое, скромное обращение командиров с рядовыми (XXXI статья).

Кавалерийский суд, в отличие от суда ландскнехтов, не был гласным в силу своего особого положения; вмешательство официального представителя права (шультгейса) не допускалось. Главой суда был военачальник, а не судья, - фельдмаршал. В ходе судебного процесса фигурировали такие символы благородного происхождения его участников, как обнаженные мечи. Судьи по пятой и шестой статьям не должны были присягать, как в пехоте. Для дворян, служивших в соответствии со своим происхождением, достаточно было простого честного слова. Приговор сохранялся в тайне. В остальном же и состав суда и ход процесса были идентичными пехотному суду, кроме того, что в отличие от последнего, приговор

дворянского суда мог быть смягчен полководцем в случае, если фельдмаршал - глава конницы попросит его об этом. То есть приговор мог быть обжалован, что было еще одной привилегией рейтарского суда.

Еще раз обратим внимание на тот факт, что уже в первой статье статейной грамоты для пехоты все воины объявляются равными перед лицом императора без различия происхождения и наличия богатства⁴⁰⁷: черта, казалось бы, абсолютно чуждая феодализму, где даже малейшие нюансы статуса значили порой очень и очень много. В среде же наемников происходило очевидное сглаживание сословных границ, даже не смотря на то, что дворяне выделялись двойным жалованием. Вступая в корпорацию наемников, человек, формально терял свой прежний статус, приобретая в то же время новый единый статус военного. Интересно, что в коннице, не только тяжелой - почти исключительно дворянской, но и легкой, имевшей смешанный кадровый состав, равным образом устанавливается единый статус, но здесь шел обратный процесс. Если пехотинец - дворянин, не имея финансовой возможности служить подобающим его положению образом в конном строю (Zu Roß) как бы несколько понижал, по крайней мере в собственных глазах, и только на время найма, свой личный статус, судясь одним судом с выходцами из простонародья, то простолюдин, попавший в кавалерию, наоборот его повышал, приравниваясь, хотя бы перед законом, к благородному.

Второй важной привилегией наемников было их право кормиться за счет гражданского населения не только в период найма, но и вне него. Правда в последнем случае ландскнехт, обычно, вынужден был официально довольствоваться только тем, что ему давали добровольно, то есть - очень немногим, однако, формально это не делало его привилегию менее значимой. В ходе процесса профессионализации наемничества, число полупрофессионалов, возвращавшихся после похода к мирным занятиям, быстро сокращалось, пока в 30-х годах XVI в. не было практически сведено на нет. Немногие из вынужденных бродяжничать зольднеров могли найти себе место в гарнизонах городов или разбойничьих шайках рыцарей⁴⁰⁸. Большинство же скиталось по Германии в сопровождении своих жен и детей, живя за счет собранного с местного населения, иногда выступая также в качестве певцов или даже циркачей⁴⁰⁹. Один из таких бродячих певцов, Ханс

Герн, в своей песне о «Богемской битве» при Регенсбурге (1504г.) замечал: «Он часто поет, бродя по земле взад и вперед, поскольку никаких денег не может получить»⁴¹⁰.

Однако со временем, в связи со значительным усилением противодействия общества, реализовывать данную привилегию становилось все труднее. Поэтому в обычную практику безработных кнехтов все больше начали входить вымогательство, воровство, а иногда, правда, судя по всему довольно редко, - и разбой. Пока ландскнехт отвлекал разговором хозяина, его слуги (чаще всего - дети - «die Vuben») воровали все, что только могли утащить. Особенную ловкость, по словам Й.Я.Валльхаузена, они проявляли при краже кур, уток и гусей. Постепенно ландскнехты вне найма, стали все чаще объединяться в настоящие воровские шайки, выработав даже специфический жаргон - так называемый «Rotwelsch», отдельные примеры употребления которого можно встретить уже в ландскнехтских песнях 20-х годов XVI в. Валльхаузен приводил пример ротвельша: «Курицу они быком называют. Утя, немецким государем. А гуся, копченою селдию. А поимати говорят распросити. Копченую сельдь распросити, то гуся поимати... А потом чем курицы ловят, называют регементом»⁴¹¹.

Анализ вышеизложенного, а также динамики реакции властей на присутствие «die Gardenbrüder» («братьев, ожидающих найма») позволяет судить об истинном происхождении, характере и судьбе исследуемой корпоративной привилегии. Еще в 1518г. император Максимилиан I в своем послании уведомлял местные власти о кнехтах, бродящих, «обременяя бедный люд», по стране. Он писал, что слухи о том, что он лично дал по окончании войны (Венецианской) приказ кормить отпущенных по домам кнехтов - ложны, что он велел им возвращаться к мирным занятиям, а учитывая, что среди этих кнехтов было много тех, кто, вопреки запрету, служил королю Франции, рекомендовал высылать их за пределы земель, а при повторном появлении - наказывать⁴¹².

Послание Максимилиана, с одной стороны, демонстрирует явный рост актуальности проблемы бродячих наемников, связанный со все большей профессионализацией военного ремесла, превращением наемников - полупрофессионалов в профессионалов; с другой, - факт присвоения военным сообществом права на со-

держание в мирное время, отнюдь не дарованное свыше, как утверждалось, но навязанное силой или обманом и ставшее со временем прочной традицией, мириться с которой в той или иной степени общество было вынуждено. Вообще именно таким образом и были сформированы все привилегии корпорации (вспомним т.н. «обычай», связанные с внеочередной выплатой жалования и т.п.). Механика этого процесса была очень простой: на базе отдельных прецедентов, порожденных либо попустительством властей, либо желанием угодить зольднерам, если ощущалась острая необходимость в их усердии, военным сообществом создавалась традиция, а традиция, в свою очередь, в условиях ощутимого давления со стороны наемников, с которыми никто в тогдашней Германии не рисковал открыто конфликтовать, в соответствии с еще не полностью отмершими нормами обычного права, приобретала силу закона, в отдельных случаях даже писаного. Но более распространенным вариантом стало простое оправдание тех или иных действий ссылкой на действительную или вымышленную «привилегию», как правило, «дарованную императором Максимилианом». «Вера» или «неверие» местных властей в наличие таковой в каждом конкретном случае зависела от многих нюансов, главным из которых оставалось наличие или отсутствие рычагов силового воздействия на военных, каковых долгое время практически не имелось, что позволяло наемникам чувствовать себя господами положения.

Постепенно, впрочем, города и князья начали предпринимать отдельные меры по борьбе с безработными солдатами, стали создаваться специальные отряды всадников, предназначенные для охоты на них, но пока еще незначительные. Так, например, такой богатый и могущественный город, как Нюрнберг, имел только 30 всадников⁴¹³. В 1546г. была уже заключена конвенция между четырнадцатью немецкими городами и князьями (с участием короля Дании) с целью комплексного воздействия на зольднеров вне найма⁴¹⁴, и эта конвенция не была единственной. В 1555г., в условиях внесения в политическую систему империи некоторой определенности, была предпринята попытка принять согласованные меры для решения данной проблемы на общеимперском уровне, зафиксированная в «Reichsexecutionsordnung»⁴¹⁵. Постепенно увеличивалась и жестокость наказаний. Так, Р.Бауманн на примере герцогства Баварского показывает, как выдворение из

страны и запрещение более чем трехдневного поста сменились вначале на полное запрещение поста, заключение в тюрьму и порку, а затем, при герцогах Альбрехте V (1570г.) и Максимилиане I Баварских (1608г.) и вовсе на драконовские меры - объявление вне закона с незамедлительным повешением в случае поимки⁴¹⁶.

Однако все эти мероприятия, причем, не только инициированные центральной властью и имевшие скорее декларативный характер, но и вполне реальные, с разной степенью настойчивости проводимые на местном уровне, не могли решить проблему в целом. Уходя от преследования, зольднеры легко перемещались из одного микроскопического владения в другое, а те, в свою очередь, чрезмерно цenia свои иммунитетные права, не допускали преследователей на свою территорию, поскольку не слишком дорожили соглашениями с соседями. Наряду с общей слабостью административных структур, серьезным препятствием оказалось и длительное скрытое противодействие отдельных представителей местного населения, либо боявшихся ландскнехтов больше собственных властей, либо, как, например, некоторые трактирщики, скупавших краденое и т.п. Хотя со временем разгул наемников и довел крестьянство до вооруженного сопротивления, все же, окончательно справиться с издержками краткосрочного наемничества удалось, только перейдя к системе постоянных армий.

Последняя привилегия ландскнехтов заключалась в том, что в то время, как все без исключения сословные группы были вынуждены следовать распорядкам об одежде, предписанным на рейхстаге 1530 г., и подтвержденным и дополненным на рейхстаге 1548 г., военные специальной статьей фактически освобождались от всяких ограничений: «наемный военный или хауптман, когда он находится в походе и может предъявить паспорт или документ, подтверждающий это, может одеваться как ему удобнее»⁴¹⁷. Характерно, что при этом главная цель регламента состояла в том, чтобы «каждое сословие имело свое отличие», и принимался он в связи с возникновением опасности стирания всяких внешних различий, для укрепления пошатнувшейся сословной системы в целом. Механизм возникновения данной привилегии несколько не отличался от вышеописанного. Крайне специфическая военная мода, абсолютно выходящая за общепринятые рамки зароди-

лась еще при императоре Максимилиане I, который, покровительственно относясь к своим воинам, проявил снисходительность по отношению к их причуде, не предприняв никаких мер по ее искоренению. Впоследствии же, при разработке регламентов об одежде, властям уже не оставалось ничего другого, как закрепить сложившееся положение законодательно, тем самым подчеркнув особое положение зольднеров по отношению ко всем прочим категориям населения империи.

Действительно, положение корпорации наемников было особым, но эта «особость» не была конкретизирована. С одной стороны, она могла трактоваться как привилегированность, с другой же, в частности, по постановлению регламентов, как некая исключенность из системы традиционных общественных отношений. Именно это странное сочетание и является ключевым для понимания подлинной сущности социальной организации наемников, для определения ее места и статуса. Массовое наемничество было новым явлением для Германии к XV - первой трети XVI вв. Новым стало и появления такого рода войск как пехота. Выходцам из дворянства, служившим в наемной коннице и даже в пехоте, в целом было относительно легко справиться с радикальными переменами этого времени. В конце концов, благородный всегда оставался благородным, тем более, если он являлся профессиональным военным, выходцам же из простолюдин, составлявшим большинство «новых военных», было значительно трудней. Теряя статус простолюдина и становясь воинами, они, тем не менее, не приобретали статуса благородного, более того, они вообще не приобретали никакого статуса. Милиционная сущность войск, реорганизованных Максимилианом, естественно, не предусматривала такового. Горожанин или крестьянин, призванный на военную службу, оставался и на ней, и по возвращении домой тем же горожанином или крестьянином. Профессиональный же наемник-неблагородный уже не был ни тем, ни другим. Поэтому возникла острая необходимость в самоидентификации, новом общественном статусе. Безусловно, подобные проблемы не могли не возникать и у кнехтов на первом этапе развития наемничества, но в связи с локальностью данного явления в тот период, а также и с отсутствием нужды в постоянном поиске нового господина, они не были так актуальны. Единственным выходом для зольднеров оставалась попытка конституирования сложившегося сообщества в

новое военное сословие, попытка интеграции в традиционную систему общественных отношений, диктовавших именно такую форму социальной организации. А поскольку изначально никаких условий для этого не имелось, и, главное, власти, естественно, сознательно и добровольно никоим образом не содействовали этому процессу, так как вольное наемничество было противно самому духу государственной власти, ландскнехтам приходилось самостоятельно изобретать и внедрять те основы, на которых могла быть построена новая социальная группа, как правило, навязывая их государству и обществу силой.

Однако не смотря на то, что само существование корпорации наемников, трактовавшейся как «военное сословие», ни в коей мере не отвергалось современниками, поскольку иначе воспринимать ее в условиях сословного общества было просто невозможно, она так и не стала таковым в строгом смысле. Хотя дети солдат в большинстве случаев и становились солдатами же, один из основных принципов светского сословия - наследственность статуса, - не был реализован. Стать наемником мог любой, корпорация всегда оставалась абсолютно открытой для приема новых членов. Юридическое оформление этой специфической социопрофессиональной группы оставалось фрагментарным, да и сама она была слишком чужеродна и субъективно неприятна для государственной власти, несмотря на вынужденное формальное признание и даже отчасти законодательное утверждение ее «привилегий», для того чтобы органично влиться в существовавшую систему. Единственными опорами ее шатких привилегий были страх, который она повсеместно вызывала, и незаменимость, на том этапе, ее услуг, но, как только это становилось возможным, корпорации наемников, а, вернее, отдельным ее членам, оказывалось активное противодействие. Государство и общество так и не смирились с ее существованием в том виде, в каком она была сформирована согласно потребностям своих членов.

Камнем преткновения оказалось противоречие между формальным и реальным положением наемных военных. Появление массового наемничества стало серьезным и неожиданным ударом по системе социальной идентификации, но и в этих условиях наемник-полупрофессионал все же еще не был совершенно исключен из сферы общественных отношений, возвращаясь по истечении срока найма в

рамки традиционной системы, то есть снова становясь подданным или гражданином. Справиться с подобным положением властям удалось, о чем недвусмысленно свидетельствуют законодательные акты, в той или иной степени относящиеся к наемникам и, например, сама система вербовки, предусматривавшая письменную фиксацию места проживания и происхождения зольднера. В корне ситуацию изменила прогрессирующая профессионализация военного дела. Наемник-профессионал утрачивал всякую связь с обществом, а вне найма - и с государством, становясь абсолютно независимым. К такому обороту государственные власти оказались абсолютно не готовы и, не имея прецедентов, продолжали расценивать совершенно новую категорию населения по прежним, рассчитанным на полупрофессионалов или даже оплачиваемых ополченцев формальным основаниям. С 40-х гг. XVI в. взаимоотношения зольднеров с властями на практике стали строиться на основе специальных законодательных актов, которые, оставляя вопрос о статусе наемников открытым, относили последних в разряд нежелательных лиц. Только к концу столетия появились возможности для внесения некоторой определенности, и, поскольку к этому времени уже для всех стало очевидным, что, как бы это ни было желательно, но кнехты, покинувшие дома, не вернутся в них никогда, находящиеся вне сферы действия военного права наемники, во многом утратившие былую сплоченность, были, правда, отнюдь не повсеместно, объявлены вне закона. Именно разрыв между формальным и реальным, желаемым и действительным определил особое положение корпорации наемников, ее псевдосоциальность. Поэтому для определения характера немецкого военного сообщества, окончательно сложившегося к концу первой трети XVI в., кажется уместным введение термина **квазисословие**. Приобретая самостоятельность, завершив самоконституирование, социальная организация профессионального вольного наемничества, тем не менее, в немалой степени в силу кристаллизации, сопровождавшей этот процесс, немецкого типа наемничества как такового, утратила все основания для превращения из квазисословия в настоящее сословие, полноценный компонент общественной структуры.

Естественным разрешением перманентного скрытого конфликта с государством и обществом должна была стать и стала, как только корпорация наемников

начала утрачивать прежнюю мощь, постепенная ликвидация или подчинение всех особых привилегий, равно как и самого нового квазисословия. Военное судопроизводство было полностью подчинено государственной власти, в лице военного командования, все более становившегося ее составной частью, то же произошло и с системой расквартирования, из узаконенного традицией произвола военных превращенной, в связи с введением постоянных армий, в одну из форм государственного налогообложения. Особая привилегия, дающая свободу выбора стиля и стоимости костюма, перестала быть актуальной, в связи с потерей актуальности самими распорядками об одежде.

Следует подчеркнуть, что все вышеизложенное относится, главным образом к корпорации наемников в узком смысле, то есть - к корпорации рядовых. Для предводителей наемников проблема социальной идентификации никогда не была актуальной. Они действительно принадлежали к военному квазисословию, но только отчасти.

Немецкая историография, нередко, с целью продемонстрировать высокий уровень общественного признания наемничества, отмечает, что дворяне и патриции считали естественным и полезным участие своих сыновей в одном - двух походах, и что опыт подобной службы не только не считался негативным, но и оказывал значительное влияние на успех дальнейшей карьеры⁴¹⁸. Однако, при всей несомненности этого факта, делается одна, но очень существенная, ошибка - полностью игнорируется то обстоятельство, что «естественной» для сына обеспеченных родителей считалась только служба в командном звене, или, хотя бы, на должностях, дающих возможность для дальнейшего продвижения (фендрих, трабант и т.п.). Р. Бауманн, например, вообще не разводит представителей военных властей и рядовых наемников, ни в плане самопредставления, ни в плане общественного положения, ни, тем более, в плане социального статуса⁴¹⁹. Корпорация наемников представляется в качестве единого, однородного образования, но это было далеко не так. Вожди ландскнехтов, часто фактически состоявшие на постоянном, в отличие от рядовых, жаловании, считали себя и признавались обществом частью правящей верхушки; простые же кригскнехты, не имели иного статуса, кроме шаткого статуса «нового военного». Именно они были действительны-

ми членами и творцами квазисословия наемников, и именно им пришлось разделить его печальную судьбу.

Опыт же предводителей наемников, действительно, ценился очень высоко. Способности людей, успешно прошедших эту непростую школу, практически к любой военной или невоенной работе в то время признавались повсеместно. Примером может послужить судьба нюрнбержца Ханса Ритера фон Корнбурга, который в 1560г. поступил на службу родного города, имея позади двадцать лет ландскнехтского стажа на имперской, английской и испанской службе. Он стал членом городского совета, военного совета и цойгмайстером имперского города, а, в конце концов, оберстер кригсхауптманом (*der Oberster Kriegshauptmann*), то есть, фактически, военным министром города-республики. При этом Ритер оставался католиком, и потому его высокое положение в лютеранском Нюрнберге ярко свидетельствовало о высокой степени уважения к его прошлому. Своего сына он также отправил на военную службу, сопроводив, разумеется, рекомендательными письмами к своим старым боевым товарищам, которых просил о протекции.⁴²⁰ Другим примером являлся Каспар Винцерер, оберст в войсках Максимилиана I. Его опыт привлек внимание баварского двора, который впоследствии использовал услуги Винцерера в самых деликатных дипломатических миссиях⁴²¹.

С сообществом рядовых дело обстояло сложнее. Фрагментарность и недостаточная определенность юридического оформления статуса корпорации наемников и ее членов, особенно в пехоте, не имевшей, как, например, конница, давних традиций, псевдосоциальный характер военного сообщества в целом ставили реальный уровень статуса воина, а значит и всей корпорации, с точки зрения права, особенно с тридцатых годов шестнадцатого века, довольно высокий, в прямую зависимость от такого субъективного фактора как престиж военного ремесла в глазах общества. Детальное рассмотрение данного обстоятельства будет сделано в следующей главе данной работы, здесь же необходимо отметить, что, вступая в ряды наемников, неофит, формально, а вплоть до последней четверти XVI в. и реально, ничего не терял в социальном плане. Дворянин всегда оставался дворянином, а выходец из престолярства повышал свой статус даже в пехоте, не говоря уже об элитарной коннице. Процесс перевода наемников на положение лиц вне

закона, как уже отмечалось, был длительным и далеко не охватывал всех имперских земель. Некоторое выпадение из стандартных рамок средневековой социальной структуры не дает достаточных оснований для причисления зольднеров к числу деклассированных элементов, что, к сожалению, нередко делается авторами трудов общего характера. Псевдосоциальность корпорации отнюдь не означала ее совершенной асоциальности, по крайней мере, вплоть до последней четверти XVI в., когда, действительно, наметились некоторые тенденции к криминализации и маргинализации военного сообщества, сопровождавшееся активизацией ответной политики властей, впрочем, при формальном сохранении и в этот период его прежнего статуса.

Специфичность института наемничества и той обособленной социопрофессиональной группы, которой являлась корпорация наемников, создало определенные трудности понимания того, что люди, вытесненные кризисом переходного периода из традиционных социальных ниш, и, действительно, ставшие маргиналами, вступив в военное сообщество, попадали в совершенно новое, особое, но от этого не менее реальное социально-правовое поле, с началом очередной войны вновь и вновь обретавшее связь с государственным, становились полноправными членами военного квазисословия, при всей неоднозначности своего статуса, занимавшего вполне определенное место в социуме, будучи на данном историческом этапе основой его военной организации, что, безусловно, само по себе исключало приписываемую наемникам асоциальность.

Тридцатые годы XVI в. являются важным рубежом, своего рода точкой перелома в процессе развития массового срочного вольного подрядного профессионального наемничества. Именно к этому моменту завершается процесс становления немецкого наемничества как типа; завершается процесс профессионализации военного ремесла, достигает максимальной отметки популярность ландскнехтов, служба на жаловании иностранных держав становится обыденным явлением; ранее аморфное, гетерогенное военное сообщество конституируется в особое квазисословие; появляется новое поколение военных предводителей, настоящих коммерсантов от войны, свободных, как и само наемничество в целом, от любых

идейных предрассудков, происходит окончательный разрыв между понятиями военная корпорация вообще и корпорация рядовых, при установлении в отношениях между последней и военными властями относительного паритета, обеспеченного условиями двустороннего договора. В связи с этим можно достаточно определенно выделить два основных этапа в истории немецкого наемничества к. XV - сер. XVII вв.: первый - с последней четверти XV по первую треть XVI вв. включительно, - период становления данного типа как такового, и второй - с первой трети XVI по середину XVII вв. - период развития наемничества в рамках, заданных основными типовыми характеристиками. На этом этапе наемничество начинает оказывать еще более существенное, нежели прежде, стимулирующее воздействие на процессы государственного и общественного развития, зачастую косвенное, но от этого не менее значимое. Внутритиповые изменения немецкого наемничества (связанные в первую очередь со все большим подчинением военного сообщества государством, обусловленным как увеличением реальной продолжительности найма и усилением интенсивности давления со стороны властей, так и ослаблением, в силу растущего спада спроса и увеличения предложения на европейском рынке наемников, а, следовательно, усиления внутренней конкуренции и сокращения доходности, корпорации и в качестве профессионального объединения рядовых, и в качестве квазисословной группы), несколько ускорившиеся в к. XVI в., приводят к постепенному приближению срочного вольного наемничества к стандартам бессрочного государственного. Таким образом, преобразования в военной области, сделавшие, наконец, армию подлинным и основным институтом государства, а солдата полноценным членом общества, будучи прямым следствием кардинальных изменений в социально-политической сфере, в то же время были подготовлены и естественным ходом саморазвития наемничества как господствующей в к. XV - к. XVIII вв. формы военной организации.

ГЛАВА III

Корпорация наемников в средневековом социуме: корпоративное и общественное сознание.

Объектом исследования данной главы, прежде всего, является групповое сознание членов корпорации наемников, их самовосприятие, мировоззрение, идеология, определенные во многом не только спецификой их ремесла, но и уникальными типовыми особенностями немецкого наемничества к.ХV -сер.ХVII вв. Изучение этого предмета дает представление о ментальности наемника, позволяет представить собственно лицо военного сообщества, формирующееся под непосредственным воздействием корпоративного сознания, лучше оценить степень устойчивости корпорации, понять внутренние механизмы ее развития.

Однако немаловажно иметь представление не только о самовосприятии военных-профессионалов, но и о восприятии наемников и наемничества их современниками, поскольку это соотнесение дает дополнительные возможности для установления места корпорации в структуре социума, исследования динамики действительного статуса ее членов, во многом определявшейся этим субъективным и изменчивым фактором. Групповое сознание, находясь в тесном взаимодействии с сознанием общественным, под его давлением изменялось и само, и в определенной степени деформируя основные устои социо-профессиональной группы, способствовало их качественному преобразению.

§ 1

Немецкий военный. Грани ментальности.

Каждый наемник, как в собственных глазах, так и в глазах общества, прежде всего, являлся членом мощной, многочисленной корпорации, вне которой он не мыслил себя сам, и вне которой он не рассматривался социумом. Яркий и наглядный пример проявления корпоративного духа дает анализ знаменитых боевых историко-героических песен ландскнехтов⁴²². Ни одна из них не содержит упоминания о частных заслугах отдельно взятых личностей (сравним с героическим ры-

царским эпосом предыдущего периода, например, с «Песней о Роланде» и т.п.). Речь всегда идет об анонимной массе воинов, бившихся там-то и свершивших то-то. Слава обезличивается, становится достоянием всего отряда, а, в конечном итоге, всей корпорации. Исключением не является и иногда встречающиеся панегирики наиболее почитаемым и прославленным предводителям, прежде всего, Георгу фон Фрундсбергу, человеку поистине легендарному, поскольку военачальник (по крайней мере, в песнях) всегда понимался скорее как «первый ландскнехт», символ всего сообщества, заслуги которого в равной степени принадлежали каждому, нежели как конкретный индивидуум. После того, как вожди ландскнехтов (третьего поколения) перестают восприниматься как члены или, вернее, «отцы» корпорации, их имена исчезают из военного фольклора.

Появление корпоративного самосознания традиционно связывается либо с проявлением общинных начал, привнесенных в наемные войска недавними селянами - земляками, либо с аналогичным заимствованием цеховых начал городского ремесла. Безусловно, новая структура в строго корпорированном обществе не могла не принять корпоративной же формы. Корпорация, квазисословие наемников, переняла и многие другие черты, присущие традиционным социальным группам феодального общества, и, в этом смысле, свое воздействие оказали оба основных источника кадров, однако, значительно большую роль в формировании специфического корпоративного духа сыграл скорее тактический фактор. Концептуальный переворот в военном деле, сделавший войны широкомасштабными, а военное ремесло массовым, потребовал введения жестко организованных тактических единиц как в пехоте, так и в коннице. С последней трети XV в. ведение войны впервые за несколько сотен лет вновь стало по настоящему коллективным делом. Отдельно взятый кригскнехт или рейтар, в отличие от рыцаря, не являлся самостоятельной боевой единицей и в одиночку, в силу куда более слабой индивидуальной подготовленности, стоил немногого, в то время как вкупе с товарищами, в боевом построении или на общем сходе, мог вполне успешно противостоять нажиму как внешнего, официального противника, так и внутреннего, то есть военных властей, борьба с которыми требовала не меньшей сплоченности.

В подобных условиях наемники закономерно должны были осознать себя единым сообществом с собственными правилами, обычаями и нормами поведения. Начала корпоративности можно было наблюдать и у наемников других национальностей, однако, в данном случае существенное влияние оказало еще одно, уникальное, обстоятельство - наличие в области группового сознания отчасти планомерно разработанной, отчасти самостоятельно развившейся **идеологии**. В ее основе первоначально лежали четыре основополагающих принципа. Максимилиан I, создавая новое военное сообщество, пытался найти в нем прочную опору и во внешней, и во внутренней политике. Поэтому первым пунктом идеологии ландскнехтов стала *преданность империи и императору*. Вторым, поскольку новое войско нужно было сделать привлекательным для самых широких слоев населения, в том числе и для дворянства, с понятным пренебрежением относившегося к службе в пехоте, стала *идея «рыцарственности»* и этого рода войск. Третьим основным принципом явилась *идея воинского братства*, необходимого для обеспечения единства разнородного контингента. Четвертым - *декларация «благочестивости» ландскнехтов*, которая должна была обозначить религиозное и духовное единство корпорации.

Воедино эти идеи были сведены присвоенным зольднерами понятием «Орден ландскнехтов». Реальный Орден ландскнехтов - плод неудачной попытки создания светского рыцарского ордена (такой же как и, например, провозглашение в 1503г. т.н. Общества Св. Георгия⁴²³) - имел мало общего с повседневной военной практикой. Однако он, точнее его идеальное и весьма искаженное отражение, существовал в сознании кнехтов, был основой их самопредставления и самоидентификации. Следует отметить, что подлинной сущности настоящего рыцарского ордена ландскнехты, в большинстве своем люди простонародного происхождения, не понимали и не могли понимать, и его элитарный, закрытый характер воспринимался ими скорее по более близкой аналогии с привычными духовными орденами, причем, прежде всего - нищенствующими. Это давало приемлемое объяснение специфического положения квазисословия, моральное обоснование образа жизни профессиональных солдат, особенно в мирное время, и подтверждало их претензии на право кормления от мирного населения. Так, известный

нюрнбергский поэт-ниций начала XVI в., бывший ландскнехт, потерявший зрение в бою, Йорг Графф в своей «Песне об ордене военного люда» очень явно обозначает связь последнего с монашеским орденом, сам его стиль изложения весьма схож со стилем монастырского устава.

Вполне возможно, что подобные воззрения поощрялись самим Максимилианом I, стремившегося как поднять боевой дух своих воинов, так и вписать новые войска в контекст столь превозносимой им идеализированной феодально-рыцарской системы отношений. Подтверждением этому является провозглашение в 1503 г. общества Св. Георгия, в которое могли вступать не рожденные рыцарями военные, общества, впрочем, так же никогда не бывшего юридически оформленным как и настоящий Орден ландскнехтов.

Вообще, быстро ставший чрезвычайно популярным Орден довольно часто упоминался в песнях, так, например, Ханс Витцштат из Вертхайма прямо призывал, бросая вызов упорядоченной жизни обывателей: «Вступи в Орден и стань вольным военным человеком...» (1530г.)⁴²⁴. Освальд Фрагенштайнер гордо сообщал в своей песне о битве при Бикокке, что «орел [имеется в виду имперский гербовый двуглавый орел] со своим Орденом», то есть с ландскнехтами, изгнал французское войско из Миланского герцогства⁴²⁵. Понятие Ордена прочно вошло и в сознание и обиход современников. И Себастьян Франк, и Йоханн Фуггер, и Парацельс, ведя о нем речь, облачают идеологическую субстанцию в плоть, понимая Орден как «военное сословие», «корпорацию военных».

С перерождением милиции, в качестве которой изначально создавались регименты ландскнехтов, в войска вольных наемников, изначальная идеология далеко не полностью утратила актуальность, абсолютно лишившись только первой из четырех своих главных опор, а именно, *идеи службы исключительно императору и имперским интересам*, в конкретных исторических условиях Германии к.XV-сер.XVII вв. вообще не имевшей никакого реального основания. Для военных же, вынужденных продавать меч любому желающему, она стала и вовсе неприемлемой. Однако в остальном первоначальная идеология, несколько трансформировавшись, вполне отвечала интересам зольднеров. Превращение идеологии «защитников отечества» в идеологию наемников произошло почти незаметно

и безболезненно, хотя подобный переворот не мог не привести к постепенному разрушению орденской идеи как ядра мировоззрения.

Особенно актуальной оказалась *идея братства*, жизненно необходимого для самого существования корпорации. Она сохранялась даже в те времена, когда об Ордене уже почти не вспоминали. Даже подняв бунт и изгнав назначенных командиров, наемники не теряли единства, сохраняя даже прежние организационные формы. Вышеупомянутый «Слепой Йорг» так заканчивал свою песню: «...пел Йорг Графф, брат всех ландскнехтов. Несчастный случай лишил его радости, иначе он остался в Ордене готов бы был до своей кончины»⁴²⁶.

Георг фон Фрундсберг, почитавшийся ландскнехтами как отец и очень серьезно относившийся к орденской идее, называл своих воинов не иначе как «любимыми сыновьями и братьями». Перед битвой при Павии он надел поверх доспехов рясу минорита, то есть францисканца⁴²⁷, чтобы показать и своим бойцам, и врагам, что считает себя лишь бедным воином, одним из многих орденских братьев. Правда, этот пример типичен только для военачальников второго, «максимилиановского» поколения, патерналистское отношение которых к своим кнехтам выражалось в периодической помощи тем из них, кто попадал в трудное или щекотливое положение, а идея братства реализовывалась за счет посильного участия в традиционных развлечениях солдат. Так, например, об одном из двоюродных братьев знаменитого Мерка Зиттиха фон Эмс Буркхарде говорили, что он частенько пьет вино с рядовыми, а по ночам ходит к их девкам⁴²⁸.

Однако довольно быстро определенные иллюзии, само существование которых нельзя объяснить иначе как прямым воздействием милиционного прошлого в совокупности с идейным порывом, наблюдавшимся у многих «птенцов гнезда Максимилианова», иссякли. Вожаки наемников утратили братские чувства по отношению к своим подчиненным, так же как и последние, поскольку аппетиты первых в добывании доходов постоянно возрастали, все заметнее затрагивая интересы рядовых, да и то, что антагонизм между предпринимателем, а именно в такой роли выступали военные вожди, и наемными работниками не дает возможности для какого-либо братского согласия, обе стороны прекрасно поняли. Таким образом, идея братства замкнулась на круг рядовых и избранных ими роттмай-

стеров. Вожди наемников, тем не менее, постоянно апеллировали в своих обращениях к войску к орденскому, корпоративному самосознанию кригскнехтов, веря в него, как верил Фрундсберг, довольно редко, гораздо чаще откровенно спекулируя. В любом случае, они пытались заечь сердца, говоря о верности сначала императору, а, впоследствии, и любому другому нанимателю, о воинском братстве, о рыцарственности сражения и чести корпорации. Слова «дорогие честные [в смысле - имеющие честь] ландскнехты» («*liebe ehrlichen Landsknechte*») и «братья» («*die Brüder*»), «благочестивые немцы» («*fromme Teutsche*») и «сильные мужественные немцы» («*starke mannliche Teutsche*»), и «добросовестный честный военный люд» («*redliche ehrliche Kriegsleut*») были обычным обращением в таких случаях⁴²⁹. С перерождением идеологии ландскнехтов проявление зачастую вполне искренних чувств трансформировалось в специфическую военную риторику с собственными стандартными фигурами и формулами, образцы которых можно найти почти в каждом военном пособии XVI-го столетия. Обычно же и военные трактаты, и другие источники именуют наемников «кнехтами» («*die Knechte*»), «рядовыми кнехтами» («*die gemeine Knechte*»), «пешими кнехтами» («*die Fussknechte*») или просто «пехотой» («*das Fussvolck*»). Как к ландскнехтам к наемникам обращались только тогда, когда хотели затронуть их орденскую честь, однако, желаемого результата удавалось добиться далеко не всегда, особенно, когда дело касалось денег. Так, например, при попытке усмирить волнения, устроенные еще при жизни Максимилиана I, в 1516г. под Миланом, по поводу выдачи меньшего, по сравнению со швейцарскими наемниками, жалования, когда император обратился к своим пехотинцам, называя их «своими дорогими верными немецкими ландскнехтами», то, по словам хрониста, «...хотя его императорское величество и говорил такие и еще более прекрасные слова солдатам, все же они его не послушались»⁴³⁰.

Чрезвычайно привлекательной оказалась для наемников и третья орденская идея - *идея рыцарственности*, одинаково заманчивая как для обнищавшего рыцарства, не способного, с финансовой точки зрения, обеспечить себе службу в тяжелой коннице, так и для простолюдинов, приравняваемых, таким образом, к благородным. В немалой степени этот аспект идеологии способствовал постепен-

ному складыванию единого статуса профессионального военного. Впервые за долгие века вооруженные простолюдины получили возможность считать себя полноценными воинами, если и не настоящими рыцарями, то, по крайней мере, «сражавшимися на рыцарский манер»⁴³¹ плечом к плечу с дворянством. Военская честь и слава стали равно доступными для всех, и хотя дворянину автоматически и назначалось двойное жалование, однако, упор делался прежде всего, не на происхождение, а на наличие гарантированных рыцарским воспитанием военных навыков. Кроме того, любой выходец из простолюдовья, предоставив доказательства своего мастерства, например, принадлежности к стрелковой гильдии или фехтовальному обществу (федерфехтеров или Св. Марка⁴³²), или явившись на смотр в полном доспехе, мог претендовать на столь же почетное место в платежной ведомости, как и дворянин. Помимо этого, как уже упоминалось, факт нивелировки социального статуса воинов оговаривался и юридически, уже в первых пунктах статейных грамот для пехоты и конницы.

Процесс уравнивания заходил настолько далеко, что дворянам-ландскнехтам, чтобы хоть как-то выделиться из общей массы, приходилось постоянно акцентировать внимание на своем высоком происхождении⁴³³. И если один из первых вариантов статейных грамот еще включал в себя требования рядовых обеспечить реальное равенство перед законом благородных и неблагородных в качестве одного из самых важных и актуальных⁴³⁴, то в дальнейшем сословные границы в пехоте становятся формальными, несмотря на то, что присутствие благородных в их рядах, оставалось предметом особой гордости ландскнехтов, одним из обоснований их чванливого и заносчивого отношения к окружающим. Оно многократно подчеркивалось и в песнях, и, как это можно предположить, анализируя вирши, которыми снабжались летучие листки, довольно объективно представлявшие типаж ландскнехтов, в обиходе.

Воздействие дворян на остальных военных в плане осознания собственной значимости, зарождения чувства профессиональной и сословной гордости, несомненно, как несомненна и их роль в повышении боеспособности пехоты, но также несомненно и наличие обратного влияния неблагородных, значительно быстрее начавших воспринимать войну исключительно как ремесло, пусть и благо-

роженное, что им было гораздо проще сделать ввиду отсутствия передававшихся с молоком матери иллюзий относительно высшего предназначения рыцарства. Выходцы из простонародья, в отличие от изначально благородных по происхождению, ценили исключительность статуса воина как такового, не обременяя его сопутствующими обязанностями, определенными рыцарским кодексом чести. Именно общение с ними, воздействие их понимания смысла войны, как и само занятие наемничеством, диктовавшим новые законы, практически уничтожило в среде немецкого воюющего дворянства последние пережитки идеологии рыцарства, и к началу XVII в. от «рыцарских чювств», по выражению Валльхаузена, кроме все более редкой (в такой форме) констатации статуса, уже не осталось и следа⁴³⁵. В исследуемый период «рыцарственность» как понятие вообще имеет смысл только применительно к самоопределению статуса наемника, поскольку способы ведения войны так же как и общепринятые нормы поведения на ней, резко изменившиеся в связи с утратой рыцарством доминирующего положения и развитием массового наемничества, чрезвычайно быстро утратили даже и налет прежней куртуазности.

В коннице ситуация была иной. Здесь тон задавали дворяне, несмотря на то, что со временем в ее рядах оказывалось все больше выходцев из бюргерства. Здесь формальной, по крайней мере, в глазах самих рейтар, оказалась сама идея нивелировки статуса, оформленная, так же как и в пехоте, юридически. Тем не менее, вопреки внутренней напряженности, рейтары в целом неуважительно, обычно с насмешкой и презрением смотрели на пехотинцев, хотя такой взгляд совершенно не соответствовал их военному значению⁴³⁶. Они считали, что их собственные военное право и судебная система, прямые наследники традиций рыцарства, равно как и сама их исконно «благородная» служба в конном строю, а также традиционное предпочтение, оказываемое им военными властями, дает им право оценивать свой род войск как более «рыцарственный», нежели пехота. В немецких землях, несмотря на достаточно высокое реноме ландскнехтов, служба в коннице продолжала считаться все же более подобающей статусу благородного. Поэтому дворяне, служившие в пехоте, сразу же воспользовались появлением рейтар (в годы Шмалькальденской войны), конницы более легкой, нежели кира-

сиры или жандармы, служба в которой не требовала ни исключительного уровня индивидуальной подготовки, ни непомерных затрат на экипировку, для перехода в ее ряды⁴³⁷.

Естественно, что высокомерие рейтар не могло не вызывать крайнего раздражения ландскнехтов, отличавшихся столь же непомерными амбициями, и опиравшихся на идеологический постулат, декларировавший их особый статус. Обостряла озлобление и тайная зависть к большему жалованию и привилегиям конников. Этот дележ рыцарского наследия нередко приводил к стычкам и потасовкам, иногда даже перераставшим в массовые побоища. Многие статейные грамоты специально оговаривали обязанность ландскнехтов мирно соседствовать с рейтарами в лагере, добровольно уступая последним место для размещения лошадей⁴³⁸.

Так как все же наемник представлял себя сам? Основой его самовосприятия, его психологии и, следовательно, его отношения к окружающему миру, вне зависимости от рода войск, было четкое осознание своего особого положения, своей исключительности как члена воинской корпорации, с его точки зрения, самой славной и достойной. Понимание «особости» своего статуса имело, впрочем, двойственный характер. С одной стороны, какого бы происхождения ни был зольднер, он не мог не помнить о том, что, по большому счету, являлся «лишним человеком», изгоем, отторгнутым обществом, не нашедшим себе применения в мирной жизни, все различие между которым и обычным нищим попрошайкой заключалось лишь в том, что у него хватило смелости выбрать образ жизни, связанный с постоянной опасностью. Но даже в тех редких случаях, когда ландскнехт или рейтар становился таковым, имея в качестве основных побудительных причин жажду приключений, славы или надежду на добычу, он, тем не менее, так же полностью порывал с прежней жизнью и, обычно, навсегда. Период, когда наемничество было лишь средством получения дополнительного заработка, был краток.

У военных закономерно рождалось чувство неприязни к «нормальной» жизни во всех ее проявлениях. Конечно, подлинные причины этой неприязни, порой переходящей в настоящую ненависть, ландскнехты, как правило, пытались

скрыть даже от себя, поэтому они очень редко назывались в их песнях. Скрытая зависть и явное раздражение выражались в презрении ко всем невоенным, которые расценивались как домоседы, лентяи и трусы⁴³⁹. Таким же образом, дабы объяснить и оправдать в собственных глазах и глазах общества *modus vivendi* безработных наемников, нередко живущих милостыней, возникла идея «похвального нищенствующего Ордена ландскнехтов»⁴⁴⁰, однако, уподобление францисканцам не смогло добавить им ни смирения, ни кротости, скорее, - наоборот.

Забегая вперед, следует отметить, что и само общество не оставалось в долгу, своим отношением способствуя укреплению и развитию отрицательных эмоций. Так, на одной из аллегорических гравюр XVI в., иллюстрировавшей притчу о добром и дурном сыне, последний был изображен в виде ландскнехта, первый же - крестьянином, с любовью ухаживающим за родителями⁴⁴¹, причем, если над головой зольднера был изображен демон, то над головой крестьянина - божья длань, как бы указующая верный путь и благославляющая его. Художнику, в данном случае лишь отражавшему общественное мнение, было абсолютно безразлично, что у «дурного сына», лишённого наследства по праву майората, возможно, просто не было иного выхода.

С другой стороны, специфика особого положения квазисословия наемников определялась наличием весомых факторов как материального (правовые льготы, изъятие военных из юрисдикции сословных гражданских судов и пр.), так и идеального свойства (убеждение в рыцарственности военного занятия, породившее действительно рыцарское презрение к любому труду и пр.), впрочем, приводивших к весьма реальным последствиям.

Так какими же еще исключительными качествами наделял себя зольднер? Основные и наиболее характерные черты можно найти в вышеупомянутых стандартных формулах обращения, льстивших самолюбию рядовых, и в их собственных песнях. Наряду с обычными характеристиками, такими, как «бодрый» («*frisch*») или «старый» («*alt*»), все снова и снова появляются такие самообозначения, как «свободный», «вольный» («*frei*») и «честный» («*ehrlich*») ландскнехт⁴⁴². Именно они и являются ключевыми. Что же вкладывалось в эти определения? Не имевший ни земли, ни дома, ни какой-либо иной собственности, которая могла

бы привязать к определенному месту, бродяга, для которого не существовало границ, ведущий полукочевой образ жизни, вместе с потерей, в большинстве случаев, связи с родиной и привычным занятием, утративший раз и навсегда определенное от рождения место в традиционной сословной иерархии, освобождался тем самым и от всех, сопряженных с этим, ограничений свободы. Наемник фактически не имел определенного подданства, не платил никаких налогов, не выполнял никаких принудительных работ и не признавал над собой господ в привычном для большинства его современников понимании.

Представления о «господине войны» (*der Kriegsherr*) - верховном нанимателе-монархе или о военачальнике в корне отличались от представлений обывателей о господине - феодальном сеньоре. Он понимался не как богоданный угнетатель и притеснитель, подчиняться чьим прихотям было обязанностью подданных от века, и восстать против которого могли заставить лишь крайние обстоятельства, но как равный деловой партнер, зачастую не очень состоятельный. Во времена максимальной коммерциализации войны в военной среде окончательно восторжествовал утилитарный подход в служебных взаимоотношениях, при котором главным стремлением обеих сторон, работодателей и наемников, стало стремление урвать что-либо друг от друга. А при учете того, что наниматель, не соблюдавший своих обязательств, терял в глазах солдат моральное право на полноценную власть и того, что сила корпорации рядовых как «профсоюза» была чрезвычайно велика, становится понятным, почему «господин» нередко оказывался заложником собственного войска и воспринимался, как орудие, средство для легитимизации действий корпорантов. Не воин боялся своего хозяина, а чаще - наоборот. Сохранить власть хотя бы отчасти полководец нередко мог только потакая коллективной воле, принимая те решения, которые масса кнехтов считала для себя выгодными (ненужные со стратегической точки зрения штурмы городов, битвы и т.п.). В этом случае он мог в некоторой степени рассчитывать и на добрую волю зольднеров. Такое положение вещей очень быстро стало настолько обычным, что статейная грамота Карла V, например, даже официально обещает, что «...будут Их Величество тем из простых кнехтов, кто захочет служить к чести и пользе, способствовать и употреблять их во всех выгодных делах...»⁴⁴³. Естест-

венно, что подобный подход, сохранявшийся довольно долгое время, не мог прибавить уважения к начальству в глазах ландскнехтов, а только делал их более управляемыми. Даже в идеальном случае, когда обе стороны выполняли условия контракта, правила, установленные нанимателем, жестко корректировались обычаями и традициями корпорации, после же роспуска региментов по истечении срока найма для зольднеров уже не существовало ни господ, ни законов. Й.Я.Валльхаузен сокрушался по этому поводу: «...такие воры хвалятся и когда они из полку отпущены, и они мнят себе, что государя над собой не имеют. И что никто ими не повелевает и сие им пробывает и удается, потому, что христианские государи в своих землях и уделах такое самовольство попускают»⁴⁴⁴.

Особую роль играл временный характер найма, сопровождавшийся наличием его полной свободы. Если для части дворян первоначально имело еще некоторое значение то дело, за которое они воевали, то для подавляющего большинства наемников-неблагородных, не связанных представлениями о ленных обязательствах перед императором и т.п., это очень быстро перестало быть существенным. Так, изображенному на одном из летучих листков большой серии, изданной еще в двадцатых годах XVI в., дворянину Паулю Добродетельному приписывается следующая пафосная речь:

«Я из высокорожденных благородных,
 Ношу почетные латунные шпоры.
 Остался я с благочестивыми ландскнехтами,
 Помогаю защищать справедливость.
 Желаю с пикой встать в первый ряд
 Как благочестивый добросовестный благородный.
 На войне испытал я свое рыцарство,
 Буду честен как добросовестный ландскнехт»⁴⁴⁵.

В то же время в уста другого ландскнехта, в той же серии летучих листков, вкладывалась уже диаметрально противоположная по смыслу фраза: «Я служу и дьяволу, если он дает деньги»⁴⁴⁶, - наемники постепенно освобождались и от общей идейной нагрузки. Таким образом, в силу специфики профессии, образа жизни, дарованных привилегий и страха властей немецкий наемник был, пожалуй,

самым свободным человеком в тогдашней Германии, что прекрасно осознавал и чем хвастался при каждом удобном и неудобном случае.

Вторым, важнейшим для наемника понятием, обеспечивавшим в его понимании исключительность статуса военного, было понятие «чести» (die Ehre), прежде всего, чести корпорации, а затем и чести личной, обусловленной принадлежностью к военному сообществу. Именно с понятием «честь» связано большинство эпитетов, применявшихся по отношению к немецким кригскнехтам: «добросовестные» («redliche»), т.е. добросовестно выполнявшие обязательства, принятые на себя корпорацией, «верные» («treu»), т.е. верные не столько конкретному господину, сколько традициям сообщества, «сильные» и «мужественные» («starke», «mannliche»), так как не имея этих качеств нельзя было претендовать на то, чтобы считаться воином, а, значит, и на то, чтобы иметь честь, так как подлинной честью мог обладать только воин. Несколько особняком стояло определение ландскнехтов как «благочестивых», «набожных» («frumb» или «fromme»). Оно весьма неоднозначно, поскольку, с одной стороны, было пережитком орденой идеологии, обусловленным параллелями, проводившимися с духовным орденом, и применялось чисто риторически, с другой, было равнозначно определению «храбрый» («wacker») ⁴⁴⁷, и, в то же время, упоминание о «благочестивости» кнехтов нередко можно встретить в связи с констатацией их верности присяге, поскольку клялись обычно Именем Божьим.

Честь социо-профессионального объединения, если угодно - цеховая честь, вообще всегда была присуща любой социальной группе сословного общества, и в этом смысле корпорация наемников не отличалась оригинальностью. Но в глазах военных она была несравненно выше чести любого цеха или гильдии, каковую они вообще не почитали честью, поскольку достигалась деятельностью на военном поприще, занятием благородным аксиоматически на протяжении многих сотен лет.

Что же включало в себя понятие чести? Во-первых, верность данному слову, присяге, понимаемая как деловая порядочность и «благочестивость». Нарушение клятвы, клятвопреступление (der Eidbruch, der Meineid), пусть даже совершенное отдельными членами корпорации, считалось порочащим все сообщество. Одина-

ково серьезно ландскнехты относились и к обещанию соблюдать условия договора с нанимателем, и к клятве, данной кому-либо еще, даже врагу. Ложным было бы впечатление, что, даже в случае прямого нарушения соглашения нанимателем, бунт или забастовка были неизбежны и начинались сразу же. В большинстве случаев, зольднеры, оставались верны той статье контракта, которая оговаривала возможность задержки жалования. Они ждали, как это было предписано, посылали своих представителей к военным властям, и полностью вывести их из подчинения могла лишь чрезвычайно длительная задержка денег, сопряженная со всевозможными злоупотреблениями и длительными военными неудачами (т.е. отсутствием возможностей для грабежа), или с твердым убеждением, что жалование не будет выплачено вовсе, как в скандальном случае во время аугсбургского рейхстага 1538 года⁴⁴⁸.

Характерно, что сами статейные грамоты не относят понятие «клятвопреступление» к договору вообще, ограничиваясь лишь самыми вопиющими его нарушениями, как то: отказ от дальнейших боевых действий в случае отсутствия немедленного вознаграждения, дезертирство, измена и недонесение о ней и т.п.⁴⁴⁹ Таким образом, не все проступки признавались бесчестными, хотя многие и карались так же строго, как и клятвопреступление, и прямо клятвопреступлением не назывался ни мятеж, ни забастовка, вызванные нарушением договора самим работодателем, несмотря на естественное и категорическое запрещение их уже в первой статье, то есть, пытаясь бороться с «профсоюзной» деятельностью корпорации, последний, все же, не считал ее бесчестной.

Сами же ландскнехты обычно приравнивали такие действия к окончательному разрыву контракта, а до тех пор, пока он не произошел, считали своим долгом выполнять условия соглашения в целом, хотя, конечно, определенные попытки получить послабления в этом случае могли иметь место (сокращение времени караула и т.п.)⁴⁵⁰.

Есть примеры и верности в соблюдении клятв, данных противнику. Это и договоры о «доброй войне», и обещания не воевать против милостивого победителя. Так, ландскнехты, отпущенные из плена в ходе веницианской кампании 1509г., поклялись в храме не воевать против республики Святого Марка в течение

одного года. Вернувшись, они вскоре получили приказ оберста Йорга фон Траппа возобновить боевые действия. Ответом был решительный отказ. Они написали фон Траппу, что хотят поступить как «благочестивый военный люд» и послали своих амиссатов, в том числе хауптмана и фендриха, к императору для уведомления. Правда, вместе с этим, они потребовали и свое жалование, поскольку по их понятиям, не были виновны во временном бездействии и считали, что не являются нарушителями контракта⁴⁵¹. В то время, когда всяческая куртуазность войны была практически изжита и военные других национальностей постоянно нарушали клятвы, данные противнику, относительная честность немцев, безусловно, не рыцарская, свидетельствовала, тем не менее, о том пиетете, с которым они относились к чести корпорации, и показывала всю глубину проникновения в их сознание корпоративной идеи.

Помимо верности слову, «честь корпорации» была и в верности обычаям и традициям, поддержании незыблемости привилегий, соблюдении достоинства сообщества. Очень отчетливо это иллюстрируется следующим примером: когда в ходе Шмалькальденской войны гарнизон евангелистов был блокирован превосходящими силами императора в Нойбурге на Дунае, императорский наместник Ханс Шнабель обещал взамен сдачи города предоставить гарнизону возможность почетного отступления с оружием и «поднятыми значками». Однако он нарушил свое обещание, и, задержав ландскнехтов Союза, трехдневным голодом заставил их разоружиться и сорвать знамена, после чего вынудил дать клятву не воевать против императора и Австрийского дома. Это «нойбургское бесчестие» («Schmach von Neuburg»), двойное преступление против клятвы и традиций (т.е. принуждение к клятве), «новый неслыханный неландскнехтский обычай», оказалось настолько экстраординарным явлением, что для его обсуждения были созваны полностью регименты Шертлина и Хайдека, фактически, вся пехота протестантов. Решением круга была избрана специальная комиссия, состоящая, по обычаю, из хауптманов, фендрихов, прочих командиров, а так же и простых кнехтов, которая пришла к выводу, что нойбургские зольднеры не должны придерживаться вынужденной клятвы. Решение было одобрено общим собранием, которое и освободило воинов-неудачников от их обязательств⁴⁵².

Позорящими сообщество делами считались также измена, воровство и убийство⁴⁵³ (само собой, это относилось только к членам корпорации). Пока по этим обвинениям шло разбирательство, символы воинской чести - значки должны были быть свернуты, распускались же они только после оглашения приговора, когда обвиняемый был уже либо оправдан, либо осужден. Идя на казнь, он должен был просить своих товарищей о прощении. Получив его, он символически смывал общий позор своей кровью. Последним, что должен был видеть осужденный были развернутые знамена, что, как и троекратный салют после его смерти⁴⁵⁴, подтверждало снятие позорного пятна со всей корпорации, символическое восстановление ее чести.

Еще одной составляющей понимания немецкими наемниками корпоративной чести было осознание естественной необходимости постоянно доказывать превосходство своего национального профессионального объединения над другими. Национальные формирования: швейцарцы, гасконцы, испанцы и немецкие ландскнехты, по словам французских военачальников Гаспара Таванна и Блеза Монлюка, сражались не только за деньги, но и за честь нации. В данном случае под честью нации, безусловно, подразумевалась честь национального военного сообщества, а не немецкого народа в целом. Высокая боеспособность, подтвержденная громкими победами, имела и весьма утилитарное значение, особенно для немцев, которые, если можно так выразиться, были в большей степени наемниками, нежели кто-либо еще в тогдашней Европе. Слава, рост уважения к корпорации на рынке наемников приводили к повышению спроса и, соответственно, к увеличению цен на ее услуги.

Все это, как правило, имело следствием появление ничем не прикрытой враждебности по отношению к военным-чужеземцам, как к конкурентам. В случае если соперники оказывались под одними знаменами, в одном полевом лагере, стычки были неизбежны. Агрессивный, драчливый характер немцев делал любое недоразумение поводом для свары, легко перераставшей в грандиозную драку. Так, еще в 1490 году произошло серьезное столкновение между английскими и немецкими пехотинцами в Нидерландах, массовое побоище с шестью убитыми случилось между немецкими и испанскими защитниками Вероны в венецианской кам-

пании 1516 года, в имперском войске под Ингольдштадтом во время Шмалькальденской войны в 1546 году возник конфликт между немецкими, испанскими и итальянскими зольднерами, а взаимная неприязнь между испанцами и немцами при штурме Сан-Кантена в 1557 году привела к тому, что Филипп II не смог использовать своих солдат вместе⁴⁵⁵. Число примеров такого рода бесконечно. В статейные грамоты была даже введена специальная статья, фактически запрещающая контакты с военными других национальностей, а, особенно, азартные игры, бывшие постоянным источником ссор⁴⁵⁶.

Однако настоящими архиврагами и архисоперниками немцев были швейцарцы. Обратившись к перипетиям их борьбы, можно наиболее ясно определить степень важности корпоративной чести для наемных воинов. Истоки взаимной неприязни можно проследить еще в самом начале новой немецкой пехоты - бургундских войнах Максимилиана I. Недавние ученики постепенно проникались злобой и завистью к своим учителям, имевшим большее жалование и привилегии, а также присваивавшим себе почти всю добычу. В то же время вожди ландскнехтов убеждали их в том, что они могут воевать ничуть не хуже наемников-швейцарцев. Схожие одежда, вооружение, организация и тактические приемы не только не способствовали сближению, но вызывали еще более жесткое соперничество. Все это привело к тому, что уже с 1487 года (Венецианская кампания), смешивать тех и других в одном отряде стало небезопасно⁴⁵⁷.

Однако настоящую ненависть воины кантонов вызвали в немецких военных, нанеся им чудовищное поражение при Харде на Боденском озере, в ходе Швейцарской войны, зимой 1499 года. После того, как боевые порядки ландскнехтов трижды атаковались швейцарцами, дравшимися с яростью берсерков, что вообще было им свойственно, началось повальное бегство. Победители не щадили никого, закалывая или загоняя бегущих в ледяную воду озера⁴⁵⁸. Этот черный, позорный и страшный день еще десятилетия оставался в сознании ландскнехтов, копивших ненависть и жажду реванша, как «брегенцская могила» («Bregenzer Grab»)⁴⁵⁹, в то время как горцы пожинали плоды своей победы, приобретая еще большую ценность на рынке наемников. После этой битвы они еще долго относились к немцам, как к позорным коровьим пастухам, годным только для занятия

скотоложеством⁴⁶⁰. Честь корпорации была восстановлена только в 1522 году в битве при Бикокке. Освальд Фрагенштайнер, автор песни об этой битве, описывая бегство неприятеля, замечает: «по полю была пищальная стрельба, тут швейцарцам и досталась могила». Далее он пишет: «Так они бежали, и мертвых швейцарцев каждый посетил». Насмешливо он описывает добычу и ограбление трупов, которые, по старому обычаю, растянулись на три дня.⁴⁶¹

Тогда и появились первые издевательские песни над воинами Союза:

«Как шли к Милану,
Там дали им награду
Ландскнехты их нашли,
Им подойник привязали
И вышибли из страны.
Это их большой срам»⁴⁶².

Швейцарцы чрезвычайно остро отреагировали на свое поражение. В одной, сочиненной после этой битвы, песне нашла свое отражение их оценка происшедшего. Швейцарский поэт пишет, что ландскнехты были гнусными лжецами, когда хвастались своей победой. Они воевали не как честные кригскнехты, то есть, не сражались в открытом поле, а зарылись в землю, как кроты, трусливо применив, к тому же, огнестрельное оружие (а не пики) против швейцарцев. Полный бессильной ярости и глубокого презрения, он заканчивает свою песню, обращаясь к ландскнехту: «...я вываливаю тебе на нос дерьмо и мочусь в бороду»⁴⁶³.

Когда швейцарцы и немцы оказывались под враждебными знаменами, объявлялась т.н. «злая война» («böse Krieg», «mala guerra»), в которой не брали пленных. В битве при Павии горцы добились желаемого - встретились с «гнусными лжецами» в открытом бою... и вновь потерпели поражение, после чего слава немецкого оружия поднялась на, казавшуюся ранее недостижимой, высоту. Сумма одного солдатского жалования была увеличена вдвое. Ландскнехты начали свое многолетнее триумфальное шествие по Европе. При этом и тех, и других продолжали принимать на жалование одного и того же господина⁴⁶⁴. Без проблем подобное «сотрудничество» не обходилось никогда, старая вражда так и не смогла быть похоронена.

Честь корпорации в глазах немецкого военного того периода всегда превалировала над честью личной, что отличало его, например, от военного-француза. Вообще, само понятие - личная честь - было разработано значительно меньше, нежели во Франции, хотя и отнюдь не было незнакомым, по крайней мере для благородных:

«...- но уж давно
 Дворянство Богом создано.
 И уважать и род, и сан
 Учил апостол Павел сам,
 Но должен каждый из дворян
 Знать, что сказал Максимилиан
 Как всяк другой, такой же я -
 Лишь честь мне Господом дана»⁴⁶⁵.

Однако в немецком военном сообществе тон задавали, главным образом, как уже упоминалось, выходцы из простонародья, многократно численно превосходившие выходцев из рыцарской среды. Налет «рыцарственности», а, следовательно, и представлений о чести, прежде всего, чести дворянской, прямой наследницы чести рыцарской, был весьма поверхностным, привнесенным идеологией, а не выработанным столетиями. Глубокое наполнение смысла существования благородного человека, поддержание и умножение престижа и чести рода, завоеванных многими поколениями предков, доблестными подвигами, как в военное, так и в мирное время, было абсолютно чуждо зольднерам. Их честь была в поддержании чести корпорации, так же как и честь цеховых мастеров⁴⁶⁶, и, если дворянин, поступая вопреки законам чести, порочил свой род и, главное, себя самого, то немецкий наемник неподобающими званию ландскнехта поступками порочил все военное сообщество. Именно действия отдельных субъектов, позорящие корпорацию, и считались, собственно, «бесчестными». Индивидуализму и эгоизму французских дворян, идейному центру королевской армии, в горячем стремлении добыть личную честь и славу, смешивавших собственные боевые порядки, был диаметрально противоположен жесткий коллективизм немецких

зольднеров-простолюдинов, по крайней мере на поле брани, хладнокровными, сплоченными и слаженными действиями отстаивавших корпоративную честь.

Именно по этим причинам дуэль в классической форме, как средство поддержания личной чести, в среде наемников практически отсутствовала. Способом выяснения отношений являлась «драка» («die Balge»), по форме - тот же поединок, но начисто лишенный идейного содержания. Так, если угрожающие масштабы, которые приняли дуэли во Франции, Испании и других странах, можно объяснить проявлением обостренного чувства собственного достоинства, гипертрофированных представлений о чести военного дворянства, то то же самое, хотя и в меньшей степени проявлявшееся, явление в немецких войсках, скорее, особенностями национального характера. Было, однако, и общее - стремление в некотором смысле подкрепить оружием свое право на особое положение, свой социальный статус. В классическом понимании дуэль в Германии появилась только ко времени Тридцатилетней войны и являлась плодом иностранного влияния. До тех же пор немцам практически не были знакомы даже дуэльные трактаты, во множестве издававшиеся в других странах.

Если дуэлянт смело шел на поединок, так как почитал честь больше жизни, то ландскнехт, поссорившись с товарищем, хватался за оружие скорее потому, что очень мало ценил собственную жизнь. Нередко ссора приводила только к обычной драке, которая во Франции, например, считалось уделом мужланов. Тем не менее, число вооруженных столкновений, явно под воздействием дурного примера военных иных национальностей, особенно французов, постепенно росло, несмотря на то, что статейные грамоты настойчиво повторяли, что «каждый должен под страхом телесного наказания воздерживаться от преднамеренных потасовок и стараться поддерживать дружбу, мир и единство»⁴⁶⁷. На иллюстрациях военных трактатов, изображающих полевой лагерь, довольно часто встречаются изображения поединков за пределами ложементов. Вальхаузен по этому поводу отмечал: «А в нынешних войнах свары и поединки тако умножилися что и за одно слово друг друга на поединки вызывают...»⁴⁶⁸. Действительно, поводом к вызову в первой половине XVII века могло послужить что угодно, даже попытка доказать превосходство одного рода войск над другим⁴⁶⁹, однако, самым распро-

страненным оставалось обвинение в шулерстве при игре, на которое легко шел проигравший.

Свидетельством возрастающей актуальности этой проблемы являлось увеличение количества пунктов, запрещающих всевозможные столкновения, в статейных грамотах. Если в самом просторном варианте статейной грамоты Карла V их всего два⁴⁷⁰, то артикул Максимилиана II включает в себя уже семь статей⁴⁷¹. Для честного поединка предусматривалось, да и то не во всех случаях, только телесное наказание, смертью же карались лишь подлое убийство, совершенное «вопреки миру», соблюсти который была дана клятва, и убийство безоружного⁴⁷². Равным образом наказывались проявления мстительности⁴⁷³, а также поединки, проведение которых в определенное время и в определенных местах могло повлечь за собой негативные, с военной точки зрения, последствия: «...после смены караула ни в теснинах, ни в ложементе, также и на утреннем подъеме и в строю...»⁴⁷⁴. Кроме того, запрещалось использовать как «смертоносное» древковое и огнестрельное оружие, зато клинковым можно было «для самозащиты... пользоваться свободно»⁴⁷⁵. Однако в ходе Тридцатилетней войны это зло стало настолько явным, что во время ведения боевых действий поединки стали запрещаться под страхом смертной казни⁴⁷⁶, опять же, следуя французскому примеру. Этому помогло и усиление власти командиров.

Исследуя поединки, как один из способов разрешения внутренних конфликтов, нельзя еще раз не обратить внимания на такую важную особенность немецкого наемничества, как фактическое отсутствие в его рамках общепризнанных сословных границ. Орденовая пропаганда сделала свое дело - несмотря на то, что, безусловно, различия между благородными и неблагородными осознавались, однако, к ним не относились, как к существенным. Любой военный, вне зависимости от происхождения, мог вызвать любого другого военного на честный бой. Принадлежность к военной профессии, членство в одной корпорации, братство по оружию делали это возможным. То обстоятельство, что военное сообщество XVI века представляло собой еще очень пеструю картину в отношении изначальной сословной принадлежности его членов (дворяне могли служить рядовыми, а выходец из бюргерства, как знаменитые Мартин Шварц или Себастьян Шертлин,

мог стать оберстом и рыцарем), также сыграло значительную роль в складывании единого статуса военного-профессионала. Это было общим моментом во многих европейских странах в данный период, когда рыцарство, символ уходящего средневековья, практически исчерпало себя, а новая постоянная сословная армия, как институт абсолютистского государства, еще не существовала. Поэтому, в это переходное время, простой кнехт, вне найма, мог вызвать даже своего бывшего командира, который не смел отказаться.

Внутрикорпоративное отторжение сословных предрассудков переносилось и во внешнюю сферу. Для зольднера не имело никакого значения происхождение и общественное положение того или иного лица, будь то рыцарь, граф или даже император, особенно, если их интересы сталкивались. Скандальный аугсбургский инцидент с Карлом V и многие другие примеры подтверждают это. Французский военный Франсуа Рабютен описал случай, глубоко потрясший все французское, даже воюющее, дворянство: 28 октября 1552 года, после боя у Невшателя, ландскнехты Альбрехта Бранденбургского устроили резню французских военных, в которой было убито более двухсот дворян. В их числе был и принц крови Бретонского дома герцог Роган, уже сдавшийся в плен. К двоим наемникам, захватившим его, подошел третий и потребовал своей доли в выкупе. Получив отказ, он, озлобившись, не задумываясь, застрелил принца.

Результатом крайне неоднозначного, противоречивого положения наемников, сочетания первоначально чрезвычайно высокой самооценки, отчасти подтверждавшейся и обществом, с полунищенским существованием, равно как и с хищническими привычками, приобретенными в непрерывных войнах, стало сознательное отрицание всех норм общественной морали, от которых они считали себя свободными так же, как и от прочих уз, налагаемых социумом. Корпорация наемников замкнулась, образовался особый, обособленный от внешнего, мир со своими собственными законами и нормами. Моральные представления кригскнехта распространялись исключительно на сферу внутрикорпоративных отношений. Моральность и аморальность поступков определялась тем, поступал ли воин «по-ландскнехтски» или «не по-ландскнехтски», то есть во благо или во зло сообще-

ству послужили его действия. Так, обокрасть товарища считалось смертным грехом, ограбить же штатского - нормой поведения.

Да и трудно представить себе возможность другого отношения к внешнему миру, если мирное население, особенно, во враждебной стране, изначально рассматривалось как дойная корова. Из-за частых перемен мест службы зольднеры все заметнее переставали ощущать грань отделяющую «своих» от «чужих», и следствием этого стало все более частое, ставшее к началу Тридцатилетней войны всеобщим, перенесение заведомо враждебного отношения на все без исключения мирное население, на которое не распространялись даже незначительные ограничения, существовавшие по отношению к вооруженным противникам на поле боя. Различие же между войной и миром для наемника было только в том, отберет ли он то, что ему понравилось с помощью оружия или выпросит либо украдет. Любые насилия оправдывались исключительно весьма авторитетным, по тем временам, правом войны, неукоснительное следование которому совершенно развязывало руки. Ситуация усугублялась и тем, что ландскнехт ежечасно мстил за свое положение изгоя, за унижения и преследования властей в период безработицы.

Зольднер презирал всех невоенных, был полностью чужд всему мирному, упорядоченному. Для него настоящей жизнью была только война, своим поведением, манерами, образом жизни, лексикой и, наконец, одеждой он желал не просто выделяться, но и эпатировать, потрясать воображение окружающих, тем более, что никто не смел ему в этом воспрепятствовать.

Наиболее отчетливо прослеживается эта ситуация на примере экстравагантного внешнего облика военных. Необычайно короткие стрижки, длинные или «половинные» бороды (т.е. бакенбарды) и чудовищные усы были отличительными признаками ландскнехтов, появившимися в конце XV века. До тех пор растительность на лице тщательно сбривалась, и Макиавелли насмешливо отмечал, что воины отпускают бороды, дабы пугать ими своих врагов. Ландскнехты пользовались своей привилегией на свободу одеваться, не ограниченную соответствующими регламентами, в полной мере, наряжаясь, в случае военной удачи, в шелк и бархат, украшая шляпы дорогими перьями, а грудь - золотыми цепями. Именно в военной среде возникла мода на разрезы в яркой кричащей одежде⁴⁷⁷, но венцом

всего, предметом особой гордости наемника, подчеркивавшим его мужественность, был огромный размеров гульфик, покрытый разрезами, расшитый бисером, а иногда даже украшенный бантами⁴⁷⁸.

Однако как оговаривалось той же статьей вышеупомянутого регламента об одежде от 1530г., что давала военным на период похода абсолютную свободу в данном вопросе, возвращаясь на родину, кригскнехт терял свои особые права и должен был подчиняться общим законам, причем не только в одежде, но и, на практике, во всем остальном, то есть фактически он лишался статуса воина, становясь тем же подмастерьем или батраком, что и был до своего первого похода. Ландскнехт весьма дорожил своим статусом и боязнь потерять свои «привилегии», «честь» сделала возвращение к прежним мирным занятиям неприемлемым даже для многих из тех, кто имел такую возможность. Это произошло в 20-30 гг. XVI в., в момент пика славы ландскнехтов, возвращавшихся в немецкие земли с полными кошельками и повозками, набитыми награбленной в итальянских городах добычей. В это время завершается процесс конституирования военного квазисословия, прочно утверждается переродившаяся идеология, обосновавшая более регулярное участие в войнах, теперь уже под любыми знаменами, сократив, таким образом самое тяжелое для военного время - время ожидания очередного найма.

Выгодность военной службы по сравнению с тяжелым и полуголодным существованием поденщика или вечного подмастерья в этот момент казалась очевидной. Жизнь ландскнехта, со стороны представлявшаяся легким, веселым и разгульным развлечением, окруженным при том ореолом перманентной славы, реальной возможностью повышения социального статуса, особенно, в глазах молодежи, и именно в этом ключе рекламировавшаяся старыми служаками, действительно, на некоторое время приобрела подобные очертания. Не удивительно, что многим тогда это процветание казалось вечным. А колебавшихся подстегивал непрерывно нараставший социальный кризис. Вот два, наиболее распространенных тогда, взгляда на военную службу:

«Хочу поскорее своим ремесло я заняться,
Хочу сейчас же стать военным человеком.

Не желаю работать за маленькую плату,

Намного сильнее желаю я праздно шататься...»⁴⁷⁹, - высказывается новобранец, изображенный на одном из летучих листков. Далее он выражает зависть к ландскнехтам, которых «бегут беды». Еще более определенно мнение зольднера, изложенное в одной из песен, посвященных битве при Павии:

« В крестьянах я должен молотить,

Должен есть сырое молоко,

У короля я ем только мясо.

В крестьянах - грубый тик,

У короля я смело выступаю в поле

И иду оттуда, как свободный герой,

Рублю и секу

По дворянскому обычаю...»⁴⁸⁰.

Окончательное превращение военной службы из дополнительного, хотя бы для части ландскнехтов, заработка в единственное ремесло фактически означало полный разрыв корпорации с обществом, замыкание ее на саму себя. Рубежом, ясно обозначившим начало этого перехода, стала Великая Крестьянская война, когда был положен конец всем переполнявшим общественное сознание идеям о преобразовании империи, и о связанных с этим изменениях в общественной жизни.

В обыденном представлении большинства историков роль ландскнехтов в Крестьянской войне вполне определена. Они рассматриваются почти исключительно как орудие реакционного лагеря, однако, современные исследования показали, что, в действительности, положение было значительно более сложным.

На раннем этапе своего существования ландскнехты не были чужды основным устремлениям немецкого общества, народа, частью которого они себя тогда считали да и, в сущности, действительно были. Значительным был их вклад в дело Союза Башмака. После разгрома Союза в имперском городе Шлеттштадт в 1493г., один из захваченных вожаков заговора, Клаус Циглер, на допросе сознался, что заговорщиками были избраны хауптманы, на призыв которых в случае восстания должны были явиться все кнехты, оказавшиеся в сфере досягаемости. Кроме того, Циглер назвал ландскнехта по имени Вальтер Клаус или «беспутный

Клаус» («Wüste Claus»), который предлагал заговорщикам при необходимости привести до шести тысяч ландскнехтов⁴⁸¹. Вполне возможно, что Клаус, по своей военной привычке, сильно преувеличивал, однако, власти отнеслись к этому заявлению вполне серьезно. Когда стало известно о возобновлении Союза Башмака в Шпейере, местные власти тотчас испугались возможной связи бунтовщиков с военными («die Reisbuben» - так называли тогда в Оберланде любых пехотинцев: как ландскнехтов, так и швейцарцев).

Справедливые требования Союза Башмака не шли в разрез с имперской идеей а, следовательно, и с изначальной идеологией Ордена ландскнехтов. Они были как нельзя более актуальны для тогдашних ландскнехтов, не перешедших еще окончательно в разряд профессионалов, людей, по которым кризис ударил больше всего или вообще, в тот период, обычных ополченцев, таких же крестьян, как и прочие. Поскольку они имели боевой опыт и, скитаясь в ожидании очередной войны, могли исполнять функции гонцов и вербовщиков, именно они стали «хребтом» планируемых восстаний⁴⁸². В поздних бунтах Башмака кнехты играли центральную роль (1513/1517). Организация Союза строилась по образцу регимента, при выборности всех должностей (давняя мечта ландскнехтов). Культовые формы приняло в Союзе Башмака символическое значение фендрихов и знамен. Сам вождь заговорщиков Йос Фриц, для беспрепятственного передвижения по стране, пользовался костюмом ландскнехта⁴⁸³.

Боязнь вызвать озлобление ландскнехтов, находившихся в самом тесном контакте с опасными мятежниками, связывала руки императору, вынужденному сквозь пальцы смотреть на строго тогда запрещенное «отходничество» верхненемецких военных на службу иностранных государей, в первую очередь, короля Франции, что, безусловно, имело определенное значение в процессе превращения ландскнехтов в наемников в самом широком смысле.

Исходя из вышеизложенного, легко понять естественное недоверие властей к кнехтам, ярко проявившееся в 1525г., когда Швабский Союз был вынужден принять на себя функции «умиротворителя крестьян». Не только баварский канцлер Леонхард фон Экк предостерегал от найма ландскнехтов, многократно предлагая привлечь иноземных наемников из Богемии или с Балкан. Конрад фон Леонрод,

попечитель Баварии, упрекал членов Швабского Союза в том, что они «хотят поймать лису при помощи лись»⁴⁸⁴. Под лисой, которая должна была быть схвачена, понимались крестьяне, под той же, что должна была хватать, - ландскнехты. Вскоре опасения Леонрода подтвердились. Полководец Союза Георг Трухзес фон Вальдбург оказался в очень тяжелом положении. Так как более пятнадцати тысяч ландскнехтов в это время воевали в Италии, ему, невероятными усилиями, обшарив все земли от Южного Тироля до Гессена, удалось собрать к марту 1525г. только четыре тысячи человек. Но главная сложность заключалась в том, что предлогом для вербовки была война против Ульриха Вюртембергского, рассчитывавшего вернуть свое герцогство при помощи швейцарцев, после же того, как кнехты узнали, что их основной противник - крестьяне, они устроили забастовку. Свой отказ от этой войны они обосновали, во-первых, тем, что считают крестьян своими друзьями и кормильцами, без помощи которых они не могли бы просуществовать в период временной безработицы, и, во-вторых, тем, что большинство их них были крестьянского происхождения, а некоторые и до сих пор, будучи полупрофессионалами, причисляли себя к крестьянам⁴⁸⁵.

Примерно полторы тысячи кнехтов ушли от Трухзеса, так как не хотели сражаться «против братьев»⁴⁸⁶. Немалую роль в этом сыграли и распространившиеся реформаторские религиозные представления. В отряде ходили слухи, что Бог разбудил в восставших «детей Израилевых», которые только требовали осуществления Божественного Права⁴⁸⁷. То, что Вальдбург, в конце концов, все же смог вывести в поле большую часть набранного войска, хронист приписывает смене настроения зольднеров, вызванной искусной речью полководца. Выступая, Трухзес апеллировал к Ордену ландскнехтов, очень убедительно представил действия крестьян как несправедливые, а, главное, объяснил воинам, что не крестьяне, а князья и города до сих пор были их истинными кормильцами, и их поражение обернется гибелью и для Ордена. В конце он смело объявил, что желающие могут свободно уйти, и это окончательно склонило кнехтов на его сторону. Рядовые решили не отказываться от похода и подчиняться ему, как надлежит «благочестивому военному люду»⁴⁸⁸.

Этот эпизод ясно указывает точку перелома в сознании ландскнехтов, момент, когда формирующееся корпоративное и профессиональное самосознание окончательно берет верх, и военное сообщество отделяется от своих корней. Наемники осознают свое новое место в структуре социума, и, в сущности, Крестьянская война становится для них войной за выживание.

Хотя меммингенские, констанцские, шварвальдские кнехты и решили уйти домой, эти потери были очень скоро восполнены за счет войск, возвращавшихся из Италии. Здесь в полной мере проявила себя сила законов рынка наемников, - большинство из ветеранов были готовы предложить свои пики любой из сторон, однако, крестьяне, несмотря на уговоры своих вождей, в частности Венделя Гиплера⁴⁸⁹, часто отказывались от их услуг, опасаясь соперничества при разграблении богатых монастырей и замков. Волей-неволей, отвергнутым военным приходилось наниматься на службу к князьям. Подобными поступками восставшие сами отталкивали от себя зольднеров, что не могло не породить в последних злобу, чувство, которому они обычно поддавались очень легко.

Тем не менее, нельзя не отметить, что ландскнехты воевали и в некоторых крестьянских отрядах - иногда за жалование, а иногда и за убеждения. Так, на знаменах Озерного отряда можно было видеть изображения крестьянина, протягивающего руку ландскнехту. В этом, пятидесятитысячном, отряде насчитывалось около пяти с половиной тысяч кригскнехтов. Как и в заговорах Башмака, крестьяне заимствовали у них многое: они имели похожие статейные грамоты, военное право и ту же иерархию должностей⁴⁹⁰. Якоб Рорбах в Вайнсберге при казни вюртембергского фогта графа Людвиг Хельфенштайна и его сторонников применил право длинных пик, традиционное для ландскнехтов, хотя доподлинно об их участии в экзекуции не известно⁴⁹¹. Многие из крестьянских предводителей ранее были ландскнехтами: Флориан Гейер - предводитель Черного отряда, Ханс Мюллер из Бульбенбаха - хауптман шварцвальдцев, Вальтер Бах - вождь алльгаусцев⁴⁹². Но, даже в случаях тесного сотрудничества, было очевидно, что интересы крестьян и кригскнехтов не совпадали. Они очень редко смешивались, и, например, в Совете Мольсгеймского отряда (Эльзас), состоявшем из сорока человек, наемники имели двух своих специальных представителей⁴⁹³. Князья же при-

нимали ландскнехтов гораздо охотнее, нежели крестьяне, не жалея денег, поскольку очень нуждались в пехоте, как для полевых сражений, так и для штурма укреплений, поскольку рыцарская конница редко соглашалась на последнее.

В конечном итоге, закономерно восторжествовали сторонники обособления корпорации. Их победа была тем более полной, что их противники разделили участь потерпевших поражение крестьян, то есть были по большей части перебиты. Отношения с крестьянством были испорчены, и, несмотря на угрызения совести, преследовавшие некоторых зольднеров (по меньшей мере, в одной из песен автор-ландскнехт, воевавший против франконских отрядов, оправдывался тем, что должен был только защищаться, будучи связан клятвой со знаменем князей, и поэтому никто не должен на него обижаться⁴⁹⁴), сложившееся положение уже не могло быть изменено. Замыкание корпорации означало и завершение формирования ментальности военного наемника как особого, в корне отличного от ментальности человека невоенного компонента общественного сознания того времени.

Крестьянская война являлась важной вехой в истории становления германского наемничества еще и потому, что в ее ходе ландскнехты впервые столкнулись на поле боя с ландскнехтами. Эта ситуация, в дальнейшем многократно повторявшаяся, стала свидетельством максимально возможной в рамках наемничества профессионализации, когда верность профессиональной этике и чести становилась выше факторов иного порядка: национальных, политических, религиозных и пр. Наемники Швейцарского Союза не смогли преодолеть этот барьер в силу ряда экономических и политических причин. Немцы же шли на взаимное уничтожение, не переставая, тем не менее, считать друг друга братьями по сословию. Единственная поблажка, которую они делали «братьям», заключалась в том, что после боя победители не устраивали резни побежденных, ставшей с начала XVI века нормой.

Последней нитью, связывавшей корпорацию с обществом, оставались общие религиозные устремления. Изначальное самоопределение ландскнехтов, как «благочестивых», помимо множества косвенных значений имело и прямое. Ландскнехты Максимилиана I перед началом битвы дружно преклоняли колени и истово молились. Коленопреклоненными перед распятием воинов нередко изобра-

жали оружейники, вытравливая этот сюжет на их доспехах⁴⁹⁵. Когда фендрих получал значок - символ чести сообщества, он напутствовался словами о том, что ему доверяют знамя так же, как Иисус на кресте доверил свою мать заботам Иоанна. Во многих песнях упоминается Матерь Божия, как заступница военных, Святой Георгий в качестве патрона, нередко можно встретить и фразу: «Бог за нас»⁴⁹⁶.

Вместе с развитием идей реформации, деформируется и религиозное мировоззрение военных, причем идея их «благочестивости» остается в силе, поскольку принятие новых воззрений, по тогдашним представлениям, только приближало к Богу и ничуть не противоречило орденской идее. Так, ландскнехты в войске Франца фон Зиккингена в походе против архиепископа трирского в 1522г. понимали свое дело, как богоугодное, и несли в качестве эмблемы на знамени тетраграмматон, что должно было означать : «Господи, твою волю вершим». В манифесте, распространенном в войске, было подчеркнуто, что ландскнехты - рыцари Господни и борются против врагов евангелизма. Также и в статейной грамоте Зиккингена святость бедности военных людей и их глубокая вера в Бога особенно отмечались⁴⁹⁷.

Впрочем, гораздо большее значение для них, как и для очень многих немцев, имела негативная сторона Реформации - ненависть к попам. Еще в докладной записке, поданной неизвестным военным в городской совет Вормса в 1500г., когда город, поссорившись со своим епископом, готовился к войне, отмечалось: «...все войны, по большей части, поднимают епископы и попы, и тем землю и людей портят». Об учении же о похвальности милостыни, в частности, автор язвительно пишет: «Я считаю, что, когда хочешь дать им Божьей волей один гульден, то они берут его много охотнее, чем геллер, так как имеют много детей и баб, которых они должны кормить»⁴⁹⁸.

Так же, как и многие обыватели, зольднеры направляли свой протест прежде всего на персоны, а не на структуры. Особенную ненависть вызывал римский папа, и ненависть эта старательно подпитывалась. Перед римским походом (1527г.) Георг фон Фрундсберг неоднократно заявлял, что папа Климент VII, как зачинщик войны и большой враг императора, будет наказан и, если понадобится, каз-

нен его собственной рукой, а, кроме того, что дважды обещанное и дважды невыплаченное жалование ландскнехтов находится в сокровищнице замка Святого Ангела. Естественно, что эти речи воспринимались с большим воодушевлением, тем более, что были подкреплены проповедями полевых проповедников, выставивших папу врагом Господа и Антихристом⁴⁹⁹. Поэтому, когда Вечный город был взят, мысли немцев были заняты не только грабежом. Поруганию были подвергнуты как святыни католического мира, так и сам духовный глава западного христианства. Вот что сообщает об этом полевой секретарь и биограф Фрундсберга Адам Райсснер: «Свирепых и противоестественных дел немцы не совершали, но было много озорства. Они надевали кардинальские шапки и длинные красные мантии и так на ослах объезжали город, не переставая удивляться длинным хвостам кардинальских мантий, которые были между ними поводом для многих пересудов, и диспутировали, откуда, все же, такая бесформенная, немужская, бабская одежда имеет свое происхождение. С этой одеждой вели немецкие кнехты свою обезьянью игру и изображали папу с тремя коронами, и с папской помпой ездили перед замком Святого Ангела, а своему карнавальному папе [баварский рыцарь, ротмистер Вильгельм фон Сандицелль⁵⁰⁰] делали реверанс, поднимали спереди свои длинные мантии, так, что задняя часть волочилась по земле, глубоко сгибаясь головой и плечами, целовали ему руки и ноги. Затем ландскнехтский папа стаканом, полным вина, благословлял окружающих и передавал напиток пленному папе. Между тем, кнехтские кардиналы становились на колени и, как послушные чины, также выпивали каждый по стакану, крича при этом, что они хотят быть покорными императору, как главе, а не так, как прошлый упрямец. Под конец они громко кричали, что хотят пожаловать папство Лютеру, и, если кому такое понравится, тот должен поднять руку; потом все поднимали свои руки и орали: Лютер - папа!»⁵⁰¹

Понятно, что папа еще много лет был для немцев олицетворением зла. Ландскнехтские песни называли его не иначе, как отравителем источников, нарушителем мира и Антихристом. С антипапизмом соседствовало выражение надежд на Карла V, который должен был стать народным императором, то есть тем, кем хотели видеть его деда Максимилиана⁵⁰².

В военных конфликтах на религиозной почве: Шмалькальденской войне, Гугенотских войнах во Франции и Нидерландской революции, однако, сам род занятий наемников принудил их к своеобразной «веротерпимости». Приверженцы старой церкви и протестанты могли совершенно свободно оказаться на любой из сторон. Ландскнехты воевали против ландскнехтов, рейтары против рейтар, за Реформацию и против нее. Безработный воин не мог быть разборчив, а вербовщиков не интересовали персональные точки зрения. Если в песнях начала Шмалькальденской войны можно было услышать такие слова:

«Слово Божие они хотят заглушить,

Своей ложью извратить.

Против этого хотим мы бороться

Так долго, как живем.

Хотим мы за это умереть.

Честь и хвала Господу,

Который сказал нам,

Что вечная жизнь там...»⁵⁰³,

и бывали случаи, когда зольднеры при вербовке выставляли условие, что их не будут использовать против евангелистов⁵⁰⁴ и даже, объединенные общим с обывателями религиозным порывом, храбро атаковали превосходящие силы противника, как, например, при осаде императором Магдебурга, граждане которого, по словам одного из них, «в нужде так смело друг за друга встали, и так были едины с рейтарами и кнехтами, что, когда один видел нужду другого, то всем отрядом шли на риск и выручали друг друга, как братья»⁵⁰⁵, то позднее безработица заставила их отказаться от верности принципам.

Тем не менее, военачальники оказались в весьма непростой ситуации, получив в подчинение столь противоречивый в профессиональном плане контингент. Неуважение к религиозным представлениям той или иной группы могло вызвать большие неприятности, а стычки на этой почве между рядовыми, наряду с шулерством, легко становились еще одним поводом для драки. Поэтому был принят целый комплекс мер в целях достижения компромисса. Так, была изменена формула присяги, употреблявшаяся в судопроизводстве. Члены суда теперь больше

не присягали всем Святым, а только Господу, что делало эту процедуру приемлемой, как для католиков, так и для протестантов. Даже в regimentах на испанской службе присяга была соответственно изменена: «Итак, я клянусь и торжественно обещаю, Божьей помощью и Святым Евангелием...»⁵⁰⁶. С наемниками-лютеранами не рисковала связываться даже всемогущая испанская инквизиция. Якоб Ганнибал I фон Хохенэмс, во время войны в Нидерландах против кальвинистов, разрешил отправлять в своих войсках богослужение как католическим, так и лютеранским священнослужителям⁵⁰⁷. Шпейерский рейхстаг еще в 1542г. постановил, что в имперском войске полевые проповедники и капелланы должны проповедовать так, чтобы не вызвать внутренних раздоров. Власти в очередной раз почувствовали себя сидящими на пороховой бочке, и поэтому тогда было даже высказано соображение выставить против турок собственный протестантский контингент⁵⁰⁸. В статейной грамоте Максимилиана II (1570г.) протестантские проповедники фигурируют наряду с католическими священниками. Нередким стал запрет, зафиксированный в некоторых статейных грамотах, на ведение, под угрозой телесного наказания, дискуссий по религиозным вопросам, способных привести к столкновениям⁵⁰⁹.

Угроза потери единства в рядах военных заставила Рейнхарда графа цу Сольмс, известного военачальника, самого первоначально бывшего одним из сторонников Реформации, а затем оказавшегося на стороне императора, обратиться к этой теме в своих «Диалогах», посвященных актуальным политическим проблемам. Неоднократно в них заходит речь о споре между двумя ландскнехтами, один из которых католик, приверженец императора, а другой - евангелист. В «Беседе двух военных» оба кнехта, в конце концов, приходят к выводу, что их употребляют во зло, и Шмалькальденская война не принесет никакой чести. Призыв Сольмса относился, собственно, к орденской идее, дальнейшее существование которой начало казаться ему сомнительным. Диалог заканчивается тем, что оба зольднера обещают, вопреки всем перепитиям, остаться друг другу добрыми товарищами⁵¹⁰.

Надежды Сольмса сбылись, правда, несколько иначе, нежели ему хотелось. Очень быстро разумные шаги властей, а, главное, неумолимые законы рынка сде-

ляли свое дело, и наемники, чья чисто внешняя религиозность и ранее проявлялась наплывами, (так, еще в первой четверти XVI в. в одной из песен, прославлявших военное ремесло, встречаются строки: «...так пробил мне барабан, который мне в девять раз любезней, чем все поповское бормотание»⁵¹¹) вовсе утратили интерес к делам веры, оборвав тем самым последнюю связь с немецким обществом. Их, быстро ставший обычным, лозунг: «Коротких проповедей и длинных колбас!» - звучал резким диссонансом в эпоху грандиозной борьбы идей, однако, ярко выражал позицию корпорации.

Рядовые говорили, «что хоть и дияволу из денег служить готови. И что они солдаты служат за деньги, а не за веру, и молвят вера здесь, вера там, кто болши денег предложит тому и служим»⁵¹². Для военачальников конфессиональная принадлежность также стала формальностью, которая, тем не менее, могла принести значительные выгоды, позволявшие им поддерживать высокий общественный статус, хотя и привязывала к одной из сторон значительно прочнее, нежели рядовых. В начале XVII века и в годы Тридцатилетней войны переход из лютеранства в католичество стал обычным.

Военные не питали иллюзий относительно своего загробного будущего. Если в первой половине XVI столетия распространенным было народное предание, весело обыгранное в двух блистательных шванках Ганса Сакса, повествующее, что на том свете для ландскнехтов выделено специальное место (Warteinweil), где им уготовано ожидать Страшного Суда⁵¹³, поскольку Рай их принять не может (обманув Св. Петра, они все же проникают туда, устраивают дебош, после чего выдворяются из райских кущ так же при помощи обмана, поскольку напрямую конфликтовать с ними не решается даже сам Господь), а Ад - боится⁵¹⁴. В дальнейшем, все же, именно Ад стал считаться более естественным обиталищем для военных, обреченных на геенну огненную самим родом своих занятий, что, впрочем, в силу маловерия и привычки к разнообразным ужасам войны, мало кого из них пугало.

В армейских кругах считалось, что «...меж солдат достигают царствия небесного не мужественные герои и отважные воины, а одни только придурковатые олухи, трусливые разини, слабодушные пентюхи, отпетые лежебоки и им подоб-

ные, которые довольствуются своим жалованием»⁵¹⁵. Отсутствие надежды на райское блаженство в совокупности с жизнью, наполненной риском (в ходу была пословица: «Ландскнехт схож со свиньей булочника тем, что ни тот, ни другая не знают, когда их будут резать и душить»⁵¹⁶) определило специфику зольднерского взгляда на жизнь, философию, основной чертой которой являлся всепоглощающий фатализм.

Тем не менее, ввиду сомнительных загробных перспектив военные, по возможности, старались продлить срок своего земного существования. Истинная вера вытеснялась суевериями, а то и прямым откровенным колдовством. Самым распространенным и безобидным суеверием было представление о существовании счастливых и несчастных дней. Так, например, Рене Лотарингский вынужден был изменить свое решение о начале сражения, поскольку его ландскнехты отказались идти в бой в день Избиения Младенцев в Вифлееме (28 декабря), который считался неудачным для любого начинания⁵¹⁷. Распространенными были представления о том, что, прочитав перед статуей Св. Варвары определенную молитву, можно было вернуться из битвы живым и невредимым, а также, что взглянувший на образ Св. Христофора, не испытает в тот день никаких напастей⁵¹⁸. С иронией эти суеверия высмеивал Эразм Роттердамский в своих «Разговорах за просто». Одному из его героев - трусливому наемнику Трасимаху спяну видится, что статуя святой кивает ему, как бы беря под покровительство, а образ Св. Христофора он, в целях повышения эффективности, сам рисует углем на стенке палатки⁵¹⁹.

Значительно почиталась и сила всевозможных талисманов, главным образом, предохраняющих от ранений, как-то: веревки повешенного, волчьего глаза, головы и крови летучей мыши и т.п. Тем же целям служила и так называемая «das Nothemd» - рубашка, сотканная и сшитая девственницей в ночь перед Рождеством. Защитным средством могла стать также бумажка, исписанная «волшебными» значками, проглоченная и запитая вином, которое необходимо было предварительно перекрестить. По вполне понятным причинам услугам полевых врачей и фельдшеров предпочитали лечение «волшебными травами», а останется ли раненый в живых узнавали, насыпав некий порошок на клинок ранившего оружия,

накаленный над огнем⁵²⁰. К подобным действиям, сопровождаемым «святыми словесами», церковь относилась довольно спокойно, применявшие же талисманы всего лишь осуждались⁵²¹.

Однако «Молот ведьм» (1485г.), признаваемый в качестве непререкаемого авторитета как католиками, так и лютеранами, сообщал и о чрезвычайной распространенности в среде военных и настоящего колдовства. В частности, упоминались стрелки из лука, арбалета и пищали, которые, «дабы не знать промаха», заключали договор с дьяволом и поражали пулей или стрелой изображение Спасителя столько раз, сколько планировалось убить людей в намеченный день. Подобные поступки считались отречением от Христа действием, «...ни с чем не сравнимым поруганием...»⁵²². Равным образом квалифицировалось и уродование распятия с целью избежания ранений (отрубалась или повреждалась та часть тела статуи, защитить которую требовалось), причем сообщалось, что этот безобразный обычай был настолько распространен, что «...из десяти изображений Христа, стоящих на перекрестках, не найдется ни одного совершенно целого»⁵²³. Теоретически крайне предосудительным признавались и предохраняющий заговор «богохульными словами», и заговор оружия.

Практически о том же, в начале XVII века, то есть более чем через сто лет, писал Й.Я.Валльхаузен, отстаивая веру в Бога, которого, по его словам, должен иметь в сердце каждый военный: «...а на иные заказанныя идольския меры и на ведонство не надеяться и от оружия от поколотия на стрелбы не заговариватися. Которое все от дьявола есть, но защите и оборонению его быти то, что Бога в сердца своем имети, который многим лутчи может помощи и избавить, нежели такая идолския и диаволския меры. А те которыя таких мер держатся не Бога, но дьявола в сердца своем имеют»⁵²⁴.

Характерно, что «Молот ведьм», предусматривая в качестве наказания для приютивших стрелков-колдунов и пр. князей и военачальников отлучение от церкви, особенно оговаривает неприкосновенность войска, «находящего удовольствие в меткой стрельбе колдуна»⁵²⁵, то есть даже строгие отцы-инквизиторы, подобно светским властям, опасаясь наемников, относились к их «грешкам» попустительски даже на бумаге. В реальности же, практически все действия колдовско-

го характера, совершенные военными, оказывались безнаказанными даже в пик охоты на ведьм и, более того, нередко приветствовались командованием. Судя по всему, довольно типичной являлась ситуация, описанная Г.Я.К.Гриммельсгаузенем, в которой фигурировал профос-колдун. «Искусство» этого профоса, который «был заклятый чернокнижник, умел вертеть решето и заклинать дьявола, и не только сам был крепок как булат, но и других мог сделать неуязвимыми и, вдобавок, напустить в поле целые эскадры всадников [создать мираж]...»⁵²⁶, не считалось грехом и использовалось на практике, к примеру, для выявления вора, причем на официальных началах. Распространенным видом колдовства считался и заключенный с дьяволом договор, имевший целью обеспечение постоянного успеха в игре.

Естественно, такая, абсолютно противоположная всеобщей, атмосфера не могла способствовать проявлению даже внешнего уважения к религии. Церкви и монастыри безжалостно разорялись, священнослужители подвергались всевозможным издевательствам, вопреки строжайшим запретам статейных грамот. Собственные капелланы нередко оказывались на положении шутов. Однако самым укоренившимся пороком, резко бросавшимся в глаза, были божба и богохульство, почти единственные в то время формы брани, производившие настолько глубокое впечатление на современников, что в немецком языке до сих пор употребительным является фразеологизм «ругаться (проклинать) как ландскнехт» («fluchen wie ein Landsknecht»). В одном из военных трактатов была даже приведена ироническая схема, изображавшая распространенные объекты божбы: распятия, раны Христовы и т.п. Разумеется, это также предусматривало наказание вплоть до лишения жизни, но лишь формально. Поэтому неудивительно, что постороннему наблюдателю солдаты казались «хулителями Христа и его учения, а вовсе не христианами»⁵²⁷. До некоторой степени такое утверждение соответствовало действительности.

Жизнь наемника, протекавшая в полном соответствии с популярным в то время мотивом колеса Фортуны, не отличалась упорядоченностью. Ландскнехт жил одним днем, справедливо полагая, что этот день может оказаться последним. Поговорка гласила: «Редко можно найти старого ландскнехта»⁵²⁸, поэтому зольднер

старался жить широко, получая максимальное удовольствие от всех мыслимых бранных радостей жизни. Добытое мечом проживалось очень легко. «Был я и беден, и снова богат...»⁵²⁹ - произносит ландскнехт, изображенный на старой немецкой гравюре. Всякое стремление к накопительству у простых кнехтов, в отличие от их вождей, отсутствовало напрочь. Честолюбивые устремления, во времена, когда с каждым годом продвинуться хоть на ступень по служебной лестнице становилось все тяжелее, также не были свойственны массе рядовых. Временами солдат мог умирать от голода и ходить в лохмотьях с чужого плеча, но, если всемогущая Судьба была к нему благосклонна, он пил лучшие вина, объедался редчайшими яствами, поглощая все это в невероятных количествах, поражавших даже известных чревоугодников - французов, увешивал себя золотом, одевался в бархат, шелка и венецианскую парчу. Он быстро спускал все свое достояние, обогащая проституток, виноторговцев, «торгашей и евреев»⁵³⁰.

Однако главной страстью военных всегда оставалась игра в карты или в кости (зернь), возможно потому, что в ней, как в зеркале, символически отражалась их судьба. Азартные игры, неумность в которых солдат стала притчей во языцах, многократно запрещались под страхом сурового наказания, будучи как источником беспорядков, так и, нередко, приводя к проигрышу коня или оружия наемника, что было совершенно недопустимо, поскольку являлось прямым нарушением контракта. Но все запреты оказывались бессмысленными, и потому в ходу было мудрое решение проблемы - для игры выделялась специальная площадка в лагере, которая могла бы до некоторой степени контролироваться властями⁵³¹.

Таковыми же напрасными оказывались запреты и ограничения на употребление спиртного, часто встречающиеся в статейных грамотах. Без алкоголя война не мыслилась как таковая. Он занимал видное место среди важнейших военных припасов. Немецкие зольднеры долгое время оставались не только первыми вояками в Европе, но и первыми пьяницами. Именно ландскнехты приучили к беспардонному пропойству швейцарцев, ранее чуждых этому. Именно в военной среде вошел в употребление дурной обычай отвечать вдвойне на предложенное угощение⁵³². Вообще, складывается впечатление, что все мыслимые и немыслимые пороки усваивались военными сразу же по мере их появления на свет. Так, в

XVII столетии немецкие наемники переняли от английского корпуса в Богемии и курение⁵³³. Сексуальная жизнь зольднеров, к примеру, была настолько беспорядочной, что завезенная моряками Колумба так называемая «испанская (или «французская») болезнь», то есть сифилис, приняла уже в начале XVI века эпидемический характер⁵³⁴.

Специфическая жизненная философия, да и, в сущности, само мировоззрение наемников в совокупности всех своих составляющих не могли не создать особую атмосферу - атмосферу вседозволенности, существовавшую в наемных войсках. Испанские и немецкие наемники-профессионалы, в сознании которых существовала лишь война, чрезвычайно жестоко обходились с мирным населением, в отличие, например, от швейцарцев, не только скованных более жестокой дисциплиной, но и, что немаловажно, в большинстве своем имевших на родине собственное хозяйство и потому ощущавшими себя, может быть, в большей степени крестьянами, чем военными. «Милосердный ландскнехт перед Богом - мученик»⁵³⁵, - гласит немецкая пословица, однако, как уже упоминалось, ни во что не ставя чужие жизни, наемник очень мало ценил и свою. Тем не менее, для него имело огромное значение то, как он умрет. Единственной достойной кончиной признавалась смерть на поле боя. Неудивительно, что эпидемии и голод, уносившие значительно больше жизней, нежели оружие противника, старательно изгонялись из сознания воинов. Очень редко они упоминались в военном фольклоре. Даже жесткий реалист Йорг Графф обходил эту тему в своей песне об Ордене ландскнехтов, упоминая только о бедствиях безработных зольднеров: «Но как можно быть в строгом Ордене? Они страдают от большой нужды ночью и днем»⁵³⁶. Прочие же авторы, как правило, вообще стараются не упоминать о негативных моментах солдатской жизни, на практике куда более весомых, чем позитивные. Это не должно удивлять, поскольку орденская идеология как раз и служила тому, чтобы скрыть, по возможности, теневую сторону, преобразить ее или, по меньшей мере, помочь кнехтам преодолеть все те напасти, которые были столь же неизбежными спутниками зольднера, как и его непомерно раздутый гонор. Ханс Беер фон Кронах жаловался в своей «Прекрасной песне о походе в Барбарю» (1564г.), что при взгляде на бедствия, выпавшие на долю военных, «может разорваться стальное

сердце»⁵³⁷. Впрочем, о теневой стороне никогда не забывали современники - критики наемничества, всеми силами стараясь разрушить образ воина, преподносимый обществу самими ландскнехтами.

Со временем средства орденской идеологии, лишенной одной из своих главных основ - «патриотической» идеи верности Священной империи - становились все менее эффективными. Постепенное обнищание немецких военных, как и все более заметное снижение их престижа в глазах общества, не могло не отразиться на уровне самооценки наемников, особенно пехотинцев. Еще одним и самым болезненным ударом стал переход большей части дворян из их рядов в ряды рейтарской конницы, более престижной и лучше оплачиваемой. Этот удар стал, прежде всего, ударом по идеологии, обеспечивавшей высокий статус ландскнехта в глазах самих наемников. Если еще в 1495г., задолго до прихода к ним общеевропейской славы, ландскнехты пели о себе:

«Ландскнехтов восхваляют:

Они поддерживают Римскую империю

Как умело и как мудро

И, вместе с тем, храбро!

О, король, они стоят [перед тобой] в шляпах,

Ты теперь не можешь добиться больше ничего доброго

Без благочестивых ландскнехтов»⁵³⁸,

то с середины XVI века их песни вообще звучали все реже и реже. Снижение боеспособности, усугублявшееся издержками профессионального наемничества, отсутствием каких-либо движущих сил, помимо жажды наживы и лютой злобы по отношению к отвергшему их обществу, привело к тому, что действительно славных побед становилось все меньше и меньше, да и сама стратегия тогдашней войны крупным сражениям все более предпочитала планомерное разорение вражеских земель. Кроме того, ввиду повсеместного создания национальных или, по крайней мере, постоянных иноземных войск, сфера, в которой немецкие зольднеры могли найти применение своим силам, постоянно сужалась. Гордые своей силой ландскнехты и, несколько позднее, рейтары все заметнее превращались в трактирных хвастунов и пустословов. Само, некогда славное, имя «ландскнехт»

встречается все реже, и с последней трети XVI столетия если и употребляется, то скорее в ироническом смысле.

Самым ярким свидетельством потери ими самоуважения являлся, казалось бы, косвенный факт. Ранее с возмущением отказывавшиеся от любой физической работы, кригскнехты в конце XVI столетия уже готовы были согласиться на нее, в случае крайней необходимости, при условии своевременной выплаты жалования. На практике это означало отказ, однако, сам факт признания такой возможности говорит уже о многом. В годы же Тридцатилетней войны обнищание наемников-пехотинцев достигло такой степени, что многие, правда, за отдельную плату «рыли шанцы и ломали как лошади»⁵³⁹. В это время, особенно в гарнизонах, наблюдалось явление, прежде невиданное: некоторые солдаты возвращались к занятию ремеслом⁵⁴⁰.

В результате наемники были доведены до такого состояния, что, ради надежного куска хлеба, который предоставляла постоянная служба, например, в войсках Морица Оранского, они были готовы подвергнуться муштре и отказаться от всех привилегий и вольностей, которыми прежде так дорожили. Краткосрочное подрядное наемничество неуклонно близилось к своему концу, и немалую роль в этом сыграло и преобразившееся групповое сознание.

Тем не менее, полная резких контрастов жизнь военного затягивала во все времена. Раз выбрав себе дорогу, человек, ставший наемником, очень редко поворачивал назад, возвращаясь к размеренному, скучному и скудному существованию обывателя. И дело тут не только в том, что у него обычно не было такой возможности. На его пути вставал непреодолимый психологический барьер, и в этом смысле, образ жизни зольднера был схож с образом жизни алкоголика, неспособного отказаться от своего пагубного порока. Кроме того, различия в мировоззрении между военными и невоенными были настолько велики, что пропасть, развершаяся между ними, в подавляющем большинстве случаев оказывалась непреодолимой.

§ 2

Наемники и наемничество в общественном восприятии.

Общественное восприятие любого исторического явления, события находится в самой непосредственной зависимости от трех факторов: наличествующей объективной реальности, понимаемой на бытовом уровне через призму общепринятых представлений, ее идеологически обработанного варианта, а также от настроения, господствующего в данном обществе в конкретный исторический момент.

Изначально заложенный максимилиановской пропагандой нового военного сообщества идеологический заряд оказался тем более сильным, что находился в полном соответствии с особой атмосферой духовного подъема, сохранявшегося в Германии на протяжении всего царствования императора и первой половины правления его внука и наследника Карла V.

С их именами немецкое общество связывало огромные надежды на религиозное и нравственное обновление, на прогрессивные преобразования, на государственную консолидацию империи. Создание корпуса ландскнехтов как потенциального ядра общеимперского войска оказалось весьма созвучным всеобщему настроению. Еще в большей степени на признание этих формирований повлияло то, что, во-первых, их создание являлось одним из немногих нововведений Максимилиана I, по крайней мере, несколько десятилетий казавшихся успешными, и, во-вторых, к нему, в отличие от прочих, не прикладывали рук ни юристы, ни священники, столь ненавистные немецкому обществу того времени. Помыслы ландскнехтов, осколка желанной, но полностью проваленной общеимперской военной реформы, были понятны и близки немецкому народу, расценивавшему их как наиболее доблестных и, вместе с тем, предприимчивых сограждан. Их реформаторские настроения, декларирование идеи преданности императору и борьбы за справедливость (пусть никогда и не конкретизированную) разделялись абсолютным большинством и, более того, диктовались этим большинством. Так, на титульном листе первого издания «Диалогов» Ульриха фон Гуттена, лично но-

сившего пику пехотинца в Венецианской войне, именно ландскнехты изображены изгоняющими попов⁵⁴¹.

На тот момент и объективная реальность лишь подтверждала и укрепляла сложившееся общественное мнение. Громкие и славные победы при Бикокке и Павии над французами - врагами империи, посягавшими на уничтожение ее национального характера, особенно отчетливо проявившегося в этот период, и швейцарцами, которых в Оберланде - родине ландскнехтов - терпеть не могли как очень дурных соседей, а в солидных имперских кругах почитали сепаратистами, предателями и смутьянами, взятие в 1527 г. Рима - цитадели папства, которое ненавидела вся Германия и, наконец, героическая оборона Вены от турок, несколько десятилетий опустошавших юго-восточную часть империи, злобных и кровожадных язычников, которыми пугали детей - вот те дела, которые сделали образ ландскнехта, и без того уже романтизированный официальной идеологией, еще более привлекательным. Все крупные военные кампании, вплоть до Великой Крестьянской войны, в основном, обходили немецкие земли стороной, так что у немцев не было возможности близко познакомиться с методами ландскнехтов, очень быстро ставших самыми популярными и яркими фигурами в Германии. Пик популярности пришелся на 20-30 гг. XVI века, но любовь к этим народным героям оказалась настолько сильной, что ее отголоски можно было встретить и в те времена, когда реальные основания для столь глубокого чувства были давно уже исчерпаны.

Особенно популярны ландскнехты были в бюргерской среде⁵⁴². Обывателей восхищал высокий статус воина, гордо носимый кнехтами, причем статус практически настоящего воина, сражавшегося наравне с благородными, пусть и в пехоте, но пехоте, приобретшей качественно иное военное значение. Высокий социальный статус дворянина в конце XV - нач. XVI веков, когда он перестал быть чем-то абсолютно недостижимым, а потому и не интересовавшим прагматичное бюргерство, приобрел в его глазах особую ценность, поскольку стал, пусть теоретически, вполне достижимым, причем, одним из основных путей его приобретения стала военная служба⁵⁴³. Надежда на подобную перспективу приводила в ряды предводителей наемников многих талантливых и предприимчивых людей, хо-

тя, значительно большей притягательной силой обладала менее честолобивая, но, в то же время, более реальная надежда на быстрое обогащение. Ландскнехт был воином из народа, воином, которым при желании мог стать каждый, даже крепостной, приобщившись тем самым к ореолу благородства, рыцарственности и свободы, окружавшему новое военное сообщество, наделенное многими, весьма значительными в глазах простолюдина, особенно молодого и не имевшего видимых перспектив, привилегиями.

Самим своим существованием ландскнехты наносили достаточно серьезный, по крайней мере, в сфере общественного сознания, удар по старой сословной системе, где доминирующее положение в общественной иерархии было теснейшим образом связано с военным занятием. На них щедро переносились добродетели, прежде считавшиеся исключительно рыцарскими, врожденными: мужество, смелость, неустрашимость и т.п. Славу недавнего соседа и приятеля бюргеры отчасти распространяли и на себя, поскольку она давала возможность осознать собственную значимость, почувствовать гордость за сословие, сопровождавшуюся в этот момент кратковременного, но высокого взлета имперской идеи, и национальной гордостью.

Боевые песни ландскнехтов издавались огромными, по тем временам, тиражами, ландскнехтов можно было постоянно видеть изображенными на летучих листках. В них собирались, по мнению обывателя, все мужские доблести. Для художников, которых не мог не подкупить необычный, эпатажирующий облик зольднера, ландскнехт стал олицетворением воина вообще. Среди людей искусства, увлеченных романтическим образом ландскнехта были такие крупные художники как Альбрехт Дюрер, Лукас Кранах, Лука Лейденский, Урс Граф, Франц Брунн, Ханс Бургмайер, Альбрехт Альтдорфер и многие другие. На их картинах и гравюрах ландскнехты переносились в прошлое, становясь участниками событий библейской, а также и античной истории.

Ландскнехт стал излюбленным персонажем шванков в поэзии и прозе, принадлежащих перу виднейших мастеров майстерзанга: Ганса Сакса, Виркхарда Вальдша, Томаса Мурнера, Ханса Бебеля, Йорга Викрама и др.⁵⁴⁴, что также доказывало его популярность и близость к народу. Только ощутив себя причастными

к военной профессии, горожане сочли возможным включить воинов в круг традиционных персонажей своих сатирических и юмористических произведений. Их восхищало не только мужество и храбрость ландскнехтов, подававшиеся зачастую весьма пафосно, фарсы и шванки подчеркивали их хитрость и веселое лукавство, невероятные способности к улучшению собственного положения в скудный период ожидания найма⁵⁴⁵. Добродушные смешки вызывало перемежающееся яркой божбой хвастовство и бахвальство кнехтов в тавернах и на постоянных дворах. Томас Мурнер вывел такого хвастуна - «кусателя стали» («der Eisenbeißer») в своем знаменитом «Цехе плутов»:

«Я кнехт - кусатель стали,
 Далеко и широко завоевал большую хвалу,
 Землю и людей я покорил,
 Но сделал это почти только языком.
 Кто не знает верно великих клятв
 Божьими страстями, ранами, падучей болезнью, исцелением,
 Тот не получит никакого двойного жалования,
 Если же шельма много проклятий знает,
 Его скоро выберут хауптманом»⁵⁴⁶.

Мнимая «благочестивость» ландскнехтов становится излюбленным предметом для шуток и поводом для создания преднамеренных недоразумений. Однако характерно, что в этих бесчисленных анекдотах ландскнехтские пороки, в дальнейшем чрезвычайно порицаемые, пока еще показываются очень снисходительно. Историк-культуролог Г.Либе так пишет об образе ландскнехта в немецкой литературе начала XVI века: «Он безобидный брат Лустиг [весельчак] или неуклюже-добродушный кусатель стали, верное воплощение старого немецкого типа характера, немецкого Михеля [ироническое прозвище немецкого бюргера]⁵⁴⁷».

Любимым объектом ландскнехты стали и для немецкой карикатуры, признанным мастером которой считался Урс Граф, но и эти карикатуры в большинстве своем были лишены язвительности, скорее, носили характер дружеского шаржа.

Еще одним, и очень важным, свидетельством высокой степени общественного признания является появление в первой половине XVI в. множества подражате-

лей ландскнехтов, особенно, среди молодежи, старательно копировавших все: их необычно короткие стрижки и фантастические бороды, их пышную, многоцветную одежду, их распушенность в манерах и сумасбродство. Ландскнехты вошли в моду, и эта мода распространилась настолько широко, что проникла даже в круг высшей знати, о чем неоспоримо свидетельствуют многочисленные портреты той эпохи.

Первоначально, высшие слои общества приняли «новых военных» с естественным недоверием. Однако после первых успехов, когда ряды военных предводителей стали постепенно пополняться за счет представителей многих видных семейств, отношение благородных к пехоте стало изменяться от гордого отторжения в сторону, пусть не такого однозначного, как в среде бюргерства, но, все же, признания, по крайней мере, верхушки корпорации⁵⁴⁸. Впрочем, это признание отнюдь не означало большой любви, скорее, оно было уступкой общему настроению, умело созданному Максимилианом, замешанной к тому же на страхе, и, для многих, жесткой, вызванной все более очевидным экономическим упадком, необходимости поиска новых средств существования.

Немецкие крестьяне также не могли относиться к военным с восторгом, равным бюргерскому, поскольку обязанность по прокормлению безработных кнехтов, целиком легшая на их плечи, уже в начале XVI века была достаточно обременительной, однако, и они первоначально смотрели на ландскнехтов как на людей весьма авторитетных и не чуждых нуждам народа. Это доказывает и практика заговоров Союза Башмака, и уважение, с которым нередко относились к мнению ландскнехтов, принявших сторону восставших в Великой Крестьянской войне. Ландскнехтам, например, иногда удавалось несколько охладить революционный пыл повстанцев и удерживать горячие головы от нарушения традиций военного права и военных обычаев⁵⁴⁹.

Отношение общества к зольднерам начало изменяться после Крестьянской войны, когда, с одной стороны, на них чрезвычайно обозлились крестьяне, хотя по отношению к последним со стороны ландскнехтов и не было проявлено еще особенного зверства, скорее наоборот, поскольку часто было гораздо выгоднее взять выкуп за жизнь крестьянина, нежели убить его. От исполнения жестоких

наказаний, предписанных Георгом фон Вальдбургом или герцогом Антоном Лотарингским, военные нередко отказывались⁵⁵⁰ из тогда еще бытовавших принципиальных соображений, но, тем не менее, отношения с ранее дружественным крестьянством были изрядно испорчены. О ландскнехтах же, сражавшихся на стороне крестьян, не сохранили добрых впечатлений и лица, пострадавшие от рук восставших. Однако в тот момент, особенно в глазах бюргерства, почти не затронутого войной, все эти издержки с лихвой покрывались военными успехами в Италии.

В тот период была еще типичной озабоченность городов судьбой своих граждан, воевавших на чужбине. Так, например, юберлингенский городской совет предпринял массу усилий, увенчавшихся успехом только через несколько лет, чтобы выяснить судьбу ушедшего в 1526 г. в Италию с войском Фрундсберга Морица Бехера. В 1531г. вернулся его сослуживец, принеся известие, что Бехер во время похода на Рим с несколькими товарищами «ушел на добычу и был убит обозленными крестьянами»⁵⁵¹. Нередко родная община принимала участие и в судьбе зольднеров, попавших на чужбине в безвыходное положение. Когда юберлинжец Симон Гаух, находившийся на испанской службе, должен был, вместе с еще восьмьюдесятью кнехтами, быть доставлен с Сардинии в Испанию, вероломный капитан привез воинов в Марсель, где и продал в качестве галерных гребцов. В родном городе о несчастной судьбе Гауха узнали от одного сентгалленского купца, случайно оказавшегося в Марселе, который привез его семье просьбу о выкупе. Городской совет озаботился отправить в Сент-Галлен запрос о степени доверия к вышеупомянутому купцу, чтобы в дальнейшем уведомить семью своего бюргера⁵⁵². Советы брали на себя и обязанность представлять интересы солдатских вдов, если они не сопровождали мужа в походе, требуя от предводителей наемников выплаты жалования, заработанного погибшими, их наследникам.

Период, когда ландскнехты, постепенно становясь подлинными профессионалами войны, все реже стали возвращаться домой, предпочитая вольную жизнь военного тяжелой и рутинной работе, сами города переживали очень нелегко, поскольку нередко это имело весьма малоприятные социальные, правовые и мо-

ральные последствия для размеренной жизни общины. Так, например, аугсбургский совет в 1509г. получил запрос от совета Тюбингена, интересовавшегося: известен ли там тюбингенский бюргер Ханс Зибер, ушедший за два года до этого на войну в Италию. Дело в том, что было получено известие о его смерти, и жена Зибера, оставшаяся вместе с многочисленными детьми, без средств к существованию, вторично вышла замуж, однако, вскоре после этого, один из возвращавшихся из итальянского похода кнехтов поклялся собственной головой, что оставил Зибера в Аугсбурге живым и здоровым. Тюбинген оказался перед лицом громкого скандала. Священник отказал жене Зибера в праве проживать с новым мужем. Эта проблема, с точки зрения тюбингенцев, затрагивала интересы всей общины, потому-то городской совет и просил помощи у коллег из Аугсбурга в проведении самого скорого и тщательного расследования⁵⁵³.

Впрочем, со временем, когда зольднеры стали считаться пропавшими для города навсегда, их судьба перестала волновать сограждан. Замыкание корпорации серьезно повлияло на изменение общественного мнения, в особенности, мнения простого народа. Воин переставал быть соседом и другом. Уходя на войну, он все реже возвращался, а при встрече вел себя более чем заносчиво. В 50-х годах XVI века еще встречались единичные случаи, когда община принимала участие в сборе денег для выкупа попавших в плен ландскнехтов, как это было, например, в Форарльберге в 1552г., когда примерно двести пятьдесят уроженцев этого города оказались в турецком плену⁵⁵⁴. Правда, в этом случае речь шла о зольднерах, защищавших имперские интересы. В другой ситуации город, скорее всего, поступил бы иначе. В любом случае, во второй половине столетия подобные примеры не зафиксированы вообще.

Коренной перелом в общественной оценке военных наступил в период Шмалькальденской войны (1546-48, 1552-55гг.), когда немцы воевали против немцев, а, главное, когда зверства наемников уже нельзя было игнорировать, поскольку театр военных действий переместился из отдаленных областей непосредственно на немецкие территории. Гордые и пафосные портреты военных, столь любимые ранее, теперь встречались значительно реже. Духовенство и благомыслящее бюргерство начали довольно резко порицать наемников за их пороки:

страсть к азартным играм, пьянству и разврату, божбу и богохульство. Характерно, что этот перечень был известен изначально и в неизменном же виде просуществовал вплоть до середины XVII века. Однако в связи с общим изменением настроения общества изменялась и точка зрения на привычки военных. Если в начале XVI века они расценивались как, в общем-то, милые и безобидные, одних восхищавшие, а других смешившие, то в середине столетия на них уже смотрят, как на пороки, в дальнейшем же - не иначе, как на смертные грехи. Тем не менее, следует отметить и тайную зависть, существовавшую по отношению к зольднерам. Для обывателя военный на протяжении исследуемого периода являлся символом всех бранных земных радостей, запретных для него самого, поэтому очень распространенным в изобразительном искусстве стал сюжет единоборства ландскнехта со Смертью. Утешением для завистников должно было послужить неизбежное поражение воина⁵⁵⁵.

Однако, прежде всего, тем, с чем так и не смогло никогда смириться общество, являлась профессиональная беспринципность зольднеров по отношению к целям войн, для участия в которых их нанимали. Этого не понимали обыватели и об этом горько сожалели лучшие, патриотически-настроенные, умы уже в начале XVI столетия: «Чем могла бы быть Германия, если бы она хотела пользоваться своей силой в своих же интересах! Ни один народ в мире не мог бы противиться ей!»⁵⁵⁶. Общество не смогло принять саму суть немецкого подрядного наемничества, столь метко и цинично выраженную известным военачальником Шмалькальденской войны Себастьяном Шертлином, как-то заметившим, что ему совершенно не важно, кто одержал победу в войне, если он сам возвращается с нее с туго набитым кошельком⁵⁵⁷. В середине века Ганс Сакс писал о ландскнехтах, шутливо перечислив их обычные пороки:

«...Зато всегда готовы служить
 Тому, кто вздумает им платить,
 А прав их вождь иль, может, не прав,
 Им дела нет, таков их нрав»⁵⁵⁸.

То же самое продолжало возмущать и другого известного немецкого поэта, Пауля Флеминга, еще через добрых восемь десятков лет. Он, вдохновленный

Тридцатилетней войной высказывался еще более жестко и определенно, с прорезавшимся в это время горчайшим сарказмом:

«Смотри как воинство отважно атакует
 Спасенных жителей! Отечество ликует:
 Освободили мы любезных земляков
 Сначала от врага, затем от кошельков.
 На то ведь и война. Не трогает солдата
 Вопрос: кому служить? Была б повыше плата!»⁵⁵⁹

Уже Ганс Сакс, очень далекий от лубочных восторгов первой четверти XVIв., в своих шванках о наемниках, осуждая их манеры и образ жизни, не упоминает ни одного достоинства последних. Но куда более отрицательны отзывы позднейших литераторов. В бессмертном романе Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Симплициссимус», написанном вскоре после окончания Тридцатилетней войны, автор, будучи непосредственным участником событий, выражает общественное настроение в гораздо более резкой форме а главное, без малейшей доли прежнего относительно мягкого юмора. Вот как он пишет о судьбе и роли солдат: «Жрать и упиваться, глад терпеть и от жажды изнывать, таскаться и волочиться, кутить да мутить, в зернь и карты играть, других убивать и самим погибать, смерть приносить и смерть принимать, пытать и пытки претерпевать, гнать и стремглав удирать, стращать и от страху пропадать, разбойничать и от разбоя страдать, грабить и ограбленными бывать, боязнь вселять и в боязнь впадать, в нужду ввергать и нужду сносить, бить и побитыми уходить, и в совокупности одну только пагубу и вред чинить, и паки, и паки себя погублять и повреждать, и таковы все их деяния и самая сущность: и ни зима - ни лето, ни снег - ни лед, ни зной - ни стужа, ни дождь - ни ветер, ни холм - ни лог, ни луг - ни топь, ни рвы, ни ущелья, ни моря, ни вода, ни огонь, ни крепостные валы и стены, ни отец, ни мать, ни брат и сестра, ни ущерб для их телесного здоровья, душевного спасения или совести, ни утрата самой жизни, или же царствия небесного, или же иной какой вещи - как она там не зовись - не могут им в том воспрепятствовать»⁵⁶⁰.

Исчезновение снисходительного юмора, веселого смеха по отношению к военным, проявление, в лучшем случае, самой мрачной иронии - важнейший пока-

затель кардинального изменения общественного мнения. Особенно Гриммельсгаузен, также как и многие до него, выделяет двойственность положения солдат, резкую контрастность их жизни. Готовность военных служить любому платежеспособному господину, их фатализм, стремление жить одним днем, подчиняясь всем прихотям Фортуны, их безразличие к жизни и смерти так никогда и не были поняты немецким обывателем.

С середины XVI в. нападкам стали подвергаться не только военные, но и их многочисленные поклонники среди молодежи, все еще придерживающейся ландскнехтской моды, отринутой к тому времени людьми зрелыми и благоразумными.

«Такие парни ведь бывают:

Они ландскнехтам подражают,

Их речь, замашки, поведенье

Встречают всюду осужденье»⁵⁶¹ -

писал Ганс Сакс, посвятивший один из своих шванков осуждению молодежной контркультуры. Особенно яростными обличителями были проповедники, нападавшие даже на причудливые фасоны «военной» моды, в особенности на знаменитые ландскнехтские шаровары - плюдерхозе (die Pluderhose), порой достигавшие невероятных размеров. Так, один из них, магистр Вестфаль говорил: «Кроили и перекраивали штаны на разные манеры, и такая отвратительная из них одежда вышла, что честному человеку становится страшно и возмутительно. Никакой вор на виселице не болтается так отвратительно и так не растерзан, как нынешние штаны наших железоедов и буянов»⁵⁶². Характерно, что священнослужители, даже осуждая военных, не упустили случая отпустить шпильку и в адрес своих идейных противников и конкурентов, поскольку плюдерхозе, например, считались изобретением протестантов: «Кто хочет видеть такие штаны, тот пусть ищет их не у католиков, а идет к лютеранам и евангелистам. Там он насмотрится на них до тошноты и омерзения так, что у него защежит сердце и он задрожит от ужаса, как перед каким-нибудь морским чудищем...»⁵⁶³ - вещал другой проповедник.

Со временем в борьбу с эпигонами наемников вступили и местные власти, поскольку связываться непосредственно с военными, по крайней мере по такому поводу, они не рисковали. Издавались всевозможные запреты, нарушившие их

сажались, на потеху толпе, в клетки или же их шаровары разрезались прямо на улице⁵⁶⁴. И все же, в середине столетия общественное мнение ограничивалось только признанием необходимости порицания, оставаясь относительно индифферентным. Однако уже очень скоро эта нейтральность - плод временного замешательства, вызванного неожиданным разочарованием - сменяется все более возрастающей ненавистью, смешанной с презрением.

Презрение вызывали, главным образом, обнищание и последующая маргинализация наемников, все большая утрата квазисословием четких очертаний и размывание твердых идеологических постулатов, чуждых, но вызывавших уважение, вырождение корпорации в своего рода полунищенское и полу криминальное образование. Ситуация усугублялась и проникновением в утратившие стройность ряды корпорантов по-настоящему криминальных элементов, мошенников, спекулировавших на былой славе и привилегиях наемников. Народ прекрасно осознавал это обстоятельство, о чем недвусмысленно свидетельствует поговорка: «Не все те ландскнехты, кто носят длинные пики»⁵⁶⁵, но, тем не менее, негативное отношение к настоящим военным от этого только усиливалось.

Снижение самооценки наемников также, безусловно, оказало влияние на их восприятие обществом. Так, автор одного из сатирических стихотворений последней трети XVI в. язвительно отмечал:

«Нищий люд и сословие ландскнехтов -
Такие близкие родственники,
Что не должны
Давать друг другу детей для брака»⁵⁶⁶.

Постепенно рядовые наемники стали рассматриваться как подонки общества, люди вне закона. О степени падения их престижа ярко говорит и то, что словом «ландскнехт» в это время начали называть дурную болезнь.

Самую яростную реакцию солдаты вызывали у сельских жителей, больше всех страдавших как от грабежей во время войн, так и от вымогательств и воровства «братьев, ожидающих найма» («die Gartenbrüder») в мирное время, отчаявшихся получить против них серьезную защиту со стороны властей. Еще до начала Тридцатилетней войны, в ходе которой противостояние крестьянства и военных

приняло немислимо дикие и кровавые формы, в 1615г. Й.Я.Валльхаузен предупредил в своем военном трактате, что войску в походе следует опасаться не только неприятеля, но и «от мужиков гораздо беречися»⁵⁶⁷. Наемники и крестьяне видели друг в друге кровных врагов, обычным способом общения между ними стала самая жестокая вендетта, столь красочно описанная Гриммельсгаузенем⁵⁶⁸. Подобное отношение не было новинку для ветеранов, еще в период Итальянских войн неоднократно наблюдались нападения крестьянских отрядов на незначительные или невооруженные (отпущенные из плена и т. п.) группы зольднеров. Отличие было только в том, что теперь немецкие военные стали подвергаться нападениям немецких же крестьян.

Восхищение и уважение, ненависть и презрение по отношению к военным перманентно сопровождалось чувством страха, единственным чувством, оставшимся неизменным на протяжении ста пятидесяти лет. Разнузданной, буйной и, вместе с тем, сплоченной корпорации боялись все: и селяне, и бюргеры, и церковники обеих конфессий, и знать, и князья, и император, и даже сами предводители наемников.

Страх, чем дальше, тем больше перераставший в патологический животный ужас, сопровождал корпорацию на всем пути ее существования. Еще в 1504г. Регенсбург закрыл свои ворота перед воинами императора, победителями в битве при Венценберге в войне за Баварско - Ландсхутское наследство. Несмотря на дождь, ландскнехты должны были разбить лагерь в поле, поскольку горожане испугались возможных последствий их победного пыла⁵⁶⁹. Когда в 1525г. войско Швабского союза должно было пройти через Нюрнберг, который сам участвовал в его финансировании, все двери и окна в домах были заперты, все переулки были перекрыты цепями и рогатками. На площадях стояла конница, готовая к вооруженному вмешательству в случае любых эксцессов. Городская артиллерия была также приведена в состояние полной боеготовности, жерла пушек были направлены на кнехтов Союза⁵⁷⁰. Поведение городских властей легко понять, учитывая, что даже с отдельными ландскнехтами, не желавшими на территории города оставлять свои грубые лагерные привычки, они постоянно имели проблемы. Дебо-

ши военных в городских трактирах и «веселых домах» (борделях) были обычным явлением⁵⁷¹.

На этом фоне бурю негодования со временем стала вызывать мнимая благочестивость ландскнехтов, переставшая уже быть предметом для шуток:

«Благочестивыми ландскнехтов зовут,

Напрасно только люди врут.

Готов поклясться, что вояки эти

Всех лютее на белом свете»⁵⁷².

Постепенно прочно укоренилось отношение к военным, еще недавним «рыцарям Господним» как к людям, пропащим для Бога и даже как к врагам рода человеческого. Никого уже не могло удивить, что одна, обвиненная в 1599г. в колдовстве, женщина под пытками показала, что дьявол явился к ней в облики ландскнехта, после того, как ее дом был ограблен⁵⁷³. Если в первой половине столетия ландскнехты еще могли послужить моделью при изображении некоторых Святых, например, Св. Флориана, Св. Георгия, Св. Мартина и т.п.⁵⁷⁴, то в дальнейшем, в виде ландскнехтов, в лучшем случае, стали изображать только римских легионеров, распявших Христа, или воинов Ирода, устроившего Вифлиемское избиение младенцев.

Однако гораздо раньше, нежели широкие народные массы, в ряды потерянных душ ландскнехтов определили гуманисты. Эразм Роттердамский еще в самом начале XVI в. писал, что душа наемника, коим он почитал любого воина, исключая только тех, кто непосредственно защищал свое отечество, «...не чище сточной канавы в Париже на улице Любер или отхожего места общего пользования...» и даже, что «...Богу и ангелам его она покажется куда зловоннее»⁵⁷⁵. Он яростно бичевал «право войны», которое есть «сама несправедливость». Воинов в своих «Разговорах запросто» он выставял трусами, не видевшими даже настоящего сражения⁵⁷⁶, но, вместо этого, творившими лишь злодеяния над беззащитными людьми, «...дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, невежественными мужланами, неоплатными должниками...»⁵⁷⁷. Шрамы на их лицах он объяснял следами не боевых ранений, а междоусобных драк, разнообразных несчастных случаев

и сифилиса⁵⁷⁸. В диалоге «Исповедь солдата» Эразм ярко и наглядно изобразил образ мышления профессионального наемника:

«Трасимах: Слышал я от людей ученых, что каждому дозволено жить своим ремеслом.

Ганнон: Хорошо ремесло - жечь дома, грабить храмы, насиловать монашек, обирать несчастных, убивать невинных!

Трасимах: Нанимают же мясников резать скотину, - за что тогда бранить наше ремесло, если нас нанимают резать людей?»⁵⁷⁹

Чтобы показать читателям, юношам, чьему нравственному воспитанию должны были способствовать его «Разговоры», всю пагубность военного ремесла, Эразм заставлял своих персонажей-наемников откровенничать безо лжи и похвалы, что вообще им было мало свойственно, но, будучи также глубоким психологом, оставлял их, уже признавших все свои грехи и пороки, нераскаянными.

Йоханн Эколампаций называл ландскнехтов детьми Каина с окровавленными руками. Гениальный врач, алхимик и философ Парацельс, писал об Ордене ландскнехтов: «Хорошо заметно по самому слову Орден, что внутри - порок», и далее называл его «Орденом убийц»⁵⁸⁰. Не менее жестко критиковал наемничество и историк Себастьян Франк: «Этих нехристей, людей потерянных, ремеслом которых сделались драка, убийство, грабеж, надругательство, игра, пьянство, жизнь с непотребными женщинами, богохульство; по следам которых слышны только вопли обиженных ими вдов и сирот, людей, радующихся чужому горю, питающихся только достоянием крестьян, не уважающих никого и мало приносящих пользы самим себе, этих людей, составляющих истинное несчастье человечества, нельзя простить ни в коем случае...»⁵⁸¹. «Где черт дает деньги и добрый ответ - там появляется благочестивый ландскнехт», который только сам себя называет благочестивым, так как никто другой его бы так не назвал. Если ландскнехты исполняют свою «благочестивую работу», то это означает, что они «злословят, душат, разбойничают, грабят и жгут». Бог ландскнехтов - деньги, и, вместо того, чтобы служить живому Богу, они служат дьяволу. «Евангелие длинными пиками раздавать, мира алебардами желать - их ремесло, Орден и ежедневный хлеб»⁵⁸², - писал Франк, характеризуя реформаторски настроенных наемников.

Как же относились к зольднерам служители старой и новой церковей? Негативная позиция католического клира легко объяснима. После разорения Рима, все смертные грехи взваливались на плечи евангелистов, каковыми были огульно объявлены, в пылу борьбы, все ландскнехты. Справедливости ради, стоит отметить, что позиция протестантов, а в частности, самого Мартина Лютера долгое время давала для этого все основания. Последний, лицемерно клеймя порочность войны и военных вообще, в частности же указывал в своем сочинении «Могут ли военные люди также блаженным сословием быть?», что и разбой, и убийство вполне могут послужить делу христианской любви; хороший врач должен при воспалении члена прибегнуть к ампутации и выжечь очаг болезни, причем, при этом он все же останется добрым христианином⁵⁸³. Естественно, что под «воспаленным членом» он подразумевал католическую церковь и ее приверженцев, ландскнехтам же отводил роль орудия ампутации, тем самым оправдывая их. В сочинении «О светской власти», почти дословно повторяя приведенные выше высказывания, он также писал о военных как о мече светской власти, необходимом для утверждения истинного христианства, не осуждавшемся даже Иоанном Крестителем⁵⁸⁴.

Характерно, что другой великий реформатор, швейцарец Ульрих Цвингли, в отличие от кровожадного на бумаге Лютера, знавший войну не понаслышке, поскольку самолично служил полевым проповедником в Венецианскую кампанию, объявил наемничеству войну, считая его самой страшной пагубой Швейцарского союза⁵⁸⁵.

И все же страстные обвинения критиков наемничества не находили ответа в душах немцев до тех пор, пока они на собственном опыте не убедились в их справедливости, а их ум не перестал быть затуманен воинственным пылом и славой далеких и, в сущности, им совершенно не нужных побед. В этом отношении нельзя не вспомнить известного высказывания Ульриха фон Гуттена: «Мы, немцы, были и остаемся немцами, то есть - свиньями и неразумными тварями».

Впрочем, и сами гуманисты, обличая наемничество, обычно не задумывались над реальными причинами, его породившими (исключением являлся Себастьян Франк), не предлагали они и какого-либо выхода из сложившейся ситуации. В

лучшем случае, они сетовали на текущее положение дел, идеализировали прежние времена и, совершенно не понимая сути происходящего, взваливали всю вину исключительно на военных. Так, Себастьян Франк сокрушался: «Раньше, до появления этого народа, продающего свою жизнь за деньги, не признающего никакой власти, войска князей состояли из их собственных подданных и, сама война была справедлива. Ныне же, при продажности этого народа, только приготовления к войне стоят больше, нежели прежде вся война. Без этого народа, не было бы таких жестоких войн, а князья совершали бы с одной сотней воинов то, что сейчас нельзя сделать и с тысячей. Эти люди, радующиеся чужому горю, мешают друг другу, затягивают войну, потому что с миром пропадают все их расчеты, основанные лишь на войне. Таким образом, разоряется целая страна, ни крестьяне, ни князья не имеют денег, и государи не в состоянии предпринять войны без крайнего истощения своих подданных»⁵⁸⁶. Эразм и вовсе не воспринимал войну, как способ разрешения политических разногласий, считая главной причиной всех войн глупость⁵⁸⁷.

Очевидно, все же, что труды гуманистов не пропали даром. К их критике обратились позднее, причем ее действие, наложившись на общее настроение, оказалось таким сокрушительным, что в начале XVII в. видный военный теоретик Й. Я. Валльхаузен был вынужден доказывать, что «ратный чин, столь же от Бога устроен и уставлен, и добром почтен, как другия два чины и всякий человек который в нем живет может и Богу угодити и приятен быти, и служить по тому же как и в другую дву...», выступая против «многих супротивников и спорников», утверждавших, «что сий чин... Богу неприятным и осуженным чином почтен есть»⁵⁸⁸. Будучи евангелистом, Валльхаузен в предисловии к своему «Военному искусству пехоты» выстроил целую проповедь, преследовавшую две цели: во-первых, доказать, что воинов, как и прочих людей, все же создал Бог, а не дьявол. Для этого он, как заправский проповедник, прибегнул к массе библейских примеров, местами повторяя Лютера, искренне огорчаясь, что «сий чин многия и болшая часть человек безбожным и осужденным чином ставят»⁵⁸⁹, ссылаясь на пословицу: «Несть спасения в войне и у ратных людей ни веры ни правды ни смиренства»⁵⁹⁰. Во-вторых, он пытался раскрыть причины, повлиявшие на формирование такого

мнения, осудить пороки современного военного дела, создав тем самым основание для доказательства необходимости преобразований, проект которых он предлагал и на проведении которых настаивал⁵⁹¹. Его резкость в порицании краткосрочного подрядного наемничества не уступала резкости гуманистов: «...где больше проклинания и божбы, объядения и пьянства блядства зерни свару вражды плясания злых бездельных и мерзких слов, и жен бесчестят, и всякую неправду делают. Услышиш как в нынешних войнах и смеют говорить, что такие меры в воинском обычае не грешно, и ратным людям, позволены, потому, что они не чернецы в монастыре ... И посмотри на иных людей при наших временах и ты такого безчинства не сыщеш как в германских сиречь, цесарских региментах...»⁵⁹².

Новым в его критике было только убеждение в реальности выхода из казавшегося ранее безвыходным положения (еще в начала XVI в. Гуттен в одном из своих диалогов писал, что солдатскую «разнузданность ни мы, ни кто бы то ни было еще обуздать не в состоянии»⁵⁹³). Так, в сер. XVI в. Леонхарт Фронспергер замечал: «Военные люди теперь связались с дьяволом, и в жизни, и в поступках они не разбирают друга от врага, христианина от язычника, грабят, воруют и поджигают все, что попадает под руку, порочат имя Божие, таскаются с женщинами и девками легкого развратного поведения. Но, так как такие безбожные и нечестивые дела не могут быть ни предотвращены, ни искоренены в самом зародыше властью императора, короля, князей и других господ, поэтому Бог и послал величайшее наказание людям в огнестрельном огне: от него гибнут и старые, и малые...»⁵⁹⁴. Его точка зрения, вполне обоснованная на том этапе, чрезвычайно устоялась в командных слоях наемничества. Действительно, ни одна из многочисленных попыток, предпринимавшихся после провала военной реформы Максимилиана I вплоть до (и в ходе) Тридцатилетней войны, не имела даже видимости успеха. Более того, существовали твердые убеждения в том, что наемники значительно лучше воюют за рубежом и их поражение переносилось много легче поражения собственных подданных. Военачальники только смеялись, когда им ставили на вид порочность сложившейся системы наемных войск, и говорили, что

изменить положение невозможно⁵⁹⁵, тем более, что прекрасно осознавали свои личные выгоды в этой неустроенности.

На эти «выгоды» Валльхаузен яростно нападал в своей работе, раскрывая все механизмы преступного обогащения военных властей, отмечая, что не боится прослыть «проносщиком» или «желающим прислужиться» и, что добрые военные на него не обидятся⁵⁹⁶. Однако еще более непримиримо он относился к рядовым наемникам, называя их «преступными дьяволами»: «И я у христианского доброго сердца спрашиваю, какие то християня и лучше ли они самих дияволов и какое счастье и одоление, великия государи с такими дьявольскими сердцами и нравы имети могут. И какое спасение таким людем которые во вражде и в ненависти и в несоединении, пред недругом умрут, и дьяволу достанутся»⁵⁹⁷.

Это отношение объяснялось, прежде всего, его собственным положением командира наемников. Однако дело здесь не только в этом. Вообще, среди зажиточного бюргерства, патрициата и дворянства отношение к предводителям зольднеров было совершенно иным, нежели к простым кнехтам. Можно утверждать, что, чем сильнее падал престиж последних, тем заметнее рос престиж первых. Представители бюргерства видели в занятии командных должностей возможность для аноблирования, представители дворянства - возможность для улучшения своего экономического положения. Правда, простой народ, более всего страдавший от грабежей и вымогательств военных, отнюдь не разделял подобных воззрений, о чем, например, вполне однозначно свидетельствует известная народная песня «Отходная Валленштейну»:

«...Он мог и друга и врага
Раздеть как липку до нага,
Без совести и права...
Грабеж - дурное ремесло,
Богатство сильно возросло,
Да приумолкла слава...»⁵⁹⁸,

что, впрочем мало принималось в расчет теми, кого до поры непосредственно не касалось. Предводители наемников, как уже упоминалось, были неотъемлемой частью верхушки общества и потому рассматривали рядовых, к концу XVI в. ска-

тившихся фактически на положение лиц вне закона, практически с той же точки зрения.

Но, несмотря на схожесть мнений военачальников и общества в целом относительно корпорации наемников, существовало и одно важное отличие - вожди ландскнехтов были напрямую заинтересованы в сохранении сложившегося положения, в то время как весь немецкий народ, особенно в годы Тридцатилетней войны не желал ничего иного, кроме избавления от него любым путем. Так, ни один из крупных поэтов Германии первой половины XVII в. не мог не писать о горестях многострадальной родины и о пагубности войны. Поколения, выросшие в годы этого величайшего катаклизма, были пацифистами до мозга костей; однако, не в силах народа было остановить разбушевавшихся монархов. В рамках краткосрочного подрядного наемничества, при отсутствии хорошего финансирования, добиться кардинальных изменений в структуре армии не было возможности. Многочисленные попытки создания боеспособной земельной милиции, повсеместно натываясь на ожесточенное сопротивление самих обывателей (там, где они обладали личной свободой) или помещиков (там, где таковая отсутствовала) оказывались пустой тратой времени и денег. Проект фундаментальной имперской реформы военного дела на милиционной основе, предложенный в 1569 г. Лазарусом фон Швенди, предполагавший, помимо прочего, положить конец практике вольного наемничества, был полностью отвергнут сословиями по тем же причинам, что и ранее реформа Максимилиана I⁵⁹⁹.

Немецкие князья и их советники в большинстве случаев были абсолютно равнодушны к страданиям подданных, на плечи которых было переложено все бремя содержания войск. Вербовка пауперизованного населения в свои войска или разрешение вербовки в чужие в значительной мере снимали социальную напряженность. Превращенный в наемника, паупер, становился значительно менее опасным, поскольку, лишившись связи с обществом, терял и всякий революционный настрой. Более того, наемник был надежным средством для подавления и искоренения любых народных выступлений. Поэтому неудивительно, что власти не проявляли особой заинтересованности в кардинальных переменах; довольство-

ваться существующим положением казалось им проще, нежели заниматься реформированием.

Военная мысль в Германии конца XVI - середины XVII вв. находилась в состоянии застоя. Даже Валльхаузен, умудренный опытом, перенятым в армии Морица Оранского, не предлагал ничего нового, кроме прямого следования примеру Нидерландов, то есть он настаивал на создании постоянной наемной армии, меньшей по численности нежели обычная, но тщательно обученной и аккуратно оплачиваемой, поскольку последняя обходилась в конечном итоге дешевле, чем банды безработных наемников, опустошавших страну⁶⁰⁰. Следует, однако, отметить, что в это время даже целиком заимствованные построения Валльхаузена были прогрессивны. Но косность и инертность мышления оставалась таковой, что даже тогда, когда объективные предпосылки для проведения военной реформы уже были осуществлены, работы Валльхаузена не были должным образом оценены, а сам он был уволен с поста директора военной школы в Зигене, куда он был приглашен Иоганном графом Нассауским, уже через несколько месяцев, а школа была закрыта⁶⁰¹. Его предложения постигла та же судьба, что и проект, предложенный несколькими десятилетиями ранее Лазарусом фон Швенди. Немецким властям потребовался весь горький опыт Тридцатилетней войны, чтобы понять все преимущества новой системы, снимавшей большую часть имевшихся противоречий, которая успешно применялась к тому времени в Нидерландах и Швеции.

Формирование к 30-м гг. XVI столетия основных типовых характеристик немецкого наемничества исследуемого периода и его социальной организации сопровождалось оформлением модернизированной, приспособленной к новым условиям существования военного сообщества и определяемой ими идеологии. Изначальная ущербность данной идеологической модели, характеризуемой, в отличие от исходного, ориентированного на милиционное или хотя бы построенное на началах государственного наемничества войско, варианта, полным отсутствием основного, системообразующего патриотического (в самом широком понимании)

или, более естественного для исследуемой эпохи, верноподданнического элемента, в условиях объективного сокращения спроса на европейском рынке наемников и общего ухудшения положения последних, обернулась постепенным размыванием ранее четких идейных постулатов, утратой идеологией прежней консолидирующей и моральной силы, в силу некоторой инерции сознания сохранявшейся модернизированным вариантом в относительно благоприятных условиях 30-60-х гг. XVI в. Корпорация оказалась ослабленной перед лицом внутренних противоречий, равно как и перед все усиливающимся давлением со стороны государства, медленно, но верно сдавая отвоеванные ранее позиции.

Все большее воздействие на групповое сознание стало оказывать общественное мнение. Мировосприятие наемников, основанное на собственных правовых, моральных, религиозных представлениях, собственных философии и идеологии, осознанно или неосознанно противопоставляемых общепринятым, было не только абсолютно чуждым для общества, но и прямо враждебным по отношению к нему. И все же военным, отвергшим, в период пика своей славы, всякий авторитет последнего, становилось все труднее существовать в атмосфере растущей ненависти и, что еще более существенно, все отчетливее проявлявшегося презрения со стороны окружающих. Высокий престиж ремесла вольного зольднера, обеспечивавший в свою очередь высокий социальный статус всей корпорации, как в силу ряда объективных причин, так и в силу несколько запоздавшей смены настроения немецкого общества катастрофически снижался. Если первоначально это, по самой своей сути, псевдосоциальное образование вполне принималось и почиталось едва ли не полноценным сословием, то к к. XVI в. оно было подвергнуто всеобщему остракизму и стало расцениваться, не смотря на то, что его внутренняя трансформация пока сводилась лишь к количественным изменениям, как нечто совершенно асоциальное.

Это давление, сопровождавшееся упомянутым выше размыванием идеологической базы, в немалой степени способствовало значительной переоценке ценностей в рядах самих зольднеров, породив тайные сомнения как в собственной избранности и исключительности, так и в целесообразности верности (в новых условиях существования) основным идеям вольного наемничества периода расце-

та. Внутренняя готовность сменить свободу и специфический партнерский коллективизм на муштру и приказное, навязанное свыше единство обеспечили к к. XVI - сер. XVII вв. относительную легкость качественных преобразований в организации армии, легкость в превращении недавнего вольного ландскнехта, воина гордого своим положением и знающего себе цену, яркой индивидуальности, сознательно и добровольно поддерживающей дух коллективизма, в солдата Нового времени, приниженное, забитое, безликое существо, ничтожный винтик всеподавляющей государственной машины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данной работы, представляется возможным сделать следующие выводы:

Возникновение немецкого военного наемничества к.XV - сер.XVII вв., как господствующего типа наемничества на данном этапе, было обусловлено общеевропейским кризисом необычайных масштабов, сопровождавшим период качественных преобразований во всех сферах жизни общества, период перехода от Средневековья к Новому времени.

Процессы разложения, начавшиеся в недрах феодализма, прежде всего и самым пагубным образом сказались на состоянии его военной системы, наиболее боеспособный элемент которой (к началу XV столетия) - наемные отряды первого этапа развития наемничества - оказались в условиях радикальных преобразований в военном деле почти так же несостоятельны, как и системообразующий милиционный элемент. В то же время образование централизованных государств с устойчивой тенденцией к абсолютизации власти монарха привело к резкому обострению внутренних и межгосударственных противоречий, к значительному увеличению числа вооруженных конфликтов, интенсивность и масштабы которых стремительно возрастали. В этой ситуации проблема создания новых вооруженных сил приобрела решающее значение для становления государства нового типа в целом. Однако темпы преобразований в военном деле в данный период значительно опережали темпы изменений в остальных областях, что для многих стран Европы в условиях объективного отсутствия предпосылок для организации собственного войска, соответствовавшего новым требованиям, вплоть до Тридцатилетней войны сделало жизненно необходимым привлечение военной силы извне.

Такой силой в данный период могли стать только наемные войска, перешедшие на качественно иной уровень развития, поскольку все попытки решить основную проблему вооруженных сил - проблему кардинального увеличения их численности, причем, преимущественно - пехоты, до тех пор практически не существовавшей в таком качестве - за счет реорганизации народного ополчения, одной из составных частей феодальной милиции, закончились провалом. В зависимости от

особенностей исторической ситуации, возродить милиционное войско либо вообще не удалось (Франция, Италия), либо оно очень быстро переродилось в наемное (Германия). В то же время бурное развитие товарно-денежных отношений создало в целом удовлетворительную материальную базу для существования массового наемничества, что, в совокупности с вышеперечисленными обстоятельствами, обеспечило чрезвычайно высокий спрос на наемников, без поддержки которых ни один монарх Европы принципиально не был способен к ведению активных боевых действий, а следовательно, в тех условиях, и к активному проведению как внешней, так и внутренней политики.

В Германии причины заинтересованности властей в наемничестве мало отличались от общеевропейских: императорам наемники были необходимы для осуществления экспансионистских замыслов и централизации страны, князьям – для противостояния централизации и подчинения земских сословий. В то же время именно здесь сложились наиболее благоприятные условия для его возникновения. Мощнейший социальный кризис, сопровождавший экономические преобразования в наиболее развитых странах Европы, с особенной силой ударил по Оберланду – самой развитой части немецких земель, создав обширный резерв лично свободных, пауперизованных и полупауперизованных людей, выбитых из традиционных социальных ниш разложением феодального уклада и не имевших возможности ни интегрироваться в структуры раннего капитализма, развивавшегося в Германии крайне замедленно и неравномерно, ни найти иной способ существования (участие в колонизации и т.п.), то есть создав потенциальную кадровую базу наемничества. Длительное ее сохранение и, более того, непрерывное расширение обеспечивалось и особенно углубившим социальный кризис экономическим упадком, в полосу которого Германия вступила в середине XVI столетия.

Немаловажную роль в том, что именно наемничество стало одним из основных занятий избыточного населения немецких земель, вначале в Оберланде, а затем и по всей стране (исключая слаборазвитое и опутанное сетями крепостничества Заэльбье), сыграли политика и сам характер государственной власти Священной Римской империи. Император Максимилиан I задал широким массам направление для приложения сил, привив им вкус в военному занятию вообще и к иностранным

походам в частности. Более того, способствовав, пусть и непроизвольно, рождению монстра, каковым являлось наемничество, власть оказалась не способной не только воспользоваться экономическими преимуществами, которые могло дать рациональное использование последнего, как это было сделано, например, в Швейцарии, но и воспрепятствовать его распространению или, хотя бы, удержать его под контролем.

В исследуемый период и центральная, и местные власти империи были слишком увлечены и ослаблены борьбой друг с другом и с подданными, в которую причудливо вплетались обычные феодальные междоусобицы и попытки удовлетворить непомерные внешнеполитические амбиции, чтобы уделять сколько-нибудь пристальное внимание проблемам внутреннего благоустройства страны. Императоры, допустив распространение вольного наемничества, были вынуждены примириться со сложившейся в военном деле ситуацией, князьям же она была только на руку.

Эта внутренняя борьба за будущее государственности Германии создала ту атмосферу всеобщей вражды, раздробленности и, главное, неопределенности соотношения статуса обеих властей - в центре и на местах, которая оказалась идеальной для беспрепятственного развития и процветания вольного наемничества, обеспечивая ему, к тому же, хороший рынок не только за пределами, но и внутри страны.

Столь сложная совокупность глубоких кризисных явлений разного порядка имела своим следствием необычайно высокое предложение наемников в Германии, заметно превосходившее местный спрос на вооруженную силу и способное насытить весь европейский рынок наемников, где относительно устойчивый, хотя и начавший сокращаться со второй половины XVI в., спрос сохранялся вплоть до XVIII столетия. Только в годы Тридцатилетней войны, оказавшей значительное стимулирующее воздействие на процесс становления структур, связанных с организацией, снабжением и финансированием вооруженных сил, то есть в то время - всей государственной машины, появились некоторые возможности, и была со всей очевидностью осознана необходимость реорганизации существующего типа наемничества, тем более, что тенденции его внутреннего развития позволяли это сделать относительно быстро и безболезненно.

В свете чудовищного разорения, причиненного набираемыми на время наемными войсками, а также явно проявившихся политических амбиций их предводителей, некоторые из которых, как, например, Валленштейн, приобретая в годы войны полную экономическую независимость, становились потенциально опасными в глазах государственной власти, был рассмотрен и оценен по достоинству опыт Нидерландов и Швеции. Временные эрзац-армии вольных наемников были заменены существовавшими на правах полноценного государственного института постоянными армиями, построенными на базе государственного наемничества, а вольные вожди наемников - военные подрядчики - включены в бюрократический аппарат, переведены из разряда частных лиц в разряд чиновников.

Победа европейских монархов над сословиями по вопросу перехода к системе постоянных армий со всеми вытекающими отсюда последствиями означала полную и окончательную победу абсолютизма как формы правления и государственного устройства.

Немецкое военное наемничество, имевшее давние боевые традиции, приобретая в результате глубоких внутренних изменений последней четверти XV - первой трети XVI столетий совершенно новые формы, определенные как требованиями перелома в военном деле, так и конкретно-историческим положением Германии в исследуемый период, занимало с 20-30-х гг. XVI по середину XVII вв. господствующее положение на европейском рынке наемников. Опираясь на выделенные в данной работе критерии оценки, представляется возможным классифицировать данный тип наемничества как массовое срочное вольное подрядное профессиональное наемничество. Такие его черты, как массовость, явившаяся следствием изменения способов ведения войн и обеспеченная широким предложением, и незначительная продолжительность найма, обусловленная длительным отсутствием у государственных нанимателей соответствующего финансового и административного потенциала, были характерны и для иных типов европейского наемничества исследуемого периода. В то же время необходимо отметить следующие специфические черты немецкого наемничества:

во-первых, его полную независимость от какого бы то ни было государственного образования, не являющегося в данный момент непосредственным работодателем, с которым зольднеры были бы связаны договором, в том числе и от Священной Римской империи, формальные запреты и разрешения вербовки императора и князей которой, на протяжении данного периода оставались не более, чем фикцией. Немецкие наемники, как члены особой корпорации, являлись, в сущности, внешней силой по отношению к любому нанимателю, служа императору на тех же условиях, что и, например, французскому королю;

во-вторых, частнопредпринимательскую основу, на которой строилось немецкое наемное войско. Осуществление вербовки, организации, командования и, частично, вооружения, снабжения и финансирования (авансирования) проводилось частными лицами - вольными военными подрядчиками, замещавшими или дополнявшими собой слаборазвитый военно-административный аппарат государства, находившийся в процессе становления. Военных подрядчиков следует отличать от кондотьеров, поскольку в новых условиях, при радикальном увеличении численности армии, их участие в финансировании войск было, как правило, частичным, а не полным. В сущности, военные предводители данного периода являлись промежуточным звеном между последними и офицерством Нового времени, по многим параметрам близким к современному. Военное предпринимательство стало важным источником первоначального накопления капитала, удобным для немецкого дворянства, давние предрассудки которого препятствовали участию в производстве и торговле.

в-третьих, профессионализм немецких зольднеров, в большинстве своем - жертв социального кризиса, для которых, в связи с увеличением масштабов последнего, война стала единственным источником существования.

Характерной особенностью немецких наемных войск, выгодно отличавшей их как от наемных отрядов предшествующего, так и от прочих наемных войск данного периода, являлась также довольно тесная связь с государством-нанимателем. Преимущественное финансирование за счет государства, многоступенчатая система найма, подкрепленная многоступенчатой системой присяги, профессионализм и, наконец, деловая порядочность, не ограниченная, как, например, у швейцарских

наемников, политическими резонами, в совокупности обеспечивали зависимость ландскнехтов и рейтар от нанимателя, и, при условии своевременной и щедрой оплаты, гарантировали абсолютную преданность, исключая любые посягательства на государственную власть, самовольный разрыв контракта и т.п.

Имея в глазах нанимателя особые достоинства, немецкие зольднеры не имели особых, исключительных недостатков, несвойственных наемникам иного происхождения, что, наряду с высокой боеспособностью, в значительной степени определило их необыкновенную популярность в данный период. В этом отношении следует также отметить, что и в составе постоянных наемных армий Европы в период Нового времени число немецких полков оставалось значительным, хотя теперь они уже и не играли решающей роли.

Будучи основой новой военной организации наемничество оказало прямое или косвенное воздействие на процессы, протекавшие практически во всех сферах жизни общества: политической, экономической, культурной и, в особенности, социальной. Устанавливая характер этого, порой крайне противоречивого воздействия, следует отметить следующее: во-первых, будучи, безусловно, порождением глубинных процессов развития государства и общества, наемничество, находилось в тесной диалектической взаимосвязи с последними, являясь их активнейшим стимулятором и нередко определяя их конкретноисторические особенности; во-вторых, в исследуемый период, в атмосфере напряженной внутренней борьбы, широкое применение военного наемничества зачастую только устанавливало тенденцию к изменениям в социуме, способствовало осознанию необходимости проведения реформ, закладывало первые камни в фундамент здания, достроенного на последующих исторических этапах.

Говоря о роли наемничества в преобразованиях в политической сфере, следует обозначить следующее: во-первых, в рамках временных наемных войск отработывалась военно-административная система, перенесенная впоследствии, с некоторыми поправками, в постоянные наемные войска, существовавшие уже в качестве полноценного государственного института. Немецкие наемные войска стали примером при организации постоянных армий большинства стран Европы; во-вторых,

увеличение затрат на военные нужды, обусловленное в первую очередь господством наемничества, привело к началу радикального пересмотра налоговой политики, к созданию в конечном итоге единой налоговой системы, сыгравшей свою роль в завершении объединения ряда стран Европы под эгидой абсолютных монархий, в Германии же - в окончательном оформлении княжеств в качестве самостоятельных образований; в-третьих, наемничество явилось одним из основных орудий абсолютизма, обеспечивших его победу в ряде стран Европы (подавление народных восстаний, выступлений политических противников и т.п.), в Германии же - территориального абсолютизма, поскольку именно наличие вольного наемничества позволило князьям на равных вести борьбу с императорской властью.

В экономической сфере роль наемничества свелась к следующему: во-первых, его размах оказал значительное воздействие на дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, стимулировал генезис капитализма, способствуя ускорению оборота денежной массы и, в целом, ее увеличению, впрочем, без соответствующего увеличения товарной массы, что сыграло важную роль в так называемой «революции цен»; во-вторых, сложности, возникшие при реорганизации системы налогообложения, затянувшейся на весьма продолжительный срок, заставили власти прибегать к займам, конфискациям, иностранным субсидиям, искусственным колебаниям валютных курсов и т.п., что способствовало развитию инструментария финансовой политики. Государственные долги императора и князей (само понятие - «государственный долг» сформировалось именно в это время) значительно способствовали развитию и укреплению кредитно-банковской системы, росту влияния монополистических компаний в Германии и т.п., а также способствовали переходу части земельных владений князей и горной промышленности в руки крупнейших монополистов, что наложило серьезный отпечаток на генезис капитализма в Германии.

Нельзя не отметить и влияния наемничества на развитие немецкой культуры, особенно народной, неотъемлемой частью которой стал, например, военный фольклор исследуемого периода. Немаловажным оказалось и прямое воздействие издержек наемничества на формирование пацифистских настроений среди немецких ученых и публицистов гуманистического направления, а, впоследствии, не

только деятелей культуры и искусства, но и широких народных масс, наложившее отпечаток на определенный культурный пласт.

Огромные, постоянно растущие масштабы массового наемничества, явления для немецкого общества исследуемого периода нового, не имевшего развитой традиции, гетерогенность его социальной основы, характеризовавшейся преобладанием среди прочего простонародного, ранее мало привлекавшегося к активной военной деятельности, элемента и, наконец, совершенно новые формы, определенные весьма специфическими особенностями генезиса немецкого наемничества, имели следствием возникновение острой потребности в самоидентификации членов общества наемников, а также и в консолидации последнего. Еще более неотложной эту потребность сделал выход ландскнехтов, а затем и рейтар, на международную арену в качестве вольных зольднеров-профессионалов, вербовавшихся только на время боевых действий. Эти же новоприобретенные типовые особенности немецкого наемничества оказали, в условиях становления новой модели государства, определяющее воздействие на характер, место и судьбу его социальной организации - корпорации наемников. Отдельно следует отметить двойственную природу этого социального образования, порожденную подрядностью немецкого наемничества: с одной стороны оно объединяло всех зольднеров без исключения, и с этой точки зрения корпорация служила сохранению привилегий наемников, выступала в качестве гаранта соблюдения некоторых общих правил во внутренних взаимоотношениях, отношениях с нанимателем, а также в ведении войны; с другой стороны, корпорация в более узком смысле, корпорация внутри корпорации, выполняла функции профессионального объединения рядовых, осуществляя защиту их интересов перед военными подрядчиками и нанимателями.

Притязания такой специфической социо-профессиональной группы, как корпорация наемников, принявшей законченные формы к 30-м гг. XVI в., на интеграцию в традиционную общественную структуру на правах привилегированного сословия не были и не могли быть удовлетворены, однако, ее сила, столь необходимая и одновременно устрашающая, принудила государство и общество к ряду уступок, обеспечивших длительное существование этого новоявленного образования

в пограничном, не вполне определенном положении своеобразного полупризнанного квазисословия. В связи с этим кажется уместным выдвинуть тезис об особом месте корпорации военных наемников в немецком обществе к. XV - сер. XVII вв. Во многом подобная прочим корпорациям средневекового общества, она была в то же время исключительным явлением еще и в силу своей аполитичности, наднациональности, надрелигиозности и надгосударственности. Имея свою собственную систему ценностей, свою философию, свои нормы поведения, свои самобытные обычаи, фольклор и даже свой жаргон, и живя по собственным писанным и неписанным законам, отвергая любые, даже сословные, предрассудки, корпорация наемников была значительно автономнее и в то же время доступнее для вступления новых членов, нежели любое из традиционных социальных или профессиональных объединений того времени.

В силу самого характера квазисословия наемников, его положение даже в таком пограничном положении не могло быть устойчивым, о чем ярко свидетельствует направление внутренних процессов, протекавших как в самой корпорации, так и в социуме: общее ослабление корпорации, вызванное не только внешними факторами (изменением рыночной конъюнктуры и т. п.), но и постепенным размыванием изначально не вполне жизнеспособных идеологических устоев вольного наемничества, с одной стороны, и активизация антизольднерской политики властей - с другой, а также заметная тенденция к снижению субъективно, при фрагментарности юридического оформления, воспринимавшегося обществом статуса корпорации и ее членов (рядовых), усиливавшаяся по мере роста идейной и культурной самоизоляции последней. При формальном сохранении, весьма медленно умахивавшихся правовых привилегий, действительный уровень социального статуса военного наемника, в своем неуклонном росте к 30-м гг. XVI в. заметно переросший уровень статуса обычного светского человека неблагородного происхождения, быстро преодолев краткий период относительной стабильности, начал столь же неуклонно снижаться, опустившись уже к концу столетия до критически низкой отметки. В то же время, следует отметить, что военные предводители, также как и кнехты будучи членами военной корпорации и подчиняясь его общим правилам, одновременно, являлись не просто наемниками, но и крупными предпринимателями, а

иногда и почти уже настоящими чиновниками высокого ранга, на этом основании все прочнее обживаясь в элите немецкого общества, членами которого рядовые, в строгом смысле, вступая в ряды наемников, оставались только номинально. Скорое и неизбежное изменение в положении военного сообщества путем ликвидации и, отчасти, самоликвидации корпорации как независимого псевдосоциального элемента в первой половине XVII в. стало очевидным и вскоре, в ходе реорганизации наемничества, было воплощено в жизнь.

Процесс формирования ментальности немецкого военного наемника локализуется временным промежутком с к. XV по первую треть - сер. XVI вв. и является четким идеальным отражением процессов становления основных типовых характеристик и конституирования социальной организации исследуемого варианта наемничества. Еще в «милиционный» период был заложен первый базисный элемент самосознания ландскнехта - представление об его высоком положении в качестве полноправного воина, героя, почти «орденского рыцаря», «спасителя империи» и т.п., развившийся впоследствии в обстановке массовой общественной поддержки в представление об исключительности и избранности военного ремесла. Чванливый наемник, унаследовавший значительную часть воззрений ланддефенсионера стал считать себя представителем единственной достойной профессии. Второй базисный элемент - комплекс отторгнутого обществом «лишнего человека» - обладал, однако, совершенно иным свойством. Единство столь явно противоречивых представлений, оказавшее определяющее воздействие на ментальность зольднера в целом, постепенно изменяясь от видимого преобладания первого элемента ко все большему доминированию второго, вкупе с осознанием мощной поддержки ордена, корпорации, только в качестве члена которой и мыслил себя ландскнехт, породило не просто высокомерное, но и откровенно враждебное отношение к обществу, равнодушие к его проблемам, в свою очередь, в немалой степени обусловленное еще и самим характером ремесла вольного наемника. Это противопоставление «мира военных» «миру невоенных» проявлялось все более ярко по мере выработки специфического мировоззрения зольднера, становления новой модели идеологии, системы ценностей и норм внутренних взаимоотношений, профессионализации

наемничества, то есть по мере конституирования и, в конечном счете, замыкания корпорации. Можно со всей определенностью утверждать, что ни одна социальная или профессиональная группа Священной империи исследуемого периода не противопоставляла себя остальным так, как корпорация военных наемников.

Совершенно особое значение для немецких наемников имели идеи свободы и воинского братства. Сохраняя индивидуальность, ландскнехт или рейтар склонялся перед духом корпоративности, добровольно и сознательно уступая долю своей свободы в угоду общему интересу. В этом смысле зольднер к. XV - сер. XVII вв. являлся своего рода промежуточной эволюционной ступенью между крайне эгоцентричным, возводящим личную свободу в абсолют рыцарем и совершенно обезличенным, силой принужденным к беспрекословному выполнению навязанных, зачастую, абсолютно непонятных ему правил солдатом более позднего времени. Немецкое же военное сообщество исследуемого периода давало пример истинного, подкрепленного некоторой внутренней демократией, коллективизма никогда не виданного ни в одной (исключая швейцарскую) из армий мира.

Еще одной характерной чертой ментальности зольднера являлся необычайный, даже в те времена, фатализм, порожденный своеобразной религиозной картиной мира, сложившейся в военной среде. Будучи непосредственной причиной быстро ставшей для наемника типичной манеры жить исключительно сегодняшним днем, он стимулировал не только пристрастие ко всем известным тогда порокам, но и, в сочетании с прочим, неубывающую свирепость этого чрезвычайно суеверного, но очень мало верующего человека, «человека пропащего», утратившего всякую надежду даже на благополучное загробное будущее.

Несмотря на непрерывно декларируемую свободу, в том числе и от общепринятых установок, и постоянное стремление подчеркнуть эту свободу шокирующими манерами, поведением и речью, общественное мнение, изменявшееся от восторженного преклонения первой трети XVI столетия до переходящей в презрение ненависти конца XVI - первой половины XVII вв., не могло не играть значительной роли в развитии самовосприятия наемников. Человек мирных занятий мало понимал, и со временем все менее стремился понять и, тем более, принять истинное содержание мировосприятия, психологии, этоса зольднера, равно как и са-

му идею вольного наемничества, нисколько не интересуясь его историческими и социальными корнями. Даже относительно близкое традиционному понятие воинской чести, имевшее для любого солдата исключительное значение, являясь стержнем его системы ценностей и морали, оставалось совершенно чуждым для широких масс. Престиж наемничества неудержимо падал, причем, не только в глазах общества, но и, в немалой степени благодаря этому, в глазах самих наемников, чья неременная похвальба все более становилась подобной гласу вопиющего в пустыне. Весьма содействовал этому и постепенный распад приспособленной к условиям наемничества корпоративной идеологии, лишенной своего основного компонента и, в определенном смысле, гаранта жизнеспособности - имперской идеи. В сущности, вместе с утратой ею консолидирующей и моральной силы было навсегда потеряно и самоуважение наемников. Прежде гордый и свободный ландскнехт, оказавшись в тяжелом экономическом положении, утратил то, что ранее помогало ему переживать любые невзгоды, и оказался вполне готовым принять унижительные условия муштры и мизерное жалование, ставшие обычными в новых постоянных армиях, антимиитаризм же немецкого общества поднялся к середине XVIв. до таких высот, что впоследствии для пополнения наемных войск, прежде не знавших проблемы нехватки кадров, зачастую приходилось прибегать к принудительному рекрутированию.

Суммируя общие и частные выводы данной работы, кажется необходимым в комплексе проследить основные тенденции внутритиповой эволюции массового срочного вольного подрядного профессионального наемничества, условно подразделяемой на два этапа:

I - последняя четверть XV - первая треть XVI вв. Реорганизованный Максимилианом I верхненемецкий ланддефенсион в ходе процессов профессионализации и дифференциации, перерождается в автономное сообщество наемников-ландскнехтов, складываются типовые черты немецкого наемничества исследуемого периода; случаи вступления на службу иностранных государств пока еще относительно редки и как правило не охватывают широких масс зольднеров, среди которых имеется пока значительное число полупрофессионалов; происходит становление внутренних отношений, основанных на соблюдении удовлетворительного

паритета между военными подрядчиками и подчиненными, обеспеченного двусторонним договором; происходит конституирование военного квазисословия; престиж и доходы зольднера имеют тенденцию к росту.

II - первая треть XVI - середина XVII вв. Данный тип наемничества функционирует как таковой; служба под иностранными знаменами становится нормой; завершается процесс профессионализации, корпорация наемников все более замыкается на себя, переходя на периферию социума; возникает новый род наемных войск - рейтары, построенный на тех же основополагающих началах, что и отряды ландскнехтов; приблизительно с третьей четверти XVI столетия баланс двустороннего договора начинает, в связи с увеличением срока найма, постепенным ослаблением корпорации наемников как профессионального объединения и т.п. смещаться в сторону увеличения власти подрядчика и нанимателя; намечается тенденция к превращению вольных подрядчиков в государственных чиновников; престиж и доходы зольднера приобретают тенденцию к снижению.

С конца XVI в. темпы внутритипового развития наемничества значительно ускоряются; его социальная организация быстро теряет четкие очертания; баланс договора окончательно смещается в сторону военных властей; престиж и доходы зольднера снижаются до минимума, его свобода ограничивается. Наемные войска указанного типа во многом становятся подобными постоянным, за исключением сохранения частнопредпринимательской основы и, оговоренной в контракте срочности найма, все более формализовавшихся.

Определяя место немецкого наемничества к. XV - сер. XVII вв. в общем процессе развития военного дела, необходимо отметить следующее: Анализ истории наемничества как особой формы военной организации, широко распространенной на протяжении Средневековья и Нового времени, позволяет выделить два основных этапа его развития: на первом, охватывающем временной промежуток с конца X по последнюю четверть XV вв., наемничество выступает в качестве подчиненной, по отношению к милиционной, формы военной организации; наемное войско, развиваясь в тех же тактических и стратегических рамках, что и традиционное ленное, по мере разложения последнего как общественной структуры, постепенно замещает и вытесняет его; на втором, охватывающем временной промежуток с по-

следней четверти XV в. по 1789г., наемничество занимает господствующее положение, развиваясь в новых тактических и стратегических рамках, заданных переворотом в военном деле. В этот период, период перехода от феодального уклада к капиталистическому, оно выступает в качестве эрзаца милиционной военной организации, присущей обществу в условиях безусловного преобладания того или иного уклада, в обстановке совершенного развала милиционной системы феодализма, построенной на отживших отношениях вассально-ленной зависимости, и отсутствия предпосылок, необходимых для создания милиционной военной системы капитализма, построенной на всеобщей воинской повинности или конскрипции.

Период господства наемничества в свою очередь может быть разделен на два подэтапа: первый (последняя четверть XV - середина XVII вв.), когда преобладают наемные войска, вербуемые на короткий срок при смешанном участии государства и частных лиц (или другого государства), и второй (середина XVII вв. - 1789г.), когда повсеместно проводится реорганизация наемных войск предыдущего подэтапа в постоянные наемные войска на государственной основе.

Значение немецкого наемничества на первом подэтапе периода преобладания данной формы военной организации, как наиболее массового, имевшего широкое распространение по всей Европе, варианта наемничества, наглядно продемонстрировавшего миру наиболее прогрессивные на тот момент способы организации военного дела, перевернувшие все традиционные представления о последнем, трудно переоценить. Именно пример немецкого наемничества, явления всей своей сущностью отражавшего особенности поистине судьбоносного периода европейской и мировой истории, периода перехода от Средневековья к Новому времени, позволяет наиболее отчетливо и детально представить истоки и сам процесс зарождения армии современного типа, ставшей одним из важнейших институтов нового государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к Введению

¹ Liebe G. Der Soldat in den deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1899.

² Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland. München - Leipzig, 1889.

³ Solms R. der Aeltere, Graf zu. Ein kurtzer Auszug und Überschlag / einen Baw anzustellen / und in Regiment und Ordnung zupringen / mit denen so darauff mit aller arbeit seyn wurden. Cöln, 1556.

⁴ Solms R. der Aeltere, Graf zu. Dieses Buch und Kriegsbeschreibung ist vermelden und berichten einen guten ordentlichen Kriegsregierung / nach alten Teutschen Ordnung / gebrauch und Lerkomen / mit andern noch Büchern von aller Kriegsregierung und Rüstung so zu dem Krieg gehört... 8 Bde., Lich, 1559-1561.

⁵ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung / wie sich ein jeder Kriegsmann inn seinem Ampt und Beulch halten soll / und zu Anfang eines Kriegs zuerwagen unnd zubetrachten sey... Frankfurt am Mein, 1555.

⁶ Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten Malefitz und Schuldhandeln / Ordnung und Regiment / Sampt derselbigen und andern hoch oder niedrigen Befelch / Bestallung Statt und Empter / zu Rossz und Fuß / an Geschuß und Munition / in Zug und Schlachtordnung / zu Feld / Berg / Thal / Wasser und Land / vor oder in Besatzungen / gegen oder von Feinden furzunehmen / welcher art / Sitten/ herkommen und gebrauch / under und bey Regierung des Allerdurch Gutigsten / großmechtigsten / unüberwindlichsten und kriegserfahren berümpftisten Romischen Keyzers Caroli des fünfften / hochloblichster und Seligster gedechniß / geübt und gebraucht... Frankfurt am Meyn, 1571.

⁷ Fronsperger L. Von Wagenburg und Feldleger / Wie man die Schliessen / sich darein verschanzen / wider auffbrechen / unnd ein Statt oder Festung mit vorthail Belagern / umbschanzen / und undergraben soll / Auch welcher gestalt Statt / Schlosser und andere Gebaw / in und ausserhalb Feindts nathen / nuzlich mögen erbauwet / bewart / und nach notturfft versehen werden... Frankfurt am Meyn, 1573.

⁸ Schwendi L. von. Lazarus von Schwendi, der erste Verkünder allgemeinen Wehrpflicht, hrsg. von Frauenholz E. Hamburg, 1939.

-
- ⁹ Dilich W. Kriegsbuch darinn die alte und neue militia und Kriegsdisziplin beschreiben. 1607.
- ¹⁰ Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim, 1615.
- ¹¹ Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Roß. Oppenheim, 1617.
- ¹² Вальдгаузен Й.Я. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.
- ¹³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т.IV., М., 1997. С.171.
- ¹⁴ Wallhausen J.J. Kunstliche Piquen Handlung. 1689.
- ¹⁵ Isselburg. Kunstliche Waffenhandlung oder Musqueten und Piquen. 1620.
- ¹⁶ Tratzberg P.P. von. Holländisch Kriegs Recht, und Artickels-Brieff, von Herr Petro Pappo von Tratzberg, mit Annotationibus und Fundamentis Juridicis also explicirt, dass es gegenet mag werden ein Corpus Juris militaris, beyfügt Kayser Maximiliani II Artickels-Brieff. Frankfurt am Mayn, 1632.
- ¹⁷ Lünig I.C. Corpus Juris militaris novissimum oder neustes Kriegs-Recht. Leipzig, 1724.
- ¹⁸ Каролина. Казань., 1976.
- ¹⁹ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991.
- ²⁰ Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий город XIV - XV вв. Сборник материалов. М., 1938.
- ²¹ Dokumenten aus dem deutschen Bauernkrieg. Leipzig, 1980.
- ²² Baumann F.L. Quellen zur Geschichte der Bauernkriegs in Oberschwaben. Tübingen, 1876.
- ²³ Monumenta Habsburgica. Sammlung von Akten und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburgen dem Zeitraume von 1473 bis 1576. Bd. II., Wien, 1855.
- ²⁴ Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges in der Zeiten der vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. München, 1905.
- ²⁵ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987.
- ²⁶ Sastrorow B. Ein deutscher Bürger der sechszehnten Jahrhunderts. Selbstschilderung des stralsunder Burgermeister Bartholomeus Sastrorow. Leipzig, 1972.
- ²⁷ Schärtlin S. von. Lebensbeschreibung des Schärtlin von Burtenbach.// Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972.
- ²⁸ Stickel B. Burkhard Stickels Tagebuch. // Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972.

²⁹ Reissner A. Historia Herrn Georgen unnd Herrn Casparn von Frundsberg / Fatters und Sons / beyder Herrn zu Mündelheim / und keyserlicher Oberster Feldherrn / Ritterlichen und Loblichen Kriegßthaten. Frankfurt am Mein, 1568.

³⁰ Liliencron R. von. Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13. -16. Jh. 4 Bde., Leipzig, 1865 - 1869.

³¹ Meinhard A. Der Schwartenhals, Lieder der Landsknechte. Heidenheim an der Brenz, 1976.

³² Fragensteiner O. Die Schlacht bei Bicocca, hrsg. von Steinböck W. // Kleine Studien aus dem Maristenkolleg. Mindelheim, 1973. 16.

³³ Franci S. Hronica Zeitbuch unnd Geschichtsbibel von anbeginn biß in diß gegenwertig. Bern, 1555.

Franck S. Das Kriegsbüchlin des Friedes. // Zur Friedensidee in der Reformationszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, hrsg. von Wollgast S. Berlin, 1968.

³⁴ Fugger J.J. Spiegel der Ehren des Erzhauses Oesterreich. Nürnberg, 1668.

³⁵ Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М., 1938.

Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969.

³⁶ Paracelsus. Der Krieg als Sünde // Zur Friedensidee in Reformationszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, hrsg. von Wollgast S. Berlin, 1968.

³⁷ Luther M. Ob Kriegsleute auch ynn seligem Stande seyn künden. Wittemberg, 1526.

Лютер М. Избранные прозведения. СПб., 1994.

³⁸ Sachs H. Werke. Hildesheim. Bd. 5, 9. 1964.

Бранд С. Корабль дураков. Сакс Г. Избранное. М., 1989.

³⁹ Wickram G. Das Rollwagenbüchlin. Stuttgart, 1968.

⁴⁰ Немецкая поэзия XVII века. М., 1976.

Немецкая старина. М., 1978.

⁴¹ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. М., 1976.

⁴² Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Jena, 1908.

⁴³ Römisch Kayserlicher Mayestät Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte. Wien, 1883.

⁴⁴ Liebe G. Der Soldat in den deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1899.

Wesseli J. Die Landsknechte. Eine culturhistorische Studie. Görlitz. 1877.

⁴⁵ История Европы. Т. III., М., 1993. С.79, 139.

Deutsche Geschichte. Bd.I., Berlin, 1974. S.475, 477.

⁴⁶ Гончарова В.И. Австрия в реформаторской деятельности Максимилиана I. // Из истории и культуры средневековья. СПб., 1991. С.93.

Angermeier H. Die Reichsreform (1410 - 1553). Die Staatsproblematik im Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München, 1984. S.166.

Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Bd.II, München, 1973. S.244

⁴⁷ Брандт. Обзорение истории военного искусства в средних веках. СПб., 1838.

Зедделер. Обзорение истории военного искусства. СПб., 1843.

Богданович. История военного искусства и замечательных походов. СПб., 1853.

⁴⁸ Рюстов. История пехоты. СПб., 1876.

Meynert H. Geschichte des Kriegswesens und der Heeresverfassungen in Europa. Berlin, 1878.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т.III, IV., М., 1996 - 1997.

⁴⁹ Jähns M. Handbuch für Kriegswesens. Berlin, 1972.

Пузыревский А. История военного искусства в средние века. СПб., 1884.

Михневич. История военного искусства. СПб., 1896.

Агапеев. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств. СПб., 1907.

Свечин А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М. - Л., 1927.

⁵⁰ Oman Ch. A Histori of War in the Sixteenth Centuri. London, 1937.

⁵¹ Frauenholz E. von. Entwicklungsgeschichte des deutschen Heerwesens. 2 Bde., München, 1936 - 1937.

Ullrich J. Das Kriegswesen im Wandel der Zeiten. Leipzig, 1940.

Fuchs T. Geschichte des europäischen Kriegswesens. München, 1972.

Hermann С.Н. Deutsche Militärgeschichte: Eine Einführung. München, 1979.

⁵² Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956.

Разин Е.А. История военного искусства. Т. II., М., 1957.

⁵³ Меринг Ф. Указ. соч., С.118.

⁵⁴ Разин Е.А. Указ. соч., С.616.

⁵⁵ Энгельс Ф. Армия, Артиллерия, Кавалерия, Пехота. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. XIV., М., 1956.

⁵⁶ Roberts M. The Military Revolution 1560 - 1660. Belfast, 1956.

Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the rise of the West 1500 - 1800. Cambridge, 1988.

⁵⁷ Baumann B. von. Studien über die Verpflegung der Kriegsheere im Felde. Leipzig - Heidelberg, 1867.

Рихтгофен. Военное хозяйство в военном, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1866.

⁵⁸ Erben W. Beiträge zur Geschichte der Landsknechte. // Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums in Wien. Bd.III., Wien, 1907.

Erben W. Kriegsartikel und Reglements als Quelle zur Geschichte der k. und k. Armee. // Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums in Wien. Bd.I., Wien, 1902.

Friccius C. Geschichte des deutschen, insbesondere des preussischen Kriegsrechts. Berlin, 1848.

Бобровский П.О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск. (XVI, XVII, и начало XVIII вв.). СПб., 1881.

Бобровский П.О. Старо-шведское военное право. М., 1881.

⁵⁹ Blau F. Die deutsche Landsknechte. Ein Kulturbild. Görlitz, 1882.

Liebe G. Der Soldat in den deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1899.

Wesseli J. Die Landsknechte. Eine culturhistorische Studie. Görlitz. 1877.

⁶⁰ Baumann R. Landsknechte: ihre Geschichte und Kultur vom späten Mittelalter bis zum Dreissigjährigen Krieg. München, 1994.

⁶¹ Kuntze P.H. Verlorenes Blut. Zweitausend Jahre deutsches Söldnertum. Leipzig, 1936.

⁶² В последнее время подобный подход все заметнее проникает и в отечественную историческую науку, блестящим примером чему является недавняя диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.Р.Новоселова «Война и дворянство в мемуарах французских капитанов XVI столетия». (Новоселов В.Р. Война и дворянство в мемуарах французских капитанов XVI столетия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. С.8-9.)

⁶³ Möller H.M. Das Regiment der Landsknechte. Untersuchungen zu Verfassung, Recht und Selbstverständnis in deutschen Söldnerheeren des 16. Jh. // Frankfurter historische Abhandlungen. Bd.12., Wiesbaden, 1976.

Baumann R. Landsknechte: ihre Geschichte und Kultur vom späten Mittelalter bis zum Dreißigjährigen Krieg. München, 1994.

⁶⁴ Corvisier A. La Guerre: essais historiques. Paris, 1995.

⁶⁵ Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. Berlin, 1985.

⁶⁶ Nell M. Die Landsknechte. Entstehung der ersten deutschen Infanterie. Berlin, 1914.

Kurzmann G. Maximilian I. und das Kriegswesen der österreichischen Länder und des Reiches. Graz, 1983.

Pleticha H. Landsknecht, Bundschu, Söldner. Würzburg, 1974.

Laux M. Der Ursprung der Landsknechte. // Zeitschrift für Kulturgeschichte. Bd. 8., 1901.

⁶⁷ Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. 5 Bde., München, 1971 - 1986.

Barthold F.W. Georg von Frundsberg und deutsche Kriegshandwerck zur Zeit den Reformation. Leipzig, 1833.

Baumann R. Georg von Frundsberg, Vater der Landsknechte, Feldhauptman von Tirol. München, 1991.

Welti L. Graf Jakob Hannibal I. von Hohenems. Ein Leben im Dienste des katholischen Abendlandes. Innsbruck, 1954.

Uhlhorn F. Reinhard Graf zu Solms, Herr zu Münzenberg, 1491 - 1562. Marburg, 1952.

Примечания к Главе I

⁶⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III., СПб., 1996. С.154.

⁶⁹ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987. С.17.

⁷⁰ Там же. С.20.

⁷¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.194.

⁷² Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции в XIII-XV вв. М., 1989. С.122.

⁷³ Рихтгофен. Военное хозяйство в военном, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1866. С.227.

⁷⁴ Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // Средние века. №37, 1973. С.86.

⁷⁵ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.193.

-
- ⁷⁶ Baumann R. Landsknechte: ihre Geschichte und Kultur vom späten Mittelalter bis zum Dreissigjährigen Krieg. München, 1994. S.14.
- ⁷⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.196.
- ⁷⁸ Baumann R. Landsknechte... S.14.
- ⁷⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.193.
- ⁸⁰ Baumann R. Landsknechte... S.14.
- ⁸¹ Bosl K. Die Grundlagen der modernen Gesellschaft im Mittelalter. Stuttgart, 1972. S.106,109.
- ⁸² Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.146.
- ⁸³ Baumann R. Landsknechte... S.18.
- ⁸⁴ Писарев Ю.И. Указ. соч. С.93-94. Хачатурян Н.А. Указ. соч. С.140.
- ⁸⁵ Хачатурян Н.А. Указ. соч. С.129,132.
- ⁸⁶ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С.70.
- ⁸⁷ История Византии. Т. III., М., 1967. С.91-96.
- ⁸⁸ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.318.
- ⁸⁹ Vlastenbrei P. Die Sforza und ihr Heer. Heidelberg, 1987. S.203.
- ⁹⁰ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.319-323.
- ⁹¹ Хачатурян Н.А. Указ. соч. С.160.
- ⁹² Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.17-18.
- ⁹³ Roberts M. The Military Revolution 1560 - 1660. Belfast, 1956.
- Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the rise of the West 1500 - 1800. Cambridge, 1988.
- ⁹⁴ Baumann R. Landsknechte... S.27.
- ⁹⁵ Ibid. S.19.
- ⁹⁶ Mockler A. The Mercenaries. New York, 1969. S.75.
- ⁹⁷ Ibid. S.76.
- ⁹⁸ Baumann R. Landsknechte... S.20-21.
- ⁹⁹ Nell M. Die Landsknechte. Entstehung der ersten deutschen Infanterie. Berlin, 1914. S.82.
- ¹⁰⁰ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.193.
- ¹⁰¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С.43.
- ¹⁰² Коммин Ф. де. Указ. соч. С.207.

-
- ¹⁰³ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.318.
- ¹⁰⁴ Liebe G. Der Soldat in den deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1899. S.16.
- ¹⁰⁵ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.226.
- ¹⁰⁶ Там же. С.227.
- ¹⁰⁷ Liebe G. Op. cit. S.14.
- ¹⁰⁸ Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий город XIV - XV вв. Сборник материалов. М., 1938. С.94-97.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Liebe G. Op. cit. S.43.
- ¹¹⁰ Ullrich J. Das Kriegswesen im Wandel der Zeiten. Leipzig, 1940. S.82.
- ¹¹¹ Liebe G. Op. cit. S.18.
- ¹¹² Fugger J.J. Spiegel der Ehren des Erzhauses Oesterreich. Nürnberg, 1668. S.1371.
Jähns M. Handbuch für Kriegswesens. Berlin, 1972. S.938.
- ¹¹³ Nell M. Op. cit. S.70.
- ¹¹⁴ Baumann R. Landsknechte... S.31.
- ¹¹⁵ Jähns M. Handbuch für Kriegswesens. S.935.
- ¹¹⁶ Fugger J.J. Op. cit. S.1373.
- ¹¹⁷ Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952. С.306-307.
- ¹¹⁸ Fugger J.J. Op. cit. S.1371.
- ¹¹⁹ Ibid. S.1373.
- ¹²⁰ Ibid. S.1028.
- ¹²¹ Ibid. S.1372.
- ¹²² Янсен Г. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации. СПб., 1898. С.209,213.
- ¹²³ Там же. С.217.
- ¹²⁴ Лампрехт К. История германского народа. Т. III., М., 1896. С.13.
- ¹²⁵ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С.120.
- ¹²⁶ Лампрехт К. Указ. соч. С.18.
- ¹²⁷ Янсен Г. Указ. соч. С.227-265.
- ¹²⁸ Коммин Ф. де. Указ. соч. С.183.
- ¹²⁹ Nell M. Op. cit. S.17.
- ¹³⁰ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.325.

-
- ¹³¹ Янсен Г. Указ. соч. С.236-237.
- ¹³² Коммин Ф. де. Указ. соч. С.236.
- ¹³³ Baumann R. Landsknechte... S.32.
- ¹³⁴ Römisch Kayserlicher Mayestät Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte. Wien, 1883. S.3.
- ¹³⁵ Fuchs T. Geschichte des europäischen Kriegswesens. München, 1972. S.184-185.
- ¹³⁶ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.10.
- ¹³⁷ Nell M. Op. cit. S.104.
- ¹³⁸ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.11.
- ¹³⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.296.
- ¹⁴⁰ Коммин Ф. де. Указ. соч. С.237.
- ¹⁴¹ Nell M. Op. cit. S.119.
- ¹⁴² Лампрехт К. Указ. соч. С.14.
- ¹⁴³ Там же. С.16.
- ¹⁴⁴ Baumann R. Landsknechte... S.33.
- ¹⁴⁵ Второй версии придерживались: Laux M. Der Ursprung der Landsknechte.// Zeitschrift für Kulturgeschichte. Bd. 8., 1901. S.18.; Baumann R. Landsknechte... S.47., первой же - все остальные историки наемничества.
- ¹⁴⁶ Подробный обзор см.: Oman Ch. A Histori of War in the Sixteenth Centuri. London, 1937. S.75.; Nell M. Op. cit. S.286.
- ¹⁴⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.13.
- ¹⁴⁸ Oman Ch. Op. cit. S.76.
- ¹⁴⁹ Baumann R. Landsknechte... S.47.
- ¹⁵⁰ Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. Berlin, 1985. S.832.
- ¹⁵¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.13.
- ¹⁵² Jähns M. Handbuch für Kriegswesens. S.939.
- Blau F. Die deutsche Landsknechte. Ein Kulturbild. Görlitz, 1882. S.6-7.
- ¹⁵³ Nell M. Op. cit. S.268.
- ¹⁵⁴ Коммин Ф. де. Указ. соч. С.364.
- ¹⁵⁵ Nell M. Op. cit. S.160.
- ¹⁵⁶ Ibid. S.34,42,195.
- ¹⁵⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.14.

¹⁵⁸ Schärtlin S. von. Lebensbeschreibung des Schärtlin von Burtenbach.//Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972. S.39.

Schwendi L. von. Discurs und Bedenken über den Zustand des Heiligen Reiches von 1570// Lazarus von Schwendi, der erste Verkünder allgemeinen Wehrpflicht, hrsg. von Frauenholz E. Hamburg, 1939. S.182.

¹⁵⁹ Цит. по: Nell M. Op. cit. S.255.

¹⁶⁰ Baumann R. Landsknechte... S.34.

¹⁶¹ Nell M. Op. cit. S.109.

¹⁶² Рюстов. История пехоты. Т.I., СПб., 1876. С.201.

¹⁶³ Nell M. Op. cit. S.147-153.

¹⁶⁴ Fugger J.J. Op. cit. S.1373.

¹⁶⁵ Meinhard A. Der Schwartenhals, Lieder der Landsknechte. Heidenheim an der Brenz, 1976. S.9.

¹⁶⁶ Baumann R. Landsknechte... S.115-116.

Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Bd.V. S.551.

¹⁶⁷ Fugger J.J. Op. cit. S.1372-1373.

¹⁶⁸ Таценко Т.Н. Немецкое дворянство в XVI в.//Европейское дворянство XVI - XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С.170.

¹⁶⁹ Цит. по: Янсен Г. Указ. соч. С.219.

¹⁷⁰ Blau F. Die deutsche Landsknechte. Ein Kulturbild. Görlitz, 1882. S.8.

¹⁷¹ Nell M. Op. cit. S.158.

¹⁷² Например, Hermann C.H. Deutsche Militärgeschichte: Eine Einführung. München, 1979. S.61.

¹⁷³ Baumann R. Landsknechte... S.36-38.

Liebe G. Op. cit. S.19

Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.12-13. и т. п.

¹⁷⁴ Baumann R. Landsknechte... S.110.

¹⁷⁵ Гончарова В.И. Австрия в реформаторской деятельности Максимилиана I.// Из истории и культуры средневековья. СПб., 1991. С.89.

¹⁷⁶ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.282.

¹⁷⁷ Stolz O. Geschichte des Landes Tirol. Wien, 1955. S.464.

-
- ¹⁷⁸ Meynert H. Geschichte des Kriegswesens und der Heeresverfassungen in Europa. Bd.II. Berlin, 1878. S.11.
- ¹⁷⁹ Stolz O. Op. cit. S.508.
- ¹⁸⁰ Gschntzer F. Tirol. Geschichtliche Einheit. Wien, 1958. S.17.
- ¹⁸¹ Jähns M. Handbuch für Kriegswesens. S.939.
- ¹⁸² Fuchs T. Op.cit. S.186.
- ¹⁸³ Янсен Г. Указ. соч. С.238-239, 274.
- ¹⁸⁴ Там же. С.251-252.
- ¹⁸⁵ Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. S.446.
- ¹⁸⁶ Например, Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.47.
- ¹⁸⁷ Padrutt Ch. Staat und Krieg im alten Bünden. Zürich, 1965. S.62-65.
- ¹⁸⁸ Hermann C.H. Op.cit. S.64.
- ¹⁸⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III., С.369.
- ¹⁹⁰ Там же. С.369.
- ¹⁹¹ Padrutt Ch. Op.cit. S.66.
- ¹⁹² Ibidem.
- ¹⁹³ Baumann R. Landsknechte... S.26.
- ¹⁹⁴ Oman Ch. Op.cit. S.64.
- ¹⁹⁵ Косминский Е.А. Были ли XIV - XV вв. временем упадка европейской экономики?//Средние века. №10, 1957. С.255-271.
- ¹⁹⁶ Янсен Г. Указ. соч. С.305.
- ¹⁹⁷ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.//Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. VII., М., 1956. С.354.
- ¹⁹⁸ Майер В.Е. Крестьянство в Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С.35.
- ¹⁹⁹ Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С.13.
- ²⁰⁰ Майер В.Е. Деревня и город в Германии в XIV - XVI вв. Л., 1979. С.157-162.
- ²⁰¹ Майер В.Е. Крестьянство... С.31.
- ²⁰² Там же. С.32.
- ²⁰³ Майер В.Е. Деревня и город... С.135-136.
- ²⁰⁴ Янсен Г. Указ. соч. С.14.
- ²⁰⁵ История крестьянства в Европе. Т. III., М., 1986. С.136.
- ²⁰⁶ Майер В.Е. Деревня и город... С.158-159.

Некрасов Ю.К. Реформа или революция? Вологда, 1998. С.98.

²⁰⁷ Майер В.Е. Крестьянство... С.32.

Янсен Г. Указ. соч. С.5.

²⁰⁸ Там же. С.4.

²⁰⁹ Майер В.Е. Крестьянство... С.32.

²¹⁰ Проблемы генезиса капитализма. С.51.

²¹¹ История крестьянства в Европе. Т. III., С.136.

Майер В.Е. Крестьянство... С.32.

²¹² Проблемы генезиса капитализма. С.20.

²¹³ Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV - XV вв. М. - Л., 1936. С.81.

²¹⁴ Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в к. XV - XVI вв.//Проблемы германской истории. Ижевск, 1989. С.55.

²¹⁵ Эпштейн А.Д. Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV - начале XVI вв.//Средние века. №10, 1957. С.138-140.

²¹⁶ Дятлов В.А. Указ. соч. С.55.

²¹⁷ Некрасов Ю.К. Очерк из экономической истории Германии конца XV - начала XVI вв.//Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV - XVI вв. Вологда, 1969. С.157.

²¹⁸ Некрасов Ю.К. Реформа или революция? С.105.

²¹⁹ Проблемы генезиса капитализма. С.48.

²²⁰ Лучицкий И.В. Новые материалы для истории цен в Германии. // Экономический журнал. 1889, №5, С.15.

²²¹ Майер В.Е. Крестьянство... С.167.

²²² Проблемы генезиса капитализма. С.50.

²²³ Майер В.Е. Крестьянство... С.167.

²²⁴ Таценко Т.Н. Указ. соч. С.151.

²²⁵ Deutsche Geschichte. Bd.I., Berlin, 1974. S.485.

²²⁶ Янсен Г. Указ. соч. С.125-126.

²²⁷ История Европы. Т. III., М., 1993. С.77.

²²⁸ Янсен Г. Указ. соч. С.128.

²²⁹ Лучицкий И.В. Указ. соч. С.7.

-
- ²³⁰ Цит. по: Янсен Г. Указ. соч. С.45.
- ²³¹ Вальггаузен Й.Я. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С.29.
- ²³² Abel M. Massenarmut und Hungerkriesen im vorindustriellen Europa: Versuch einen Synoptis. Hamburg, 1974. S.95-96.
- ²³³ Baumann R. Landsknechte... S.65-66.
- ²³⁴ Irsigler F., Lassotta A. Bettler und Gaukler, Dimen und Henker: Außenseiter in einer mittelalterlichen Stadt. Köln 1300 - 1600. München, 1984. S.67-68.
- ²³⁵ Kurzmann G. Maximilian I. und das Kriegswesen der österreichischen Länder und des Reiches. Graz, 1983. S.86.
- Baumann R. Landsknechte... S.41.
- ²³⁶ Янсен Г. Указ. соч. С.70.
- ²³⁷ Там же. С.70.
- ²³⁸ Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Bd.I., Jena, 1908. S.205-211.
- ²³⁹ Янсен Г. С.76.
- ²⁴⁰ Baumann R. Landsknechte... S.57.
- ²⁴¹ Цит. по: Рихтгофен. Военное хозяйство в военном, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1866. С.237.
- ²⁴² Nell M. Op. cit. S.158.
- ²⁴³ Макиавелли Н. Указ. соч. С.410.
- ²⁴⁴ Geschichte der Schweiz. München, 1991. S.21.
- ²⁴⁵ Baumann R. Landsknechte... S.188.
- ²⁴⁶ Ibid. S.59-60.
- ²⁴⁷ Ibid. S.137.
- ²⁴⁸ Янсен Г. Указ. соч. С.254.
- ²⁴⁹ Oman Ch. Op. cit. S.79.
- ²⁵⁰ Bilgeri B. Bregenz. Geschichte der Stadt. Wien - München, 1980. S.165.
- ²⁵¹ Baumann R. Landsknechte... S.200.
- ²⁵² Frauenholz E. von. Entwicklungsgeschichte des deutschen Heerwesens. Bd.II., München, 1937. S.24.
- ²⁵³ Baumann R. Landsknechte... S.61-62.
- ²⁵⁴ Wiesflecker H. Op. cit. Bd.IV. S.546.

²⁵⁵ Baumann R. Landsknechte... S.38.

²⁵⁶ Данный подход наиболее ярко представлен в работе П.Кунтце (Kuntze P.H. Verlorenes Blut. Zweitausend Jahre deutsches Söldnertum. Leipzig, 1936.).

Примечания к Главе II

²⁵⁷ В данной работе кажется целесообразным использовать русскую транскрипцию оригинальных обозначений военных должностей и воинских подразделений. Многие из этих наименований до сего времени сохраняются в бундесвере, что нередко приводит к ошибочному их переводу современными русскими аналогами. Однако их смысл до вт.пол.XVII-нач.XVIIIвв. был качественно иным. В к.XV-сер.XVIIвв. не существовало разграничения между воинским званием и должностью, поскольку офицерский корпус как таковой еще не существовал. Вожди наемников не являлись офицерами в современном понимании, т.е. государственными чиновниками, отвечающими не только за командование войсками, но и за само формирование солдата как в чисто военном, так и в идеологическом плане. Функции предводителей ландскнехтов были совершенно иными. Поэтому оберст (der Oberst - букв. «верховный», «высший») не идентичен современному полковнику, хауптман (der Hauptmann - букв. «главный человек») - капитану, наименование же «лейтенант» (der Leutenannt) - вообще обозначает должность заместителя любого командира или военачальника - от хауптмана до фельдберста (der Feldoberst), т.е. главнокомандующего и самого монарха - der Obersten Leutenannt - Верховный заместитель, каковым являлся главнокомандующий. То же можно сказать и об обозначении воинских подразделений. Регимент (das Regiment - букв. «правление», «господство») - административная единица наемной армии, насчитывавшая от трех до пяти тысяч бойцов, делился на фенляйны (das Fahnlein - букв. «значок») (300-500 бойцов), возглавлявшиеся хауптманами. Тактической единицей было хауфе (der Haufe - букв. «отряд», «толпа», «колонна») или гефиртхауфе (der Gevierthaufe) - плотная квадратная колонна любой численности .

²⁵⁸ Stichel B. Burkhard Stickels Tagebuch.//Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972. S.118.

²⁵⁹ Solms R. der Altere, Graf zu. Dieses Buch und Kriegsbeschreibung ist vermeltten und berichten einen guten ordentlichen Kriegsregirung/nach alten Teutschen Ordnung/gebrauch

und Lerkomen/mit andern noch Büchern von aller Kriegsregirung und Rüstung so zu dem Krieg gehört... Bd. I. Lich, 1559-1561. F.37.

Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... Frankfurt am Mein, 1555. F.XLV.

См. ПРИЛОЖЕНИЕ I.

²⁶⁰ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.XLVIII.

²⁶¹ Mockler A. Op. cit. S.44.

²⁶² Baumann R. Landsknechte... S.50.

Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий город XIV - XV вв. Сборник материалов. М., 1938. С.94-97.

²⁶³ Baumann R. Landsknechte... S.50-51.

²⁶⁴ Reissner A. Historia Herrn Georgen unnd Herrn Casparn von Frundsberg/Fatters und Sons/beyder Herrn zu Mündelheim/und keyserlicher Oberster Feldherrn/Ritterlichen und Loblichen Kriegßthaten. Frankfurt am Mein, 1568. F.81.

²⁶⁵ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. М., 1976. С.170.

Baumann R. Landsknechte... S.201.

²⁶⁶ Ibid. S.57.

²⁶⁷ Baumann R. Georg von Frundsberg, Vater der Landsknechte, Feldhauptman von Tirol. München, 1991. S.176.

Welti L. Graf Jakob Hannibal I. von Hohenems. Ein Leben im Dienste des katholischen Abendlandes. Innsbruck, 1954. S.218.

²⁶⁸ Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten... Frankfurt am Meyn, 1573. F.XXV.

Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges in der Zeiten der vorwalten- den Einflusses der Wittelsbacher. Bd.VII. München, 1905. S.417.

См. ПРИЛОЖЕНИЯ II, III.

²⁶⁹ Baumann R. Landsknechte... S.54.

²⁷⁰ Ibid. S.55.

²⁷¹ Янсен Г. Указ. соч. С.18.

²⁷² Вальсгаузен Й.Я. Указ. соч. С.47.

²⁷³ Monumenta Habsburgica. Sammlung von Akten und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburgen dem Zeitraume von 1473 bis 1576. Bd.II., Wien, 1855. S.415-416,422-423.

²⁷⁴ Рихтгофен. Указ. соч. С.236.

- ²⁷⁵ Там же. С.236.
- ²⁷⁶ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... ff.XVII.
- ²⁷⁷ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.104.
- ²⁷⁸ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.XVIII.
- ²⁷⁹ Валльгаузен Й.Я. Указ. соч. С.40.
- ²⁸⁰ Цит. по: Möller Н.М. Das Regiment der Landsknechte. Untersuchungen zu Verfassung, Recht und Selbstverständnis in deutschen Söldnerheeren des 16. Jh.//Frankfurter historische Abhandlungen. Bd.12., Wiesbaden, 1976. S.27.
- ²⁸¹ Валльгаузен Й.Я. Указ. соч. С.40.
- ²⁸² Schwendi L. von. Op. cit. S.52.
- ²⁸³ Tratzberg P.P. von. Holländisch Kriegs Recht, und Artickels-Brieff, von Herr Petro Pappo von Tratzberg, mit Annotationibus und Fundamentis Juridicis also explicirt, dass es gegenet mag werden ein Corpus Juris militaris, beyfügt Kayser Maximiliani II Artickels-Brieff. Frankfurt am Mayn, 1632. S.144.
- ²⁸⁴ Валльгаузен Й.Я. Указ. соч. С.39.
- ²⁸⁵ Там же. С.39.
- ²⁸⁶ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.LXV-ff.LXVIII.
Tratzberg P.P. von. Op. cit. S.141-155. (См. ПРИЛОЖЕНИЕ IV.)
- ²⁸⁷ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland. München - Leipzig, 1889. S.474-477.
- ²⁸⁸ Фендрик (der Fandrich) - знаменосец, обычно - опытный воин, самая заметная фигура фенляйна, отвечал за поддержание боевого духа в сражении как словом, так и личным примером. Вайбель (der Weybel) - распорядитель, строил ландскнехтов в боевой порядок, расставлял караулы и т.п. Обычно в фенляйне имелось по два рядовых вайбеля, подчинявшихся фельдвайбелю (der Feldweybel).
- ²⁸⁹ Александров С.Е. Статейная грамота - памятник военного права периода позднего средневековья.//Научные труды МПГУ. М., 1999. С.191-192.
- ²⁹⁰ Hermann С.Н. Op. cit. S.60.
- ²⁹¹ Erben W. Beiträge zur Geschichte der Landsknechte.//Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums in Wien. Bd.III., Wien, 1907. S.107-116.
- ²⁹² Erben W. Kriegsartikel und Reglements als Quelle zur Geschichte der k. und k. Armee.//Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums in Wien. Bd.I., Wien, 1902. S.490.

²⁹³ Lünig I.C. *Corpus Juris militaris novissimum oder neustes Kriegs-Recht*. Leipzig, 1724. S.3-4.

²⁹⁴ Fronspurger L. *Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung...* F.LXV.

²⁹⁵ Tratzberg P.P. von. *Op. cit.* S.141-155.

См. ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

²⁹⁶ Рейтарами (*die Reiter*) называли всадников, как правило, не имевших полного рыцарского снаряжения и вооруженных пистолетами. Рейтары атаковали врага большими отрядами, подвергая плотному обстрелу путем караколирования. Отряды немецких рейтар, возникшие в годы Шмалькальденской войны, ввиду своей относительно невысокой стоимости и чрезвычайной эффективности, пользовались большой популярностью и значительным спросом у иностранных государей, долгое время не имевших подобных войск.

²⁹⁷ Кирасирами, вплоть до последней четверти XVI в. называли конных латников, основным оружием которых являлось тяжелое рыцарское копье. К концу столетия, кирасирами стали называть слабее вооруженных и хуже подготовленных воинов, лишенных копий и атаковавших противника колоннами. Препные копьеносцы - элита войска, в силу специфики своего снаряжения, сражавшиеся небольшими отрядами (одна - две шеренги), существовали еще некоторое время под именем «копейщиков».

²⁹⁸ Dilich W. *Kriegsbuch darinn die alte und neue militia und Kriegsdisziplin beschreiben*. 1607. S.128.

²⁹⁹ Бобровский П.О. *Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск. (XVI, XVII, и начало XVIII вв.)*. СПб., 1881. С.367.

³⁰⁰ Solms R. der Altere, Graf zu. *Ein kurtzer Auszug und Überschlag...* Cöln, 1556.

³⁰¹ Fronspurger L. *Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung...* F.XLVIII.

³⁰² Fronspurger L. *Von Wagenburg und Feldleger...* Frankfurt am Meyn, 1573. F.XXI.

³⁰³ Baumann R. *Landsknechte...* S.64,88.

³⁰⁴ Вальгаузен Й.Я. *Указ. соч.* С.49.

³⁰⁵ Baumann R. *Landsknechte...* S.87.

³⁰⁶ Jähns M. *Geschichte der Kriegswissenschaften...* S.475.

³⁰⁷ Александров С.Е. *Указ. соч.* С.193.

См.: ПРИЛОЖЕНИЕ IV, *Articulus XIX*.

³⁰⁸ Александров С.Е. *Указ. соч.* С.192.

См.: ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus X.

³⁰⁹ Möller H.M. Op. cit. S.79.

³¹⁰ Solms R. der Altere, Graf zu. Ein kurtzer Auszug und Überschlag...

³¹¹ Solms R. der Altere, Graf zu. Dieses Buch und Kriegsbeschreibung ist vermelten und berichten einen guten ordentlichen Kriegsregirung... Bd.II. F.79.

Fronsperger L. Von Wagenburg und Feldleger... ff.XX.

³¹² Янсен Г. Указ. соч. С.50.

³¹³ Baumann R. Landsknechte... S.88.

³¹⁴ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.LXV.

³¹⁵ Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961. С.29.

³¹⁶ Schwendi L. von. Op. cit. S.283.

³¹⁷ Baumann R. Georg von Frundsberg... S.114.

³¹⁸ Stickel B. Op. cit. S.129.

³¹⁹ Schwendi L. von. Op. cit. S.283.

³²⁰ Ibid. S.122,152.

³²¹ Fronsperger L. Von Wagenburg und Feldleger... ff.XCIV-F.XCV.

³²² См.: ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XVI, XX, LIII, LV, LXII и т.д.

³²³ Рихтгофен. Указ. соч. С.244.

³²⁴ Baumann R. Georg von Frundsberg... S.275.

Möller H.M. Op. cit. S.78.

³²⁵ Рихтгофен. Указ. соч. С.264.

³²⁶ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.33-36.

³²⁷ Авдеева К.Д. Демографические процессы в Западной Европе в XVIв. //Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987. С.148,152.

³²⁸ Meynert H. Op. cit. Bd.I. S.85.

Baumann B. von. Studien über die Verpflegung der Kriegsheere im Felde. Leipzig-Heidelberg, 1867. S.124.

³²⁹ Бобровский П.О. Состояние военного права в Западной Европе... С.224.

³³⁰ Вальсгаузен Й.Я. Указ. соч. С.33.

³³¹ Там же. С.32.

³³² Цит. по: Baumann R. Landsknechte... S.133.

³³³ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.XLV.

- ³³⁴ Fronsperger L. Von Wagenburg und Feldleger... F.XIX-ff.XX.
- ³³⁵ Dilich W. Kriegsbuch darinn die alte und neue militia und Kriegsdisziplin beschreiben. 1607. S.209-212.
- Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim, 1615. S.15.
- ³³⁶ Ibid. S.15.
- ³³⁷ Янсен Г. Указ. соч. С.267.
- ³³⁸ Чуюнов А.Ф. Становление Протестантского союза в Германии (20 - 30-е гг. XVI в.).//Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997. С.98.
- ³³⁹ Adler S. Die Organisation der Centralverwaltung unter Kaiser Maximilian I. Leipzig, 1882. S.244-248.
- ³⁴⁰ Рихтгофен. Указ. соч. С.214-216.
- ³⁴¹ Алексеев В.М. Указ. соч. С.40.
- ³⁴² Reinecke. Handbuch des Sächsischen Steuerrechts. Merseburg, 1830. S.20-54.
- ³⁴³ История Европы. Т. III., М., 1993. С.178,182-184.
- ³⁴⁴ Jansen M. Jacob Fugger der Reiche. Leipzig, 1910. S.211,263.
- ³⁴⁵ Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848. М., 1961. С.90.
- ³⁴⁶ Некрасов Ю.К. Очерк из экономической истории Германии конца XV - начала XVI вв.//Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV - XVI вв. Вологда, 1969. С.163.
- ³⁴⁷ Там же. С.182.
- ³⁴⁸ Там же. С.157.
- ³⁴⁹ Алексеев В.М. Указ. соч. С.46-47.
- ³⁵⁰ Рихтгофен. Указ. соч. С.261.
- ³⁵¹ Меринг Ф. Указ. соч. С.128.
- ³⁵² Baumann R. Landsknechte... S.167.
- ³⁵³ Nell.M. Op. cit. S.178.
- ³⁵⁴ См.: Reissner A. Op. cit.
- ³⁵⁵ Ibid. ff.XVIII.
- ³⁵⁶ Вальдгаузен Й.Я. Указ. соч. С.30.

-
- ³⁵⁷ Barthold F.W. Georg von Frundsberg und deutsche Kriegshandwerck zur Zeit den Reformation. Leipzig, 1833. S.56.
- ³⁵⁸ Diwald H. Wallenstein. Eine Biographie. München, 1975. S.265-292.
- ³⁵⁹ Чуянов А.Ф. Указ. соч. С.91.
- ³⁶⁰ Schärtlin S. von. Lebensbeschreibung des Schärtlin von Burtenbach.//Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972.
- ³⁶¹ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.59.
- ³⁶² Там же. С.58.
- ³⁶³ Press V. Adel im Reich um 1600.//Socialforschung und «Gesamtgeschichte». Beispiele und Methodenfragen zur Geschichte der frühen Neuzeit. München, 1982. S.32.
- ³⁶⁴ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.61.
- ³⁶⁵ Baumann R. Landsknechte... S.180.
- ³⁶⁶ Baumann R. Georg von Frundsberg... S.259.
- ³⁶⁷ Welti L. Graf Jakob Hannibal I. von Hohenems. Ein Leben im Dienste des katholischen Abendlandes. Innsbruck, 1954. S.184.
- ³⁶⁸ Diwald H. Op. cit. S.222-247.
- ³⁶⁹ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.60.
- ³⁷⁰ Dilich W. Op. cit. S.209.
- ³⁷¹ Цит. по: Рихтгофен. Указ. соч. С.248.
- ³⁷² Solms R. der Altere, Graf zu. Dieses Buch und Kriegsbeschreibung ist vermelden und berichten einen guten ordentlichen Kriegsregirung... Bd.I. F.19.
- ³⁷³ Schärtlin S. von. Op. cit. S.48.
- ³⁷⁴ Baumann R. Landsknechte... S.178.
- ³⁷⁵ Fragensteiner O. Die Schlacht bei Bicocca, hrsg. von Steinböck W.//Kleine Studien aus dem Maristenkolleg. Mindelheim, 1973. №6. V.445,604.
- ³⁷⁶ Meinhard A. Der Schwartenhals, Lieder der Landsknechte. Heidenheim an der Brenz, 1976. S.72.
- ³⁷⁷ Solms R. der Altere, Graf zu. Ein kurtzer Auszug und Überschlag...
- ³⁷⁸ Fronsperger L. Von Wagenburg und Feldleger... F.XIX-ff.XX.
- ³⁷⁹ Nell.M. Op. cit. S.172.
- ³⁸⁰ Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten Malefitz und Schuldhandeln... ff.XXI-F.XXVI.

³⁸¹ Oman Ch. Op. cit. S.66.

³⁸² Цит. по: Erben W. Beiträge zur Geschichte der Landsknechte... S.121.

³⁸³ Baumann R. Landsknechte... S.110.

³⁸⁴ Dilich W. Op. cit. S.215.

Schwendi L. von. Op. cit. S.122,128,131-133.

³⁸⁵ Янсен Г. Указ. соч. С.75.

³⁸⁶ Sastrow B. Ein deutscher Bürger der sechszehnten Jahrhunderts. Selbstschilderung des stralsunder Bürgermeister Bartholomeus Sastrow. Leipzig, 1972. S.137-138.

³⁸⁷ Вальггаузен Й.Я. Указ. соч. С.50.

³⁸⁸ Oman Ch. Op. cit. S.78.

³⁸⁹ Möller H.M. Op. cit. S.72-74.

³⁹⁰ Tratzberg P.P. von. Op. cit. S.145.

Solms R. der Aeltere, Graf zu. Dieses Buch und Kriegsbeschreibung ist vermeltten und berichten einen guten ordentlichen Kriegsregirung... Bd.I. ff.79.

³⁹¹ Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß.

Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Roß. Oppenheim, 1617.

Wallhausen J.J. Kunstliche Piquen Handlung. 1689.

Isselburg. Kunstliche Waffenhandlung oder Musqueten und Piquen. 1620.

³⁹² Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten Malefitz und Schuldhandeln... F.CCIX.

³⁹³ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... ff.XX.

Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. S.15.

³⁹⁴ Бобровский П.О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск... С.222.

³⁹⁵ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.153-155.

³⁹⁶ Бобровский П.О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск... С.366-370.

³⁹⁷ Бобровский П.О. Старо-шведское военное право. М., 1881. С.3.

³⁹⁸ Friccius C. Geschichte des deutschen, insbesondere des preussischen Kriegsrechts. Berlin, 1848. S.102.

³⁹⁹ Friccius C. Op. cit. S.44-47.

⁴⁰⁰ Ibid. S.39.

Каролина. Казань., 1976.

- ⁴⁰¹ Каролина. С.3.
- ⁴⁰² Friccius C. Op. cit. S.40.
- ⁴⁰³ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.LIX.
- ⁴⁰⁴ Ibid. F.LXXVI-LXXVIII.
- ⁴⁰⁵ Dilich W. Op. cit. S.149-154.
- ⁴⁰⁶ Ibid. S.128-149.
- ⁴⁰⁷ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... F.LXV.
- ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus I.
- ⁴⁰⁸ Welti L. Op. cit. S.141-144.
- ⁴⁰⁹ Liebe G. Op. cit. S.25.
- ⁴¹⁰ Liliencron R. von. Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13.-16. Jh. Bd.II. Leipzig, 1865 - 1869. S.539.
- ⁴¹¹ Вальгаузен Й.Я. Указ. соч. С.55-56.
- ⁴¹² Baumann R. Landsknechte... S.136.
- ⁴¹³ Ibid. S.137.
- ⁴¹⁴ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.50-51.
- ⁴¹⁵ Рихтгофен. Указ. соч. С.244.
- ⁴¹⁶ Baumann R. Landsknechte... S.137-138.
- ⁴¹⁷ Цит. по: Thiel E. Geschichte des Kostüms. Die europäische Mode von Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1982. S.188.
- ⁴¹⁸ Baumann R. Landsknechte... S.203.
- ⁴¹⁹ Ibidem.
- ⁴²⁰ Ibidem.
- ⁴²¹ Ibidem.

Примечания к Главе III

- ⁴²² См.: Meinhard A. Der Schwartenhals, Lieder der Landsknechte. Heidenheim an der Brenz, 1976.
- Liliencron R. von. Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13.-16. Jh. 4 Bde., Leipzig, 1865 - 1869.

⁴²³ Frauenholz E. von. Entwicklungsgeschichte des deutschen Heerwesens. Bd.II., München, 1937. S.10.

Wiesflecker H. Op. cit. Bd.V., S.550.

⁴²⁴ Meinhard A. Op. cit. S.19.

⁴²⁵ Ibid. S.9.

⁴²⁶ Fragensteiner O. Op. cit. V.7-10.

⁴²⁷ Baumann R. Georg von Frundsberg... S.217.

⁴²⁸ Baumann R. Landsknechte... S.178.

⁴²⁹ См. традиционные формы обращения при приведении к присяге, ведении судопроизводства и т.п., приведенные в любом трактате по военному делу XVI в. (Fronsperger L., Solms R. и т.д.)

⁴³⁰ Цит. по: Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.47.

⁴³¹ Baumann R. Landsknechte... S.113.

⁴³² Blau F. Die deutsche Landsknechte. Ein Kulturbild. Görlitz, 1882. S.24.

⁴³³ Römisch Kayserlicher Mayestät Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte. Bd.I., Wien, 1883. F.33.

⁴³⁴ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften... S.476.

⁴³⁵ Вальгаузен Й.Я. Указ. соч. С.30.

⁴³⁶ Baumann R. Landsknechte... S.114.

⁴³⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.92.

⁴³⁸ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... ff.LXVIII.

Schwendi L. von. Op. cit. S.36.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus LI.

⁴³⁹ Möller H.M. Op. cit. S.58.

⁴⁴⁰ Fugger J.J. Op. cit. S.1373.

⁴⁴¹ Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Bd.I., Jena, 1908. S.186.

⁴⁴² Meinhard A. Op. cit. S.63,88,95.

Liliencron R. von. Op. cit. Bd.II., №245., Bd.III., №289,293,418.

⁴⁴³ Александров С.Е. Указ. соч. С.193.

⁴⁴⁴ Вальгаузен Й.Я. Указ. соч. С.54.

⁴⁴⁵ Römisch Kayserlicher Mayestät Kriegsvolker... Bd.I.,F.33.

⁴⁴⁶ Ibid. F.22.

- ⁴⁴⁷ Baumann R. Landsknechte... S.116.
- ⁴⁴⁸ Sastrow B. Op. cit. S.137-138.
- ⁴⁴⁹ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articul. XI,XIV,XIX,XXII-XXIV,XXVII.
- ⁴⁵⁰ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus X.
- Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... ff.LXV.
- ⁴⁵¹ Baumann R. Landsknechte... S.118.
- ⁴⁵² Ibid. S.119.
- ⁴⁵³ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XLVI.
- ⁴⁵⁴ Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung... ff.LXXV-F.LXXVI.
- ⁴⁵⁵ Möller H.M. Op. cit. S.68.
- Baumann R. Georg von Frundsberg... S.126.
- ⁴⁵⁶ Александров С.Е. Указ. соч. С.195.
- ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XLIII.
- ⁴⁵⁷ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.14.
- ⁴⁵⁸ Gagliardi E. Geschichte der schweizarischen Eidgenossenschaft bis zum Abschluß der mailandischen Kriege 1516. Leipzig, 1914. S.158.
- ⁴⁵⁹ Liliencron R. von. Op. cit. Bd.III., №361.
- Baumann R. Georg von Frundsberg... S.200.
- ⁴⁶⁰ Baumann R. Landsknechte... S.114.
- ⁴⁶¹ Fragensteiner O. Op. cit. V.477-480.
- ⁴⁶² Цит. по: Liebe G. Op. cit. S.44.
- ⁴⁶³ Meinhard A. Op. cit. S.64-66.
- ⁴⁶⁴ Baumann R. Landsknechte... S.115.
- ⁴⁶⁵ Цит. по: Немилов А.Н. Проблема «элитарности» имперского рыцарства в конце XV - начале XVI вв.//Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987. С.128.
- ⁴⁶⁶ Янсен Г. Указ. соч. С.74-75.
- ⁴⁶⁷ Tratzberg P.P. von. Op. cit. S.145.
- ⁴⁶⁸ Вальдгаузен Й.Я. Указ. соч. С.29.
- ⁴⁶⁹ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.205-208.
- ⁴⁷⁰ Александров С.Е. Указ. соч. С.195.
- ⁴⁷¹ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articul. XXIX-XXXIV, XL.

-
- ⁴⁷² ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XXXII.
- ⁴⁷³ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XXXI.
- ⁴⁷⁴ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XL.
- ⁴⁷⁵ ПРИЛОЖЕНИЕ IV, Articulus XXX.
- ⁴⁷⁶ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.208.
- ⁴⁷⁷ Baumann R. Landsknechte... S.40.
- ⁴⁷⁸ Thiel E. Op. cit. S.179-188.
- Pleticha H. Landsknecht, Bundschu, Söldner. Würzburg, 1974. S.20.
- ⁴⁷⁹ Römisch Kayserlicher Mayestat Kriegsvolker... Bd.I.,F.23.
- ⁴⁸⁰ Meinhard A. Op. cit. S.12.
- ⁴⁸¹ Baumann R. Landsknechte... S.187.
- ⁴⁸² Ibid. S.188.
- ⁴⁸³ Ibidem.
- ⁴⁸⁴ Jörg J.E. Deutschland in der Revolütionsperiode von 1522 - 1526. Freiburg i. Breisgau, 1851. S.240-242
- ⁴⁸⁵ Baumann F.L. Quellen zur Geschichte der Bauernkriegs in Oberschwaben. Tübingen, 1876. S.251,618.
- ⁴⁸⁶ Ibid. S.727.
- ⁴⁸⁷ Ibid. S.543.
- ⁴⁸⁸ Ibidem.
- ⁴⁸⁹ Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии (по летописям и рассказам очевидцев). Т.П., М., 1937. С.37-38.
- ⁴⁹⁰ Dokumenten aus dem deutschen Bauernkrieg. Leipzig, 1980. S.74.
- ⁴⁹¹ Baumann R. Landsknechte... S.192.
- ⁴⁹² Ibid. S.191.
- ⁴⁹³ Ibidem.
- ⁴⁹⁴ Liliencron R. von. Op. cit. Bd.III., №383.
- ⁴⁹⁵ Baumann R. Landsknechte... S.116.
- ⁴⁹⁶ Blau F. Op. cit. S.127.
- ⁴⁹⁷ Heilmann J. Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1506-1651. Bd. I., München, 1868. S.22.
- ⁴⁹⁸ Цит. по: Liebe G. Op. cit. S.27.

-
- ⁴⁹⁹ Baumann R. Georg von Frundsberg... S.263,277.
- ⁵⁰⁰ Baumann R. Landsknechte... S.194.
- ⁵⁰¹ Reissner A. Op. cit. S.120.
- ⁵⁰² Liliencron R. von. Op. cit. Bd.IV., №525,526,527.
- ⁵⁰³ Blau F. Op. cit. S.128.
- ⁵⁰⁴ Liebe G. Op. cit. S.27.
- ⁵⁰⁵ Цит. по: Liebe G. Op. cit. S.45.
- ⁵⁰⁶ Baumann R. Landsknechte... S.195.
- ⁵⁰⁷ Welti L. Op. cit. S.204.
- ⁵⁰⁸ Brandi K. Kaiser Karl V. Der Kaiser und sein Weltreich. München, 1973. S.388.
- ⁵⁰⁹ Baumann R. Landsknechte... S.195.
- ⁵¹⁰ Uhlhorn F. Reinhard Graf zu Solms, Herr zu Münzenberg, 1491-1562. Marburg, 1952. S.145-201.
- ⁵¹¹ Цит. по: Liebe G. Op. cit. S.25.
- ⁵¹² Вальдгаузен Й.Я. Указ. соч. С.26.
- ⁵¹³ Liebe G. Op. cit. S.44.
- ⁵¹⁴ Бранд С. Корабль дураков. Сакс Г. Избранное. М., 1989. С.273-277, 281-283.
- ⁵¹⁵ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.148.
- ⁵¹⁶ Blau F. Op. cit. S.142.
- ⁵¹⁷ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1995. С.156.
- ⁵¹⁸ Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М., 1938. С.100.
- ⁵¹⁹ Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969. С.38.
- ⁵²⁰ Пузыревский А. История военного искусства в средние века. СПб., 1884. Ч.II., С.150-151.
- ⁵²¹ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С.247.
- ⁵²² Там же. С.243-244, 247.
- ⁵²³ Там же. С.246.
- ⁵²⁴ Вальдгаузен Й.Я. Указ. соч. С.27.
- ⁵²⁵ Шпренгер Я., Инститорис Г. Указ. соч. С.246.
- ⁵²⁶ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.149-150.
- ⁵²⁷ Там же. С.81.
- ⁵²⁸ Blau F. Op. cit. S.142

-
- ⁵²⁹ Römisch Kayserlicher Mayestät Kriegsvolker... Bd.I.,F.28.
- ⁵³⁰ ГРИММЕЛЬСГАУЗЕН Г.Я.К. Указ. соч. С.146.
- ⁵³¹ Там же. С.145.
- ⁵³² Möller H.M. Op. cit. S.39.
- ⁵³³ РИХТГОФЕН. Указ. соч. С.263.
- ⁵³⁴ ЭРАЗМ Роттердамский. Разговоры запросто. С.171.
- ⁵³⁵ Blau F. Op. cit. S.142.
- ⁵³⁶ Meinhard A. Op. cit. S.10.
- ⁵³⁷ Цит. по: Baumann R. Landsknechte... S.130.
- ⁵³⁸ Цит. по: Blau F. Op. cit. S.125.
- ⁵³⁹ ГРИММЕЛЬСГАУЗЕН Г.Я.К. Указ. соч. С.280.
- ⁵⁴⁰ Там же. С. 280.
- ⁵⁴¹ Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Bd.I. S.99.
- ⁵⁴² Baumann R. Landsknechte... S.202.
- ⁵⁴³ Mandlmayr M.C., Vocelka K.G. Vom Adelsaufgebot zum stehenden Heer. // Socialforschung und «Gesamtgeschichte». Beispiele und Methodenfragen zur Geschichte der frühen Neuzeit. München, 1982. S.114-115.
- ⁵⁴⁴ Blau F. Op. cit. S.131.
- ⁵⁴⁵ Sachs H. Werke. Hildesheim. 1964. Bd. 5., S.117-120, 121-125.; Bd. 9. 442-445.
Wickram G. Das Rollwagenbüchlin. Stuttgart, 1968. №7,14,15,40,42,43,57,71,73,101.
- ⁵⁴⁶ Цит. по: Liebe G. Op. cit. S.49.
- ⁵⁴⁷ Ibid. S.49-50.
- ⁵⁴⁸ Baumann R. Landsknechte... S.202.
- ⁵⁴⁹ Ibid. S.204.
- ⁵⁵⁰ Ibid. S.192.
- ⁵⁵¹ Цит. по: Baumann R. Landsknechte... S.200.
- ⁵⁵² Ibid. S.202.
- ⁵⁵³ Ibid. S.200.
- ⁵⁵⁴ Bilgeri B. Bregenz. Geschichte der Stadt. Wien-München, 1980. S.169.
- ⁵⁵⁵ Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Bd.I. S.137,153.
Liebe G. Op. cit. S.52-53,62,74,82.
- ⁵⁵⁶ ЯНСЕН Г. Указ. соч. С.223.

-
- ⁵⁵⁷ Barthold F.W. Op. cit. S.56.
- ⁵⁵⁸ Сакс Г. Указ. соч. С.273.
- ⁵⁵⁹ Немецкая поэзия XVII века. М., 1976. С.89.
- ⁵⁶⁰ Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.57-58.
- ⁵⁶¹ Сакс Г. Указ. соч. С.226.
- ⁵⁶² Цит. по: Вейс Г. История цивилизации. Т. III., М., 1998. С.402-403.
- ⁵⁶³ Там же. С.404.
- ⁵⁶⁴ Там же. С.405.
- ⁵⁶⁵ Вlau F. Op. cit. S.142.
- ⁵⁶⁶ Цит. по: Baumann R. Landsknechte... S.206.
- ⁵⁶⁷ Вальсгаузен Й.Я. Указ. соч. С.35.
- ⁵⁶⁸ См.: Гриммельсгаузен Г.Я.К. Указ. соч. С.34-36, 53-56.
- ⁵⁶⁹ Wiesflecker H. Op. cit. Bd.III., S.190.
- ⁵⁷⁰ Baumann F.L. Quellen zur Geschichte der Bauernkriegs in Oberschwaben. Tübingen, 1876. S.635.
- ⁵⁷¹ Baumann R. Landsknechte... S.204.
- ⁵⁷² Сакс Г. Указ. соч. С.275.
- ⁵⁷³ Baumann R. Landsknechte... S.205.
- ⁵⁷⁴ Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Bd.I. S.66.
Liebe G. Op. cit. S.46.
- ⁵⁷⁵ Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. С.176.
- ⁵⁷⁶ Там же. С.36-37.
- ⁵⁷⁷ Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. С.65.
- ⁵⁷⁸ Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. С.175.
- ⁵⁷⁹ Там же. С.37.
- ⁵⁸⁰ Paracelsus. Der Krieg als Sünde.//Zur Friedensidee in Reformationszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, hrsg. von Wollgast S. Berlin, 1968. S.58.
- ⁵⁸¹ Franci S. Hronica Zeitbuch unnd Geschichtsbibel von anbeginn biß in diß gegenwertig. Bern, 1555. ff.CCXXIV.
- ⁵⁸² Franck S. Das Kriegsbüchlin des Friedes.//Zur Friedensidee in der Reformationszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, hrsg. von Wollgast S. Berlin, 1968. S.68-69,161,235,249,182,247,258.

-
- ⁵⁸³ Luther M. Ob Kriegsleute auch ynn seligem Stande seyn künden. Wittemberg, 1526.
- ⁵⁸⁴ Лютер М. Избранные прозведения. СПб., 1994. С.141-142.
- ⁵⁸⁵ История Европы. Т. III., М., 1993. С.280.
- ⁵⁸⁶ Franci S. Hronica Zeitbuch... F.CCXXV.
- ⁵⁸⁷ Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. С.64.
- ⁵⁸⁸ Валльгаузен Й.Я. Указ. соч. С.16-17.
- ⁵⁸⁹ Там же. С.18.
- ⁵⁹⁰ Там же. С.19.
- ⁵⁹¹ Там же. С.16-56.
- ⁵⁹² Там же. С.27.
- ⁵⁹³ Брант С. Корабль дураков. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Разговоры за-просто. Письма темных людей. Ульрих фон Гуттен. Диалоги. М., 1971. С.647.
- ⁵⁹⁴ Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten Malefitz und Schuldhandeln... ff.88-F.89.
- ⁵⁹⁵ Валльгаузен Й.Я. Указ. соч. С.54.
- ⁵⁹⁶ Там же. С.33.
- ⁵⁹⁷ Там же. С.53.
- ⁵⁹⁸ Немецкая старина. М., 1978. С.176.
- ⁵⁹⁹ Hermann C.H. Op. cit. S.73.
- См.: Gutbedünken, wie das Kriegswesen aufzustellen...//Schwendi L. von. Op. cit.
- ⁶⁰⁰ Валльгаузен Й.Я. Указ. соч. С.46.
- ⁶⁰¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. IV., С.171.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Бранд С. Корабль дураков. Сакс Г. Избранное. М., 1989.
2. Брант С. Корабль дураков. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Разговоры запросто. Письма темных людей. Ульрих фон Гуттен. Диалоги. М., 1971.
3. Валльгаузен Й.Я. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.
4. Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. М., 1976.
5. Каролина. Казань, 1976.
6. Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987.
7. Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994.
8. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996.
9. Немецкая поэзия XVII века. М., 1976.
10. Немецкая старина. М., 1978.
11. Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий город XIV - XV вв. Сборник материалов. М., 1938.
12. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991.
13. Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М., 1938.
14. Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969.
15. Baumann F.L. Quellen zur Geschichte der Bauernkriege in Oberschwaben. Tübingen, 1876.
16. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges in der Zeiten der vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. München, 1905.
17. Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern. Jena, 1908.

18. Dilich W. Kriegsbuch darinn die alte und neue militia und Kriegsdisziplin beschreiben. 1607.
19. Dokumenten aus dem deutschen Bauernkrieg. Leipzig, 1980.
20. Fragensteiner O. Die Schlacht bei Bicocca, hrsg. von Steinböck W. // Kleine Studien aus dem Maristenkolleg. Mindelheim, 1973. 16.
21. Franci S. Hronica Zeitbuch unnd Geschichtsbibel von anbeginn biß in diß gegenwertig. Bern, 1555.
22. Franck S. Das Kriegsbüchlin des Friedes. // Zur Friedensidee in der Reformationszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, hrsg. von Wollgast S. Berlin, 1968.
23. Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung / wie sich ein jeder Kriegsmann inn seinem Ampt und Beulch halten soll / und zu Anfang eines Kriegs zuerwagen unnd zubetrachten sey... Frankfurt am Mein, 1555.
24. Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten Malefitz und Schuldhandeln / Ordnung und Regiment / Sampt derselbigen und andern hoch oder niedrigen Befelch / Bestallung Statt und Empter / zu Rossz und Fuß / an Geschuß und Munition / in Zug und Schlachtordnung / zu Feld / Berg / Thal / Wasser und Land / vor oder in Besatzungen / gegen oder von Feinden furzunehmen / welcher art / Sitten/ herkommen und gebrauch / under und bey Regierung des Allerdurch Gutigsten / großmechtigsten / unüberwindlichsten und kriegserfahren berümpftisten Romischen Keyzers Caroli des fünfften / hochloblichster und Seligster gedechtniß / geübt und gebraucht... Frankfurt am Meyn, 1571.
25. Fronsperger L. Von Wagenburg und Feldleger / Wie man die Schliessen / sich darein verschanzen / wider auffbrechen / unnd ein Statt oder Festung mit vorteil Belagern / umbschanzen / und undergraben soll / Auch welcher gestalt Statt / Schlosser und andere Gebauw / in und ausserhalb Feindts nathen / nuzlich mögen erbauwet / bewart / und nach notturfft versehen werden... Frankfurt am Meyn, 1573.
26. Fugger J.J. Spiegel der Ehren des Erzhauses Oesterreich. Nürnberg, 1668.

27. Isselburg. Kunstliche Waffenhandlung oder Musqueten und Piquen. 1620.
28. Liliencron R. von. Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13. -16. Jh. 4 Bde., Leipzig, 1865 - 1869.
29. Luther M. Ob Kriegsleute auch ynn seligem Stande seyn künden. Wittemberg, 1526.
30. Lünig I.C. Corpus Juris militaris novissimum oder neustes Kriegs-Recht. Leipzig, 1724.
31. Meinhard A. Der Schwartenhals, Lieder der Landsknechte. Heidenheim an der Brenz, 1976.
32. Monumenta Habsburgica. Sammlung von Akten und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburgen dem Zeitraume von 1473 bis 1576. Bd. II., Wien, 1855.
33. Paracelsus. Der Krieg als Sünde // Zur Friedensidee in Reformationszeit. Texte von Erasmus, Paracelsus, Franck, hrsg. von Wollgast S. Berlin, 1968.
34. Reissner A. Historia Herrn Georgen unnd Herrn Casparn von Frundsberg / Fatters und Sons / beyder Herrn zu Mündelheim / und keyserlicher Oberster Feldhern / Ritterlichen und Loblichen Kriegßthaten. Frankfurt am Mein, 1568.
35. Römisch Kayserlicher Mayestät Kriegsvolker in Zeitalter der Landsknechte. Wien, 1883.
36. Sachs H. Werke. Bd. 5, 9. Hildesheim. 1964.
37. Sastrow B. Ein deutscher Bürger der sechszehnten Jahrhunderts. Selbstschilderung des stralsunder Burgermeister Bartholomeus Sastrow. Leipzig, 1972.
38. Schärtlin S. von. Lebensbeschreibung des Schärtlin von Burtenbach. // Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972.
39. Schwendi L. von. Lazarus von Schwendi, der erste Verkünder allgemeinen Wehrpflicht, hrsg. von Frauenholz E. Hamburg, 1939.
40. Solms R. der Altere, Graf zu. Ein kurtzer Auszug und Überschlag / einen Baw anzustellen / und in Regiment und Ordnung zupringen / mit denen so darauff mit aller arbeit seyn wurden. Cöln, 1556.

41. Solms R. der Altere, Graf zu. Dieses Buch und Kriegsbeschreibung ist vermelten und berichten einen guten ordentlichen Kriegsregirung / nach alten Teutschen Ordnung / gebrauch und Lerkomen / mit andern noch Büchern von aller Kriegsregirung und Rüstung so zu dem Krieg gehört... 8 Bde., Lich, 1559-1561.
42. Stickel B. Burkhard Stickels Tagebuch. // Schwäbisches Lebensläufe. Bd. XI., Heidenheim an der Brenz, 1972.
43. Tratzberg P.P. von. Holländisch Kriegs Recht, und Artickels-Brieff, von Herr Petro Pappo von Tratzberg, mit Annotationibus und Fundamentis Jurisdicis also explicirt, dass es gegennet mag werden ein Corpus Juris militaris, beyfügt Kayser Maximiliani II Artickels-Brieff. Frankfurt am Mayn, 1632.
44. Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuß. Oppenheim, 1615.
45. Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Roß. Oppenheim, 1617.
46. Wallhausen J.J. Kunstliche Piquen Handlung. 1689.
47. Wickram G. Das Rollwagenbüchlin. Stuttgart, 1968.

Литература

48. Авдеева К.Д. Демографические процессы в Западной Европе в XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987.
49. Агапеев. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств. СПб., 1907.
50. Александров С.Е. Статейная грамота - памятник военного права периода позднего средневековья. // Научные труды МПГУ. М., 1999.
51. Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961.
52. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995.
53. Бобровский П.О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск. (XVI, XVII, и начало XVIII вв.). СПб., 1881.

54. Бобровский П.О. Старо-шведское военное право. М., 1881.
55. Богданович. История военного искусства и замечательных походов. СПб., 1853.
56. Брандт. Обзорение истории военного искусства в средних веках. СПб., 1838.
57. Вейс Г. История цивилизации. Т. III., М., 1998.
58. Гончарова В.И. Австрия в реформаторской деятельности Максимилиана I. // Из истории и культуры средневековья. СПб., 1991.
59. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987.
60. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III, IV., СПб., 1996 - 1997.
61. Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в к. XV - XVI вв. // Проблемы германской истории. Ижевск, 1989.
62. Зедделер. Обзорение истории военного искусства. СПб., 1843.
63. История Византии. Т. III., М., 1967.
64. История Европы. Т. III., М., 1993.
65. История крестьянства в Европе. Т. III., М., 1986.
66. Косминский Е.А. Были ли XIV - XV вв. временем упадка европейской экономики? // Средние века. №10, 1957.
67. Лампрехт К. История германского народа. Т. III., М., 1896.
68. Лучицкий И.В. Новые материалы для истории цен в Германии.
69. Майер В.Е. Деревня и город в Германии в XIV - XVI вв. Л., 1979.
70. Майер В.Е. Крестьянство в Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
71. Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956.
72. Михневич. История военного искусства. СПб., 1896.

73. Некрасов Ю.К. Очерк из экономической истории Германии конца XV - начала XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV - XVI вв. Вологда, 1969.
74. Некрасов Ю.К. Реформа или революция? Вологда, 1998.
75. Немилев А.Н. Проблема «элитарности» имперского рыцарства в конце XV - начале XVI вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987.
76. Новоселов В.Р. Война и дворянство в мемуарах французских капитанов XVI столетия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000.
77. Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // Средние века. №37, 1973.
78. Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
79. Пузыревский А. История военного искусства в средние века. СПб., 1884.
80. Разин Е.А. История военного искусства. Т. II, М., 1957.
81. Рихтгофен. Военное хозяйство в военном, политическом и экономическом отношениях. СПб., 1866.
82. Рюстов. История пехоты. Т. I, СПб., 1876.
83. Свечин А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М. - Л., 1927.
84. Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955.
85. Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
86. Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV - XV вв. М. - Л., 1936.
87. Таценко Т.Н. Немецкое дворянство в XVI в. // Европейское дворянство XVI - XVII вв.: границы сословия. М., 1997.
88. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции в XIII - XV вв. М., 1989.

89. Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1995.
90. Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии (по летописям и рассказам очевидцев). М., 1937.
91. Чуянов А.Ф. Становление Протестантского союза в Германии (20 - 30-е гг. XVIв.). // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997.
92. Энгельс Ф. Армия, Артиллерия, Кавалерия, Пехота. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. XIV., М., 1956.
93. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. VII., М., 1956.
94. Эпштейн А.Д. Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV - начале XVI вв. // Средние века. №10, 1957.
95. Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848. М., 1961.
96. Янсен Г. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации. СПб., 1898.
97. Abel M. Massenarmut und Hungerkriesen im vorindustriellen Europa: Versuch einen Synoptis. Hamburg, 1974.
98. Adler S. Die Organisation der Centralverwaltung unter Kaiser Maximilian I. Leipzig, 1882.
99. Angermeier H. Die Reichsreform (1410 - 1553). Die Staatsproblematik im Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München, 1984.
100. Barthold F.W. Georg von Frundsberg und deutsche Kriegshandwerck zur Zeit den Reformation. Leipzig, 1833.
101. Baumann B. von. Studien über die Verpflegung der Kriegsheere im Felde. Leipzig - Heidelberg, 1867.
102. Baumann R. Landsknechte: ihre Geschichte und Kultur vom späten Mittelalter bis zum Dreissigjährigen Krieg. München, 1994.

103. Baumann R. Georg von Frundsberg, Vater der Landsknechte, Feldhauptman von Tirol. München, 1991.
104. Bilgeri B. Bregenz. Geschichte der Stadt. Wien - München, 1980.
105. Blastenbrei P. Die Sforza und ihr Heer. Heidelberg, 1987.
106. Blau F. Die deutsche Landsknechte. Ein Kulturbild. Görlitz, 1882.
107. Bosl K. Die Grundlagen der modernen Gesellschaft im Mittelalter. Stuttgart, 1972.
108. Brandi K. Kaiser Karl V. Der Kaiser und sein Weltreich. München, 1973.
109. Deutsche Geschichte. Bd.I., Berlin, 1974.
110. Diwald H. Wallenstein. Eine Biographie. München, 1975.
111. Erben W. Beiträge zur Geschichte der Landsknechte. // Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums in Wien. Bd.III., Wien, 1907.
112. Erben W. Kriegsartikel und Reglements als Quelle zur Geschichte der k. und k. Armee. // Mitteilungen des k. und k. Heeresmuseums in Wien. Bd.I., Wien, 1902.
113. Frauenholz E. von. Entwicklungsgeschichte des deutschen Heerwesens. 2 Bde., München, 1936 - 1937.
114. Friccius C. Geschichte des deutschen, insbesondere des preussischen Kriegsrechts. Berlin, 1848.
115. Fuchs T. Geschichte des europäischen Kriegswesens. München, 1972.
116. Gagliardi E. Geschichte der schweizarischen Eidgenossenschaft bis zum Abschluß der mailandischen Kriege 1516. Darstellung und Quellenberichte. Leipzig, 1914.
117. Geschichte der Schweiz. München, 1991.
118. Gschnitzer F. Tirol. Geschichtliche Einheit. Wien, 1958.
119. Heilmann J. Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1506 - 1651. Bd. I., München, 1868.
120. Hermann C.H. Deutsche Militärgeschichte: Eine Einführung. München, 1979.
121. Irsigler F., Lassotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker: Außenseiter in einer mittelalterlichen Stadt. Köln 1300 - 1600. München, 1984.

122. Jansen M. Jacob Fugger der Reiche. Leipzig, 1910.
123. Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland. München - Leipzig, 1889.
124. Jähns M. Handbuch für Kriegswesens. Berlin, 1972.
125. Jörg J.E. Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522 - 1526. Freiburg i. Breisgau, 1851.
126. Kuntze P.H. Verlorenes Blut. Zweitausend Jahre deutsches Söldnertum. Leipzig, 1936.
127. Kurzmann G. Maximilian I. und das Kriegswesen der österreichischen Länder und des Reiches. Graz, 1983.
128. Laux M. Der Ursprung der Landsknechte. // Zeitschrift für Kulturgeschichte. Bd. 8., 1901.
129. Liebe G. Der Soldat in den deutschen Vergangenheit. Leipzig, 1899.
130. Mandlmayr M.C., Vocelka K.G. Vom Adelsaufgebot zum stehenden Heer. // Socialforschung und «Gesamtgeschichte». Beispiele und Methodenfragen zur Geschichte der frühen Neuzeit. München, 1982.
131. Meynert H. Geschichte des Kriegswesens und der Heeresverfassungen in Europa. Berlin, 1878.
132. Mockler A. The Mercenaries. New York, 1969.
133. Möller H.M. Das Regiment der Landsknechte. Untersuchungen zu Verfassung, Recht und Selbstverständnis in deutschen Söldnerheeren des 16. Jh. // Frankfurter historische Abhandlungen. Bd.12., Wiesbaden, 1976.
134. Nell M. Die Landsknechte. Entstehung der ersten deutschen Infanterie. Berlin, 1914.
135. Oman Ch. A Histori of War in the Sixteenth Centuri. London, 1937.
136. Padrutt Ch. Staat und Krieg im alten Bünden. Zürich, 1965.
137. Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the rise of the West 1500 - 1800. Cambridge, 1988.
138. Pleticha H. Landsknecht, Bundschu, Söldner. Würzburg, 1974.

139. Press V. Adel im Reich um 1600. // Socialforschung und «Gesamtgeschichte». Beispiele und Methodenfragen zur Geschichte der frühen Neuzeit. München, 1982.
140. Reinecke. Handbuch des Sächsischen Steuerrechts. Merseburg, 1830.
141. Roberts M. The Military Revolution 1560 - 1660. Belfast, 1956.
142. Stolz O. Geschichte des Landes Tirol. Wien, 1955.
143. Thiel E. Geschichte des Kostüms. Die europäische Mode von Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1982.
144. Uhlhorn F. Reinhard Graf zu Solms, Herr zu Münzenberg, 1491 - 1562. Marburg, 1952.
145. Ullrich J. Das Kriegswesen im Wandel der Zeiten. Leipzig, 1940.
146. Welti L. Graf Jakob Hannibal I. von Hohenems. Ein Leben im Dienste des katholischen Abendlandes. Innsbruck, 1954.
147. Wesseli J. Die Landsknechte. Eine culturhistorische Studie. Görlitz. 1877.
148. Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. 5 Bde., München, 1971 - 1986.
149. Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. Berlin, 1985.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Уставная грамота оберста ландскнехтов.

(Fronsperger L. Fünff Bücher. Von kriegs Regiment und Ordnung...

Frankfurt am Mein, 1555. F.XLV.)

Мы, Каролус, Божьей милостью Римский император и прочая, решили взять на Нашу службу и жалованье значительное количество доброго немецкого пешего строя люда. На это Мы дали повеление Нашим верным комиссарам привести и предоставить Нам такое количество. Того ради Мы оговорили с Нашим премного любимым военачальником Конрадом фон Баммельбергом, что он должен привести Нам такой военный люд и, что мы обязуемся выдать Конраду фон Баммельбергу, Нашему военачальнику и оберсту, на набранные десять фенляйнов единовременно пять тысяч жалований спустя четыре месяца после дня смотра, который должен состояться как можно скорее после того, как эта грамота будет прочтена, и получатель примет Наши условия и согласится на них. И тогда эта грамота вступит в силу.

Стало быть, что мы имели в виду: предоставить Нашему оберсту на упомянутые десять фенляйнов пять тысяч жалований для служащих, рядовых хауптманов и кригскнехтов, которым надлежит состоять на Нашей службе и жаловании указанное время. Также должен Конрад фон Баммельберг, Наш оберст, а подобно тому и другие Наши хауптманы, фендрики, служащие и простые кнехты быть под Нашей властью указанный срок, и, если потребуется, в дальнейшем Мы продлим эту грамоту на каждый поход на жаловании после выплаты содержания, а также и статейную грамоту. Поэтому каждый месяц (месяц устанавливается в тридцать дней, одно месячное жалованье в четыре гульдена монетой, по шестьдесят крейцеров в каждом) желаем уплатить и будем должное уплачивать.

За это упомянутый Конрад фон Баммельберг, рядовые хауптманы, фендрики и кнехты, кои будут под его властью, должны исполнять Наши требования, волеизъявления и считаться с Нашими нуждами во всех и в каждой войнах и других делах, на воде и на земле, против всех напастей, все без исключения, честно, усердно и верно, как набожные благородные военные люди, они должны содействовать своему Господину. Также их долг и обязанность подобающе служить, добровольно оставив обычай. Так как Мы не имеем длительной необходимости содержать их и даем им отставку, то Мы желаем предоставить и выдать им на отход половину месячного жалованья.

Повелеваем служить и пребывать в порядке всем и каждому хауптманам, фендрикам, служащим и простым кригскнехтам, которые будут под властью упомянутого Конрада фон Баммельберга, чтобы они уважали и держались своего оберста, и, чтобы они, так же как их оберст, споспешествовали как должно, по содержанию и в силу статейной грамоты.

Помимо этого, Мы еще обещаем и оговариваем это Нашим императорским Саном и Верой, что Мы будем все исполнять, как указано в этом утверждении и статейной грамоте, на столько на сколько это Нас касается, придерживаться этого без отступлений. Пока продолжаемся в Своем роде и живем, верно и без дурного толкования хотим выполнять установленное этой грамотой, написанной собственноручно и запечатанной приложением Нашей печати.

Дано в Риме шестого апреля тридцать шестого года пребывания на императорском престоле,

Каролус.

Приложение II
Патент на вербовку.

(Fronsperger L. Von Kayserlichem Kriegsrechten Malefitz und Schuldhandeln... Frankfurt am Meyn, 1571. F.XXV.)

Мы, Карл и пр. уведомляем всех и каждого курфюрстов и князей, а кроме того также все и каждую власти, никого не исключая, а также, в особенности, наших наследственных княжеских земель подданных и любезные и верные сословия и пр. этой Нашей грамотой просим и предлагаем и пр. Согласно с этим Мы, по достойным причинам, для обеспечения общего блага и доброго развития Св. Римской империи немецкой нации, имеем намерение и решили значительное число немецкого военного люда, конного и пешего, принять на нашу службу и жалованье и для этого отправили Нашего и империи хауптмана, любезного и верного N фон N и приказали созвать и принять такое число немецкого пешего военного люда Нашим именем, а также на Наши средства. По этой причине желаем Мы от каждого и всякого особо, этой грамотой просим, настоятельно приказываем и требуем, чтобы этот самый N фон N, Наш хауптман, повсюду в наших и ваших княжествах, землях, городах и других местах имел возможность вербовать и, таким образом, такой военный люд созывать и принимать; также этому не противодействовать, также ему в этом никаких недоразумений и препятствий не создавать, ни в коем случае и никоим образом, но особенно в этом содействовать и помогать, как Мы от вас искренне требуем, исходя из серьезнейших оснований. В удостоверение и пр.

Приложение III

Вербовочный патент от герцога Максимилиана для оберста Александра фон Хасланга.

(Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges in der Zeiten der vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. Bd.VII. München, 1905. S.417.)

В различных местах поднялся клич о войне, и в неизвестных целях в империи и вне, отчасти вблизи ее границ, затеяны вербовка и снаряжение. Он, как глава Лиги, и другие католические союзные курфюрсты и сословия, принимая это, как необходимое «для нужд Лиги», точно также вербуют военный люд. Император дал на это свое согласие. Он, следовательно, поручил Хаслангу завербовать некоторое количество хороших, сплошь испытанных кнехтов внутри и вне страны. Он приказывает своим органам власти и предлагает иностранцам своим и всей Лиги именем способствовать вербовке.

Дано в Мюнхене 16 марта 1610 года.

Приложение IV

Статейная грамота Максимилиана II

(Tratzberg P.P. von. Holländisch Kriegs Recht, und Artickels-Brieff, von Herr Petro Pappo von Tratzberg, mit Annotationibus und Fundamentis Jurisdicis also explicirt, dass es gegennet mag werden ein Corpus Juris militaris, beyfügt Kayser Maximiliani II Artickels-Brieff. Frankfurt am Mayn, 1632. S.141-155.)

Articulus 1

Сначала немецкие кнехты должны Нам, Римскому императору, и Священной империи торжественно пообещать и поклясться верно служить Нам и Священной империи, предупреждать Наши и империи беды и благочестиво споспешествовать равным образом Нашему верховному заместителю, item, своим оберстам, ха-

уптманам, лейтенантам, фендрикам, вайбелям, фурьерам и прочим высоким должностным лицам подчиняться против врагов по Нашим законам; что они вам постановят и прикажут, того военный люд должен придерживаться, будь то благородный или неблагородный, малый или великий человек, должно это выполнять без всяких противоречий и исключений и никакого мятежа не устраивать, и руки к нему не прикладывать, с пренебрежительными, позорными словами не выступать, но использоваться в походах на и от врага, в битвах, штурмах или караулах, как придется днем и ночью выступать и что еще нужда потребует. Но если один или более непокорных этому появятся, тот или те должны быть наказаны по усмотрению оберста и по закону как в нижеизложенных статьях установлено.

Articulus II

Во-вторых, каждый военный человек должен воздерживаться от безбожных слов и дел и от сердца испрашивать свыше победу над врагом, всякий раз как обращается к богослужению или проповеди Слова Божьего, отправляться на проповедь и без достойной причины ее не пропускать. Но если один или более будут замечены в богохульных речах или делах, тот или те должны быть наказаны телесно и смертью по усмотрению оберста или закона. Но кто зайдет ко времени проповеди в винный погреб или в другие легкомысленные места, того профос должен взять силой, забить в железа и наказать по усмотрению оберста. Не должно также маркитантам во время богослужения или проповеди нацеживать и продавать никакого вина, пива или подобного.

Articulus III

Также все кнехты должны носить пики и короткое оружие, появляться на смотре с хорошим крепким оружием на боку, а именно, двуручным мечом или доброй рапирой. И стрелки должны быть снабжены добрыми крепкими рапирами. Item, каждый кнехт не должен менять свое вооружение, носимое на боку или другое оружие, а хорошо присматривать за ним и не портить рубкой дерева или

подобным, чтобы они, как военный люд, могли него в случае нужды употребить против врага. Если кто-либо сделает иначе, то должен быть наказан за это и ему особенно, на смотре, будет понижено жалование.

Articulus IV

Item, кроме того, каждый должен держать в доброй сохранности и готовности свое основное оружие, а особенно стрелки - свои пищали и принадлежности к ним и не должны оказываться без пороха и пуль, а также другого необходимого; но если кто-либо, находясь в походе и карауле, не сможет применить против врага пищали или другого оружия, тот должен быть за это наказан телесно.

Articulus V

Также, каждый должен быть одет в свой оберрок или плащ, чтобы лучше предохраняться от дождя и холода, а стрелки, в особенности, должны укрывать свои пищали и пороховницы, чтобы лучше применять их во всякое время.

Articulus VI

Item, также кнехты каждого фенляйна, все без исключения, или ватагами, как случится или нужда потребует, должны использоваться и посылаться, будь то в походе, карауле или гарнизоне, по Нашему и Нашего оберста распоряжению.

Articulus VII

А если случится, что хауптман или командир с другими хаптманом, фендриками, вайбелями и кнехтами постановят сделать что-либо, чего нужда потребует, что военным людям делать возможно, в этом должно быть им послушными, безразлично тому, поступил ли хауптман справедливо.

Articulus VIII

Item, рожениц, беременных женщин, стариков, священников, проповедников и церковных служителей кнехты должны защищать, оберегать и, под страхом телесного наказания, ни в коем случае не обижать.

Articulus IX

Item, также они должны щадить церкви, монастыри, больницы и школы, их не повреждать, еще не обижать ни в коем случае под страхом телесного наказания.

Articulus X

Впредь они должны служить XXX дней в месяц, как повелось по обычаю; и должно каждому на одно месячное жалование выдавать и выплачивать 4 гульдена по 15 батценов или 60 крейцеров, однако, если деньги задержаться и не сразу будут в наличии, то они должны проявлять терпение и нести свой караул не в меньшем объеме, и ни от какого похода против врага не отказываться, как надлежит военным людям.

Articulus XI

Item, Если один или более после того, как он получит деньги, вопреки этому сбежит или впоследствии без разрешения и без паспорта из отряда, и без увольнения в отпуск уйдет прочь, где и когда те самые один или более на этом будут пойманы, их должно наказать телесно и смертью, и всякий получит хорошую награду; или если он не будет пойман, то он должен, однако, быть публично оглашен шельмой и не иметь нигде никакой свободы, безопасности и защиты.

Articulus XII

Также ни один кнехт не должен в походе выходить из порядка без заметной причины, но если один или более будут в таком непослушании, хауптманы, фельдвайбели и рядовые кнехты должны того или тех, кто сам не желает оста-

ваться в общем порядке, загонять насильно, а если кто-либо прибегнет к оружию, выкажет непокорность и будет убит, то за это никто не должен быть наказан.

Articulus XIII

Если также один или более в походе или карауле будут наказаны командиром, по справедливым причинам и потому, что они поступили противно тому, что им, как военным людям надлежит, и они против него соберут ватагу или прибегнут к оружию, или будут приставать с поносными словами, те должны быть за это наказаны по усмотрению оберста или закона.

Articulus XIV

Также если они будут посланы оберстом, хауптманами или командирами в гарнизон фенляйнами или ватагами, будь то города, замки, рынки или местечки, как придется, то они должны этому добровольно подчиниться и своим телом и жизнью до отхода верно и смело те самые сохранять, ни о какой сдаче не говорить и не держать совет по своей чести и долгу.

Articulus XV

Затем также они должны при опасности от врагов и нужде добровольно соглашаться по своей присяге без всяких противоречий на требования хауптмана или оберста по работе и строительству.

Articulus XVI

Item, если они в таковом гарнизоне будут во вражеской осаде, будет ли один или более штурмов, они должны после этого, как и прочие, удовлетворяться обычным жалованием, и Мы и империя в дальнейшем не будем им должны. А если замок, город или другой гарнизон с делом взяты будут, то они не должны внутри никого убивать или грабить, а также проникать внутрь, кроме тех случаев, когда на то будет разрешение и распоряжение оберста.

Articulus XVII

Item, также они должны оставлять сохраняемое и почитаемое в сохранности и почитании и в дальнейшем ничего против них не предпринимать и не делать без ведома и разрешения оберста или того, кто исполняет его приказ. Все под страхом телесного наказания.

Articulus XVIII

Item, если Salua Guardia [охранный отряд, высланный военачальником с целью поддержания порядка в захваченном городе] что-либо отметит, то никто не должен ничего брать, грабить или повреждать под страхом телесного наказания.

Articulus XIX

Item, если случится, что по Нашей или назначенного Нами верховного заместителя воле произойдет битва или, с Божьей помощью, будет завоевана с сильным штурмом крепость, то должно высчитывать жалование каждого кнехта как за месяц их службы, начавшийся и закончившийся, однако, в дальнейшем ни Мы, ни империя не будем им должны. А если деньги не будут в наличии немедленно, а возможно будет нанести врагам ущерб, то они должны не противиться приказу своего оберста надавить еще раз после дела и ни от какого похода к ущербу врагов не отказываться; а если один или более воспротивятся, те должны считаться клятвопреступниками и быть наказаны телесно и смертью. Однако не должно изменять Нам и Нашему королевству и наследственным землям таким образом еще в чем-либо подобном, но и это непременно оставить.

Articulus XX

Item, никому не должно в битве или штурме отправляться на грабеж или принимать добро, если поле и место будет захвачено, но оставлять в хорошем порядке. При уклонении - телесное наказание.

Articulus XXI

Также никто не должен уходить из лагеря на добычу или еще куда без ведома и воли своего хауптмана; еще оставлять место ночлега своего фенляйна. Под страхом телесного наказания, и впредь до особого разрешения оберста.

Articulus XXII

Если один или более в поле или еще где побегут, то должен следующий того или тех заколоть или зарубить; и если кто-либо, кто таким образом хочет убежать будет за это предан смерти, то никто не должен пострадать, а, наоборот, заслужит этим большую благодарность.

Articulus XXIII

Но если кто-либо сбежал, то следующий должен известить хауптманов, а затем сбежавший должен быть схвачен и наказан телесно и смертью или, если он не будет пойман, публично оглашен шельмой.

Articulus XXIV

Также никакой рядовой из них не должен по своей присяге без ведома и воли оберста, быть при этом остановлен, но кто это нарушит, те должны считаться клятвопреступниками и быть наказан телесно и смертью без всякой милости.

Articulus XXV

Item, также никто не должен держать речь с врагами или их барабанщиками и флейтистами, будь то в лагере, в походе или гарнизоне; также никаких писем в лагерь врага не писать или не отправлять посольство и от врагов ничего не получать без приказа и разрешения оберста под страхом телесного наказания.

Articulus XXVI

Item, никто не должен проводить через караул из лагеря или в лагерь никого от врагов или их приспешников, будь-то мужская или женская персона, юноша или старик, но должен их задерживать и препровождать к своему оберсту или фельдберсту.

Articulus XXVII

Item, если один или более прознают об измене или других злых делах, так если один или более причинят вред командиру или рядовому отряда, те должны указать злодея начальству по своей присяге и долгу, а если они этого не сделают, они должны будут быть наказаны как преступившие клятву, так же, как и сам преступник.

Articulus XXVIII

Item, если один или более усмотрят и узнают убыток для друзей и выгоду для врагов, те должны указать таковые своим хауптману и оберсту и тем заслужат большую благодарность.

Articulus XXIX

Item, каждый должен под страхом телесного наказания воздерживаться от преднамеренных потасовок и стараться поддерживать дружбу, мир и единство.

Articulus XXX

Item, никто не должен по своей присяге применять против других в драке такого смертоносного оружия, как пищали или древкового оружия, однако, каждому должно иметь для самозащиты оружие, носимое на боку, и пользоваться им свободно.

Articulus XXXI

Item, если один или более имеют к другому старую вражду или зависть, он должен оставить в покое того самого в этом достохвальном походе и не мстить ни словом, ни делом, ни даже судебным порядком. Если один или более это нарушат и не будут соблюдать, тот или те самые должны быть за это поставлены перед законом и наказаны по усмотрению последнего честью, телесно и смертью.

Articulus XXXII

Также никто не должен собираться в толпы против других, но если между несколькими случились драка или раздор, то ближайшие к ним должны при этом верно и непредвзято призвать к миру в первый, в другой и в третий раз. А если кто-либо после этого не захочет соблюдать мир, то тот, кто затем предаст его смерти, покарает его за это; а если кто-либо зарубит кого-либо вопреки миру или безоружного, тот должен за это быть поставлен перед законом и наказан по усмотрению последнего телесно и смертью.

Articulus XXXIII

Item, если один или более, будь то до или после мира, бросят или метнут в кого-либо свое оружие, те должны быть телесно наказаны.

Articulus XXXIV

Если двое или более поссорятся и подерутся друг с другом, то не должно никому собираться в толпу или образовывать партию против других и нападать на других, но разводить стороны, чтобы предотвратить большую свару и неурядицу. Но те, кто останутся в таком неповиновении, должны быть наказаны по усмотрению оберста.

Articulus XXXV

Никто не должен стрелять ночью и в опасных местах, особенно стоя на карауле, будь то в лагере, городе или замке; вследствие этого может быть нанесен вред. Под страхом телесного наказания.

Articulus XXXVI

Также, если один или более будут вызваны в караул и не явятся, то они должны быть наказаны по усмотрению оберста; а если они не могут явиться из-за телесной слабости, то они должны уведомить об этом хауптмана через своих товарищей по ротте и спросить позволения.

Articulus XXXVII

Если кто-либо был в карауле и ушел оттуда без разрешения, то должен быть наказан без всякой милости; также его товарищи по ротте должны доложить об этом по своей присяги.

Articulus XXVIII

Ни один караульный не должен стоять ни на своем месте без ведома и воли своего хауптмана. Также каждый должен иметь доброе внимание на пароль, который ему дается во всякое время. Если кто-либо забудет пароль или будет с неправильным паролем, то он должен быть поставлен перед законом и по усмотрению последнего наказан честью, телесно и смертью.

Articulus XXXIX

Item, если кто-либо будет спать в карауле или уйдет оттуда прежде, чем его сменят, то он должен быть наказан телесно и смертью.

Articulus XL

Item, также никому не должно драться с другим после смены караула ни в теснинах, ни в ложементе, также и на утреннем подъеме и в строю под страхом телесного наказания и смерти.

Articulus XLI

Также никому не должно что-либо брать насильно или не заплатив, равно как и совершать набеги на бедный люд и грабить в дружественной стране и в наших империи владениях, но каждый должен подобающим образом мирно стоять у своего хозяина, у которого в городе или местечке будет пребывать во всякое время.

Articulus XLII

Кто не будет поступать таким образом, и придет жалоба, тот должен быть принужден своими хауптманом и оберстом к возмещению и еще наказан по усмотрению телесно и смертью.

Articulus XLIII

А если в этом войске будет более чем одна нация, не должно производить с теми столкновений, выказывать недовольство, собираться против них в толпы, а также не играть с ними, чем будет предотвращена большая неурядица. Под страхом телесного наказания. Но если произойдет недоразумение, или ими будет причинен ущерб, то должно доложить об этом своему командованию, которое должно разобраться по всей справедливости. А если в полевой лагерь будет привезен провиант, каждый должен оставить маркитантов не подвергнутыми насилию и не обиженными, также не брать или хватать провиант ни до, ни после его доставки в лагерь прежде оценки.

Articulus XLIV

Также никто не должен выбегать из лагеря и перекупать провиант, но должно его привозить и приносить на свободную площадку в лагере и ждать оценки. Под страхом телесного наказания.

Articulus XLV

А если профос или его кнехты захотят схватить одного или более неподчи-няющихся, то никто не должен им в этом препятствовать или собираться против них в толпы или того самого также хватать; но они должны с этим управиться, и если один или более профосу и его кнехтам воспрепятствуют, или если злодей вследствие этого сбежит, те сами должны быть наказаны так же, как и преступник.

Articulus XLVI

Item, если один или более будут уличены в таких позорных для сообщества делах, как убийство, кража, измена или подобном, а профос или его служители не сразу их схватят, то ближайшие должны препроводить их в правление регимента к профосу или задержать до его приезда.

Articulus XLVII

Также никто не должен записываться к двум хауптманам одновременно или дважды проходить смотр, и никто не должен проходить под другим именем, также обещать отлично от правды или одалживать другому свои доспехи и оружие, чтобы пройти смотр; те кто это нарушат должны быть наказаны телесно и смертью.

Articulus XLVIII

Item, также каждый должен называться и быть записанным на смотре под правильным именем и прозвищем, а также правильно называть город, в котором или подле которого он родился.

Articulus XLIX

Также никто не должен пользоваться ложным преимуществом или обманом и кому-либо помогать в том советом или содействовать никоим образом по присяге и долгу каждого, поскольку Мы и Священная империя будем обременены и отягощены несправедливым и недопустимым жалованием.

Articulus L

Также тем, кто из благородных, при осмотре хауптманами и командирами, надевать и при себе иметь все свое вооружение.

Articulus LI

Если конница и пешие кнехты будут располагаться в лагере вместе, то кнехты должны уступать конным место для помещения их лошадей и ладить с ними.

Articulus LII

Также каждый должен удовлетворяться тем местом, которое выделит ему квартирмейстер, и вести себя там мирно и хорошо.

Articulus LIII

Item, также никто не должен грабить никакой плуг; без разрешения повреждать или разрушать мельницы, хлебные печи и что служит простым нуждам, будь то у друзей или врагов; еще преднамеренно портить и выливать никакого вина, высыпать муки или зерна под страхом телесного наказания.

Articulus LIV

Никто не должен поднимать никакого оружия на стариков или проповедников, также на баб, также предавать смерти несовершеннолетних детей под страхом телесного наказания и смерти.

Articulus LV

Также никто не должен без приказа оберста вымогать что-либо угрозами поджога или жечь, или поджигать лагерь под страхом телесного наказания, и, особенно, не должно этого делать там, где народ занимается производством, чтобы не воспрепятствовать снабжению провиантом.

Articulus LVI

Также каждый должен воздерживаться от питья и опьянения и никого другого к питию не принуждать. Если кто-либо в подобном виде кого-либо изнасилует или избьет, или какое-либо другое непотребство сотворит, тот должен быть наказан не так строго, как если бы он был трезв, а в два раза жестче.

Articulus LVII

Item, особенно тот должен воздерживаться от пьянства, кто должен идти в караул; а если кто-либо будет пить или будет пьян в карауле так, что не сможет отправлять свою службу как должно, тот должен быть тотчас забит в железа и, кроме того, наказан по усмотрению оберста.

Articulus LVIII

Item, также если кто-либо в дороге или походе будет настолько пьян, что не останется ни разума, ни чувств, и, особенно, если он не сможет идти или стоять, тот должен быть взят профосом или его слугами в заключение и забит в железа где его застигнут.

Articulus LIX

Также никто не должен поднимать никакой тревоги без предуведомления и приказа хауптмана под страхом телесного наказания.

Articulus LX

А если будет тревога, каждый должен бежать на место, которое ему предписано, и без заметной телесной немощи не оставаться в ложементе под страхом телесного наказания.

Articulus LXI

Item, если кто-либо из-за пьянства пропустит или проспит нападение врагов или тревогу, тот должен быть за это телесно наказан.

Articulus LXII

Item, что каждый добудет у врагов в битвах, штурмах или подобном, должно каждому оставлять по военному праву и распорядку, но с пушками, порохом, боеприпасом, запасом провианта и прочим, что принадлежит к содержанию местечек, а также с пленными, поступать как прикажут кригсхерр, князя или фельдберст, передавать их Нам и Нашему фельдберсту, оказывать справедливое уважение. Также никто не должен оставлять у себя каких-либо пленных без позволения оберста под страхом телесного наказания.

Articulus LXIII

Когда кто-либо будет поврежден врагом или еще каким-либо честным способом или Божьей силой заболеет, тем не менее, никто из них не должен получать жалование на свой отход.

Articulus LXIV

А если у врагов будет отобран скот или другой провиант, тот или те, добывшие его, не должны уводить скот из лагеря, но должны его продавать за достаточные деньги в лагере по разрешению любого профоса или своего главнокомандующего для пользы и добра рядовых кнехтов.

Articulus LXV

Item, никто не должен насильно отбирать у другого добытую им добычу, а нарушивший должен быть за это наказан по усмотрению оберста.

Articulus LXVI

Также каждый должен оставлять палачей при вольностях общего права. Кто этого не сделает, должен быть наказан телесно и смертью.

Articulus LXVII

Также никто не должен иметь наглость ходить или таскаться в обоз, если он не обременен телесной немощью и не получил разрешение своего хауптмана.

Articulus LXVIII

Item, каждый должен по своей чести и присяге прогонять от себя свой обоз или свиту, которую составляют подлые бесчестные бабы, исключая законных жен, по приказу оберста и своего хауптмана ко времени первого смотра или позднее, когда ему будет приказано.

Articulus LXIX

Item, ни один хауптман не должен принимать назначенных другим кнехтов, состоящих при их фенляйнах без их ведома и воли; также не должен ни один конный кнехт, который прибыл в свите своего господина, быть принят никаким хауптманом пехоты, также и другими путями никто не должен спешивать у другого челядь.

Articulus LXX

Никто не должен играть с другим дольше, чем тот имеет наличные деньги; но, если один у другого много или мало выиграет в долг, то другой ему ничего не будет должен.

Articulus LXXI

Item, если один или более не будут придерживаться записанных выше статей, то должно того или тех считать клятвопреступниками и строго наказывать по усмотрению закона или оберста, а если какие-либо из вышеизложенных статей будут забыты и об этом не будет доложено, чего военным людям надлежит придерживаться, то должно, тем не менее, все дурные дела представлять на рассмотрение оберста и наказывать.

Articulus LXXII

И должны все кнехты добро этой присяге следовать, будут ли они состоять, быть записаны и получать деньги в этом регименте на Нашей и империи службе долго или недолго, также добро блюсти и исполнять долг по присяге и все записанные выше статьи, в чем они должны будут персонально поклясться.

Articulus LXXIII

Item, если один или более забудут записанные выше статьи, то они должны во всякое время отправляться к шультгейсу, который должен им их снова зачитать и разъяснить.

Articulus LXXIV

Также они должны поклясться на 3 месяца, а если в дальнейшем в них будет потребность, они должны так же служить по этой статейной грамоте и установлению, как долго в них будет потребность, им назначат и их наймут без осложнений и возражений. Все по предписанному этой грамотой.